

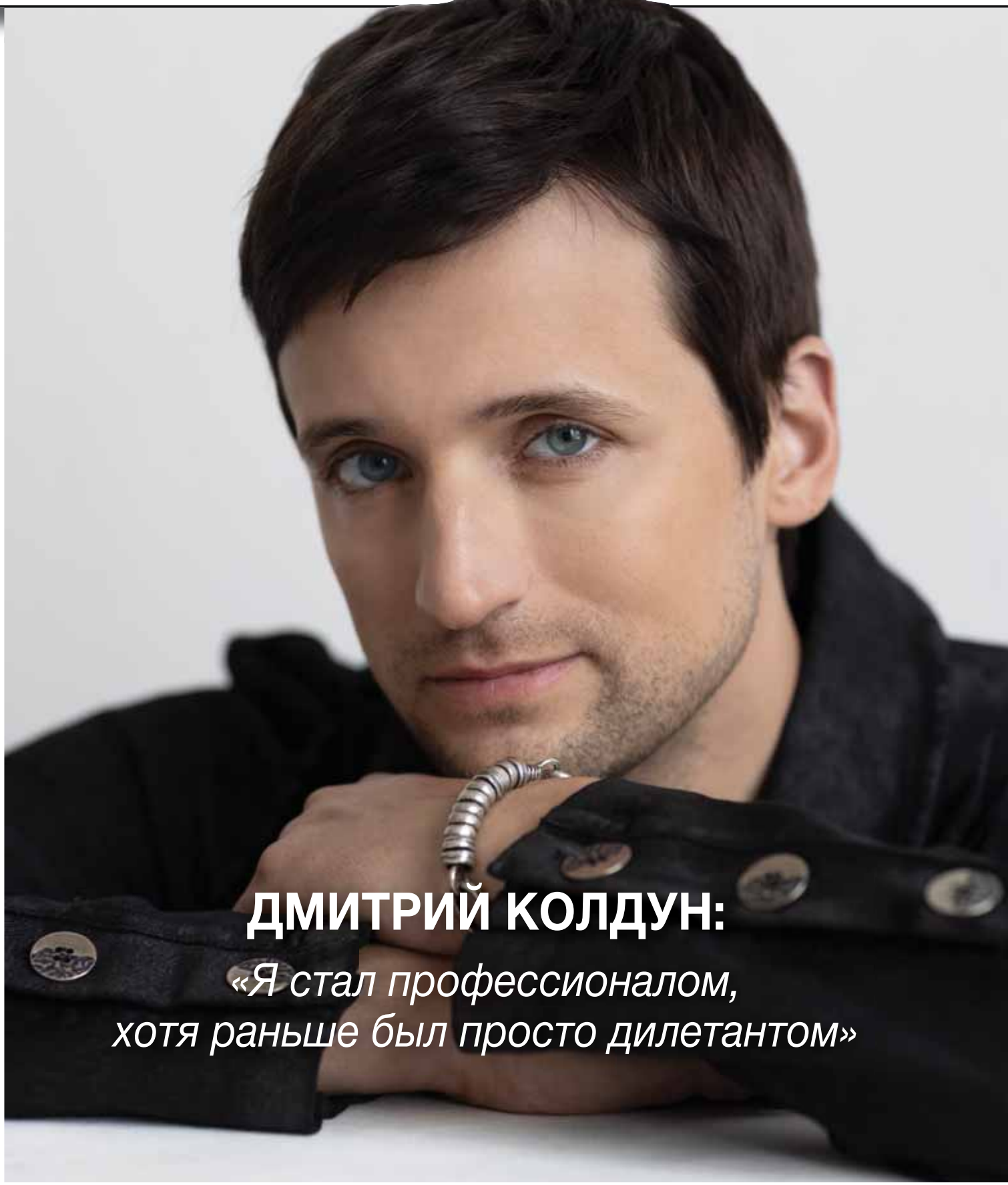
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2024

ДМИТРИЙ КОЛДУН:

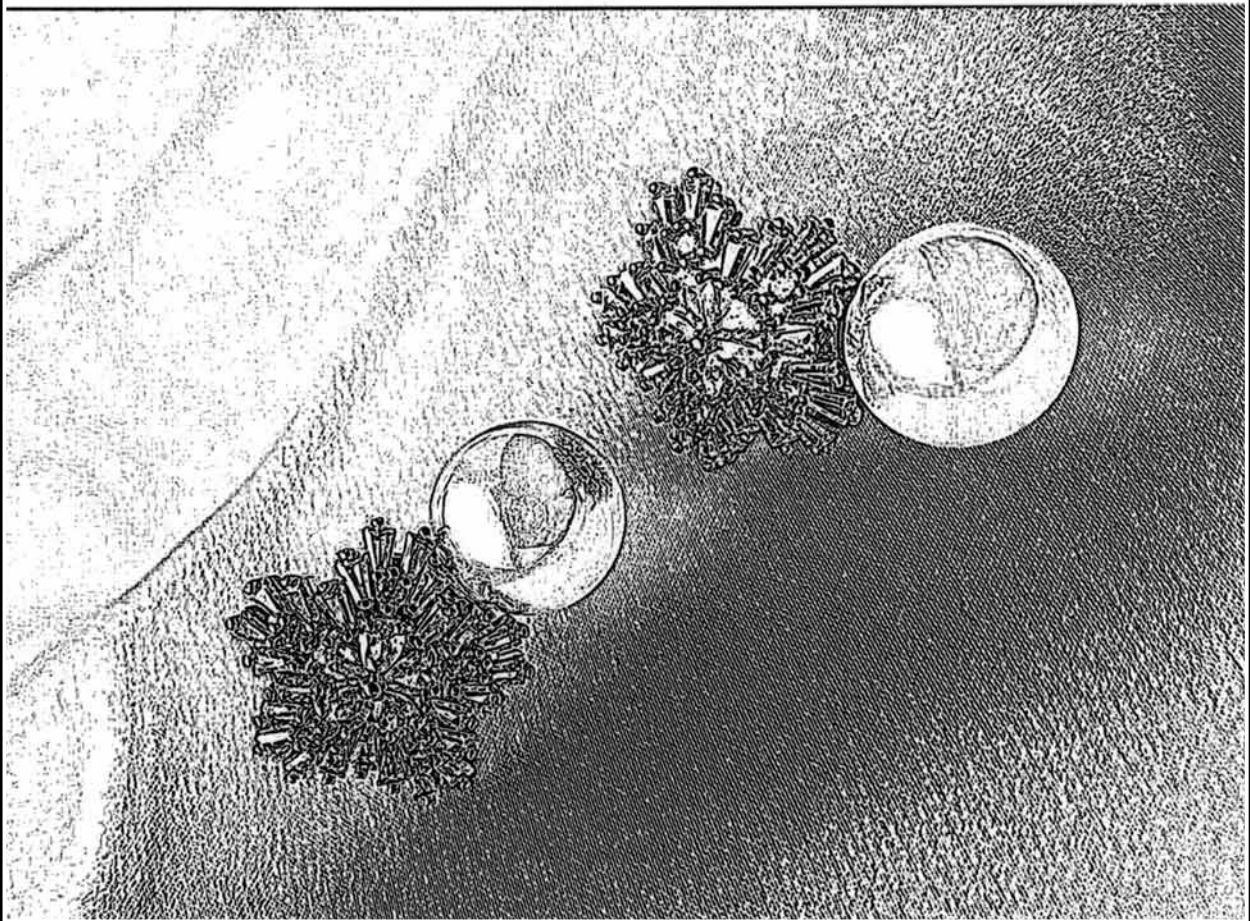
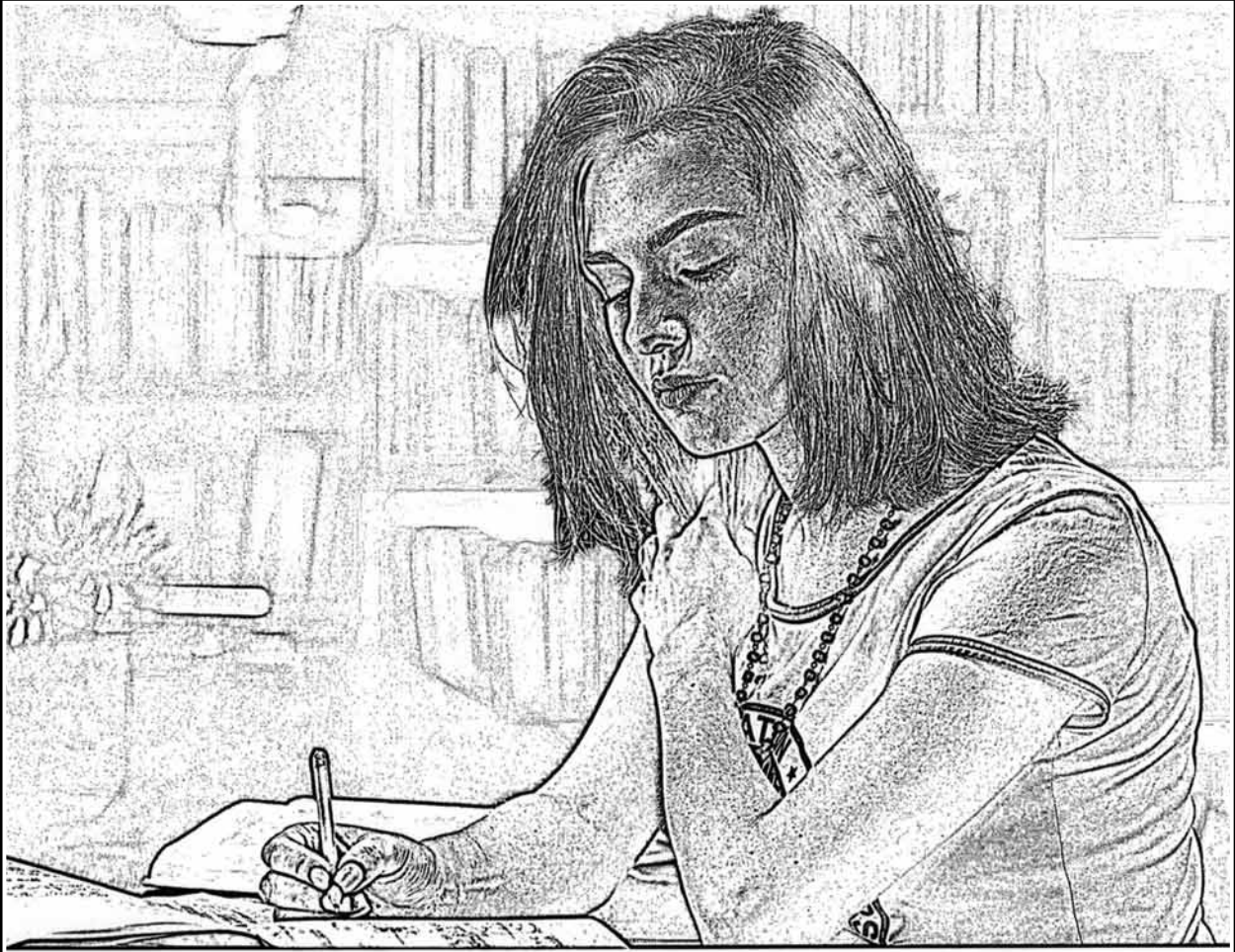
*«Я стал профессионалом,
хотя раньше был просто дилетантом»*

О творчестве актрисы Дарьи Конныжевой читайте на стр. 95

Это интересно	
<i>Александр Ралот</i>	«Держиморда» всея Руси.....4
Из российской истории	
<i>Светлана Марлинская</i>	Загадка «княжны Таракановой».....10
Судьбы	
<i>Евгения Гордиенко</i>	«Каждый выбирает для себя...» 17
<i>Виктор Елисеев</i>	Она дружила с Толстым 22
Уголки России	
<i>Дмитрий Зелов</i>	Кострома, Кострома, дальняя планета 28
Рассказ	
<i>Марина Бобина</i>	Серьги с изумрудами 34
Замечательные современники	
<i>Дмитрий Соколов</i>	Дмитрий Колдун: «Хочу и дальше создавать новые произведения и радовать свою аудиторию».....49
Звезды не гаснут	
<i>Юрий Осипов</i>	Синдром Муратовой 56
Антиутопия	
<i>Александр Куприянов</i>	Бабочка Когню 70
Молодые таланты	
<i>Дарья Парчинская</i>	Дарья Коныжева: «Для меня самое главное в искусстве — возможность творить» 95
Посмеемся вместе	
<i>Александр Пономарев</i>	Сейчас погуглим.....104
Неизвестное об известном	
<i>Ирина Беспалова</i>	Джек Лондон. Писатель, бунтарь и скиталец 107
Остросюжетный роман	
<i>Екатерина Маркова</i>	Плакальщица.....124
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певец и композитор Дмитрий Колдун
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

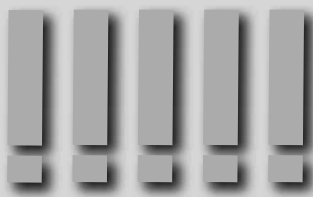
Тираж —
Зак. №

Цена свободная

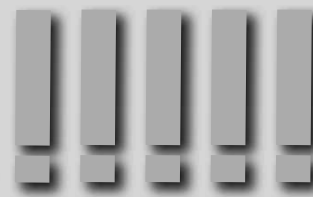
Номер подписан в печать: 17.10.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

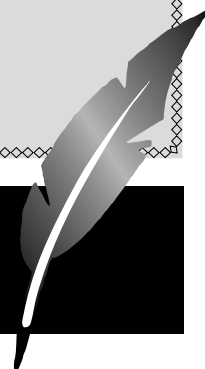
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

«Держиморда» всея Руси

*Возьмем, к примеру, декабристы —
Свободы духом пленены,
Дворяне, но не монархисты,
«Даешь крестьянину земли!»*

*И Александр Христофорыч
Сказал: «Похвально, господа,
Те, кто отдал крестьянам землю,
Те прощены раз, навсегда».*

*«Ах, нет таких, печально, право,
А я своих-то отпустил.
С землей, да и налог державный
За них вперед я заплатил».*

*«Для тех, кричащих в подворотне,
Чтоб все наружу с топором,
Живущих по своим законам —
Для тех на каторге их дом».*

Оскар Хуторянский

Каким же человеком был упомянутый в стихотворении бывший генерал-адъютант императора Александра I, а затем, предводитель голубых мундиров — глава корпуса жандармов, беспощадный борец с декабристами и надзиратель за поэтом Пушкиным, граф Александр Христофорович Бенкендорф?

1821 год. Санкт-Петербург. Зимний дворец

— Милостивый государь, вы должны прочитать вот это, и, по возможности, незамедлительно, ибо над тронем, да и над всей нашей империей нависла смертельная угроза! — начальник штаба Гвардейского кор-

пуса Бенкендорф протянул императору бумагу и продолжил: — Сдается мне, что автора этого донесения, господина Грибовского, следует незамедлительно поощрить как верно-подданного Вашего Высочества и ...

— Полно вам, — оборвал его Александр I, — я на дню до ста подобных посланий получаю, а быва-

ет, и поболее. Однако раз вы настаиваете, то прочту, но позже, сейчас имеются дела поважнее...

В записке Грибовского подробно рассказывалось о тайном обществе под названием «Союз благоденствия», с фамилиями, явками, паролями и выводом: незамедлительно всех заговорщиков арестовать, а еще лучше, сразу ликвидировать его лидеров.

Самодержец не разделял мнение автора и своего генерал-адъютанта, ибо в серьезность заговора против монарха верить не желал. Он убрал бумагу в дальний ящик, да и забыл. (Смею предположить, что, если бы венценосец отнесся к записке не столь легкомысленно и принял решение — дать делу ход, то, возможно, и не случилось восстания декабристов на Сенатской площади!)

Но записка Грибовского все же сыграла свою роль. Царским указом, без объяснения причин, Александра Бенкендорфа неожиданно понизили в должности.

Генерал, не получив аудиенции, написал царю письмо, в котором искренне недоумевал, чем он, патриот России, мог вызвать монаршее недовольство? Объясняться с одним из своих верноподданных император не пожелал!

Настало время сказать несколько слов о выпускнике модного пансиона ордена иезуитов под руководством аббата Николя, где познавал

азы различных наук ученик Бенкендорф, причем, познавал из рук вон плохо, и посему до конца своих дней писал как на русском, так и на французском языках с серьезными грамматическими ошибками. Позже, став фактически вторым лицом в империи, в служебных делах был крайне небрежен, но при этом считал своим главным предназначением — видеть везде и во всем опасность для существующего строя!

И еще, — смелости и отваги этому человеку было не занимать! Хотите примеры? Вот первый.

(19) ноября 1824 года. Санкт-Петербург

Вода в Неве поднялась более чем на четыре метра! Это стоило жизни нескольким сотням человек (точное число ни тогда, ни позже, так и не подсчитали).

Были разрушены до основания около полутысячи домов и несколько мостов.

Дежурный генерал-адъютант Бенкендорф стоял рядом с императором на балконе Зимнего дворца. Мимо них, по площади, затопленной водой, течение несло деревянный дом, на крыше которого находились люди. Скинув мундир, адъютант, не раздумывая, бросился вниз, в ледяную воду, за ним последовал находившийся в карауле мичман. Им удалось доплыть до отчаявшихся и спасти всех!

Когда промокший до нитки генерал вновь занял свое место подле самодержца, то был награжден «по-царски» — табакеркой с портретом самого императора, денежной премией в пятьдесят тысяч рублей, а также (!) прощением всех долгов перед казной!

А вот второй.

14 декабря 1825 года.

Сенатская площадь столицы

Александр Христофорович в этот день, как в предыдущие, безотлучно находился при новом государе. Не таясь и не страшась пули, он осматривал расположения мятежников, после чего убыл командовать верными царю войсками, расположенными на Васильевском острове.

— Назначаю вас членом следственной комиссии по делу этих... — Только что взошедший на престол император Николай I не нашел подходящих слов и молча кивнул в сторону взятых под стражу мятежников: — И чего им не хватало?! Ведь и чины, и награды имели. Поместья, крепостные, титулы, деньги — кругом полный достаток!

— Ежели вас интересует мое мнение... — Бенкендорф на минуту замолчал, но, увидев, что император его слушает, продолжил: — Это все от исключительной развращенности ума! Всякое критическое отношение к существующему представляет собой опасность, а потому — крайне нежелательно! «Одна лишь служба,

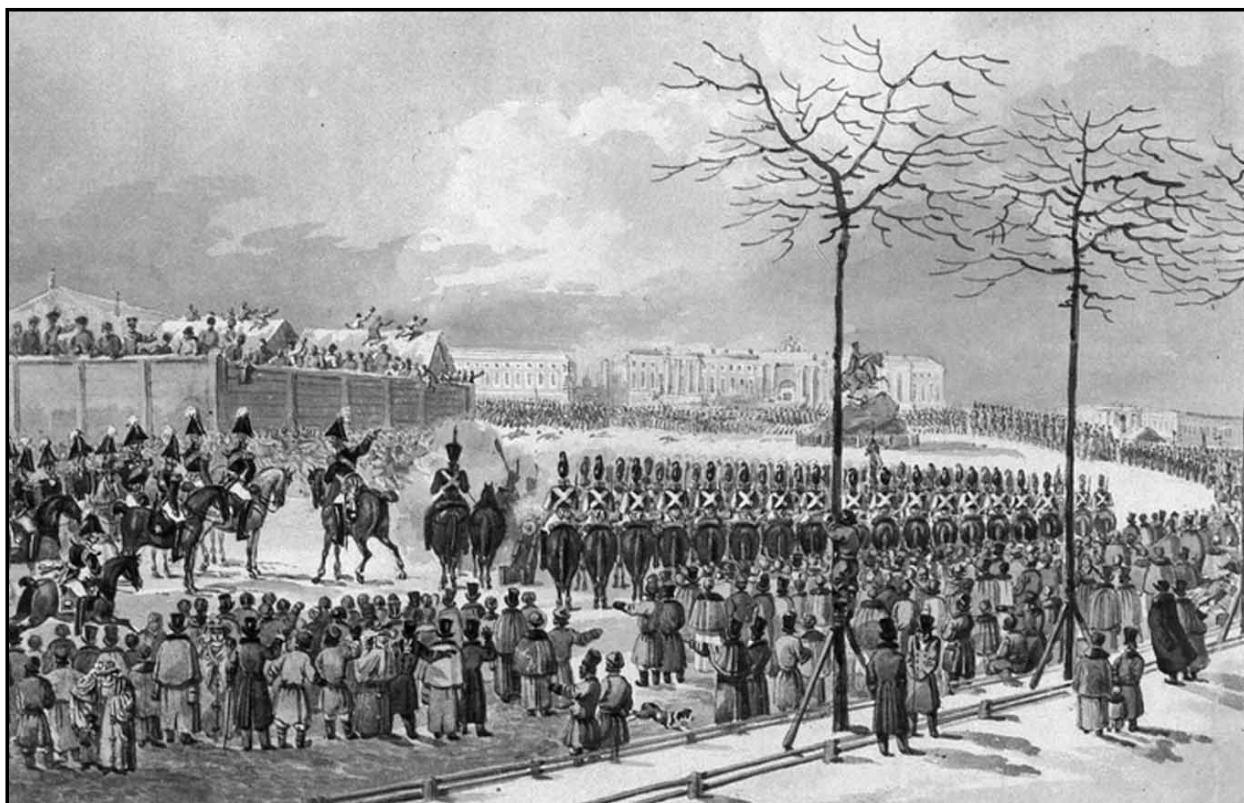
и служба долговременная, дает нам право и возможность судить о делах государственных. Опасно для правительства, чтобы подданные рассуждали о них. Если мне будет дозволено, я подготовлю соответствующий проект и представлю вам, Ваше Высочество, на рассмотрение и утверждение.

12 апреля 1826 года

— Как и обещал, отдаю на ваш суд сей подробнейший документ, призванный бороться с тлетворным влиянием Запада.

— «Проект учреждения высшей полиции под начальством особого министра и инспектора корпуса жандармов» — прочел самодержец и, подойдя к окну, произнес: — Что же, идея вполне созвучна с моими мыслями. Дело нужное и важное. Однако почему служащих этого ведомства вы предлагаете облачить в ярко-голубые мундиры? Их же издали видно будет! Разве это хорошо для сотрудников столь солидного учреждения?

— Территория вашей империи должна быть поделена на округа. И в каждый будет назначен свой жандармский генерал. Отделения корпуса надобно создать в каждом губернском городе и даже... в крупных уездных! «Голубые мундиры» должны проникать в самые отдаленные уголки страны и общества. Они обязаны действовать открыто! Указывать всем на свое присутствие! И их

отдающие голубизной мундиры станут мелькать всегда в тех местах, где возможно даже легкое, незначительное... вольнодумство! При этом они должны помогать слабым и оклеветанным, быть честными и бесконечно преданными, в первую очередь, вам, мой государь, а во вторую — службе, при которой они имеют честь состоять!

Выслушав монолог своего любимчика, Николай расхохотался, вытер слезы и протянул платок Бенкендорфу:

— Ну, прямо чисто моральный кодекс, ей-богу. Надобно для будущих поколений записать. Возьмите этот платок, пригодится. Им вы будете вытирать слезы всем униженным и оскорбленным. Пусть знают, что жандармы — это, в первую оче-

редь, защитники, а не надзиратели, сатрапы!

25 июня 1826 года Бенкендорфа высочайшим указом назначили шефом жандармов, а чуть позже еще и главным начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

«Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, но и добра он не сделал, на это у него не доставало энергии, воли, сердца».

Александр Герцен

1830 год

— Александр Христофорович, у меня к вам одна необычная и нижайшая просьба... — Поэт стоял

возле двери кабинета, не решаясь подойти ближе, и переминался с ноги на ногу.

— Александр Сергеевич, что-то вы сегодня совсем не решительный, на вас не похоже, — не отрываясь от бумаг, начальник Третьего отделения кивком указал посетителю на стул, стоящий подле его стола. — Ежели вы о перлюстрации ваших писем, то напомню еще раз, делаю это исключительно по государственной надобности, согласно высочайшему повелению.

— На сей раз я к вам по делу иного порядка, моего творчества не касаемого.

— Во как! Надо же! В таком случае я весь во внимании. — Бенкендорф положил остро отточенное перо на специальный прибор и, скре-

стив руки на груди, уставился на посетителя.

— Дело касается моей предстоящей женитьбы, — нерешительно продолжил Пушкин: — Дело в том, что родителям моей невесты Натальи Гончаровой не по нраву моя неоднозначная репутация в обществе. Не могли бы вы, Александр Христофорович, дать мне положительную характеристику для будущей тещи.

— Однако! — Бенкендорф встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету, рассуждая вслух: — Помните, вы ходатайствовали о назначении пенсии вдове генерала Раевского, и я это удовлетворил. Потом вы просили меня о напечатании пьесы «государственного преступника» Кюхельбекера. И если мне память не изменяет, она была напечатана, причем в типографии при нашем Третьем отделении.

Далее вы прислали новое ходатайство о переводе вашего брата Льва из одного полка в другой. И тоже этот вопрос был решен положительно. Не много ли прошений с вашей стороны, господин поэт? И не выставляете ли меня на всеобщее осмеяние такой необычной просьбой?

Услышав это, Пушкин рывком поднялся с места и поспешил к двери, стараясь как можно быстрее покинуть кабинет.

— Вам характеристику в устном или письменном виде? — донеслось ему вслед — Адрес-то не забудьте секретарю оставить. Куда благожелательное письмо послать прикажете?

(По всей вероятности, рекомендательное письмо от самого начальника тайной полиции развеяло сомнение в семье Гончаровых, ибо согласие на брак ими было дано.)

«Я провел у графа пять дней самым приятным образом. Не могу довольно нарадоваться, что приобрел знакомство такого славного человека, каков хозяин здешнего места. Это, конечно, одна из лучших человеческих натур, когда-либо мной встреченных...»

Из письма Федора Тютчева после беседы с Бенкендорфом в его имении на мызе Фалль близ Ревеля. Сентябрь 1843 года.

Шли годы, и в отношениях между императором и начальником его тайной канцелярии пробежала кошка. Ее звали баронессой Амалией Крюденер, и она имела статус — законная любовница Бенкендорфа! Нисколько не стесняясь, она время от времени приходила к нему на работу и раздавала указания подчиненным от имени своего воздыхателя. Ей все сходило с рук. Ради своей «последней любви» Александр Христофорович шел на любые траты: делал дорогие подарки и безропотно оплачивал чудовищные счета. А ее модистка Сихлер, ничего не утаивая, рассказывала об этом всем своим клиенткам. Когда заканчивались личные средства, Бенкендорф не чурался запустить

Амалия Крюденер

руку и в казенный бюджет. По столице гуляли слухи, что под влиянием госпожи Крюденер престарелый шеф полиции даже изменил православной вере и тайно перешел в католичество!

В конце концов, Николай I отстранил Бенкендорфа от государственных дел и отправил «как следует подлечиться» «на воды» в Карлсбад.

Увы, «воды» не помогли. И осенью 1844 года граф Бенкендорф скончался на борту парохода, который должен был доставить его в родовое поместье, находящееся в Эстляндии.

«Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться!»

А.Х. Бенкендорф. □

Светлана
Марлинская

Загадка «княжны Таракановой»

Настоящая княжна Тараканова — Августа, дочь Елизаветы и Алексея Разумовского. Согласно историческим свидетельствам, ее воспитывали родственники Разумовского — богатые помещики Дарагановы. Впоследствии фамилия Дараганова трансформировалась в более благозвучную — Тараканову.

О жизни ее почти ничего неизвестно, зато существует множество историй о другой — самозваной княжне Таракановой. По свидетельствам современников, она

была чрезвычайно красива, умна, блестяще образована, имела хорошие манеры. До того, как назваться княжной Таракановой, она появлялась в разных странах под раз-

ными именами: госпожа Франк, графиня Пинненберг, княжна Волдомирская. Настоящего имени этой женщины история не сохранила.

«Княжной Таракановой» авантюристка себя никогда не называла, да и называть не могла. Этим именем наделил самозванку французский дипломат Жан Кастер в книге «Жизнь Екатерины II», изданной в 1797 году, то есть, уже после смерти «принцессы».

Она была красивой, невысокой, стройной женщиной с копной темных, блестящих волос, и внешне напоминала знойную итальянку. Больше всего на свете девушка любила роскошь. Чтобы всегда иметь красивые наряды, шикарные кареты, а также золото и бриллианты «на черный день», она была готова на любые авантюры.

Впервые об авантюристке заговорили в 1770 году, когда она блистала в немецком Киле под именем фройляйн Франк. Под этим же именем перебралась в Берлин, где угодила в одну неприятную историю.

Затем был Лондон, где «княжна» поселилась под именем госпожи де Тремуиль. Но проблема с кредиторами стала такой критической, что пришлось бежать в Париж. Там прекрасная авантюристка впервые назвалась «княжной Владимирской» — *princesse de Voldomir* — и связала свою судьбу с загадочной Россией.

Последнее перевоплощение оказалось исключительно удачным.

У «русской княжны» мгновенно начали появляться новые влиятельные и богатые поклонники, среди которых был граф Лимбург.

Она безумно хотела, чтобы граф Лимбург женился на ней, и, чтобы добиться этого, шантажировала влюбленного мужчину возвращением в Персию, а также несуществующей беременностью.

В 1773 году граф, наконец, сделал ей предложение и обещал подарить графство Оберштейн, если их помолвка расстроится.

Помолвка и расстроилась, но бывшей невесте какое-то графство было уже не интересно, она была занята совсем другим делом — предъявила претензии на российский престол.

В декабре 1773 года по Европе начали распространяться слухи, что «принцесса Волдомир» — дочь императрицы Елизаветы Петровны и ее фаворита Алексея Разумовского. Бедная сиротка росла и воспитывалась в ...Персии, а теперь прибыла в Европу, чтобы «получить свое».

Тут же у «княжны» начали появляться сторонники, которые называли ее не иначе как «ее императорское высочество принцесса Елизавета Всероссийская».

Важный момент: самозванка начала распускать слухи о своем царском происхождении после того, как ей стало известно о восстании Емельяна Пугачева, называвшего себя Петром III. Вполне воз-

Елизавета Петровна

можно, что «княжна» просто решила взять пример с удалого донского казака.

В 1774 году она начала активную переписку с Каролом Радзивиллом — виленским воеводой, видным государственным деятелем Речи Посполитой. Радзивилл был врагом России, и знакомство с «претенденткой на русский престол» сильно его вдохновило. Он планировал использовать «княжну» для борьбы с Россией, а та успешно использовала поляка для получения денег.

В феврале 1774 года состоялась встреча «княжны» с Каролом Радзивиллом, на которой он пообещал «русской принцессе» полную военную поддержку Барской конфедерации, выступавшей за независимость Речи Посполитой.

Алексей Разумовский

Это было уже серьезно. И с этого времени судьба самозванки стала решаться далеко не в ее пользу, так как императрица Екатерина не собиралась уступать трон никому.

Вместе с другими польскими конфедератами Радзивилл надеялся создать войско не менее чем в две тысячи штыков, и с ним войти в занятую русскими Польшу. Дальнейший план подразумевал проникновение на территорию России с Запада, пополнение армии за счет присоединения к ней сторонников «настоящей царицы», а впоследствии, возможно, объединение с силами Емельяна Пугачева.

Авантюристка начала действовать все наглее и наглее. Так, она создала поддельное завещание Петра I и своей «матери» Елизаветы Петровны, в котором было написа-

но, что короновать следует ее дочь, «Елизавету», как только той исполнится 18 лет.

Постепенно Радзивилл начал понимать, что особого толку от «княжны» не будет. Конфедераты терпели одно поражение за другим, Турция отказалась оказать помощь в борьбе с Россией, а участвовать в задуманном воеводой походе согласилось лишь 300 человек. Претендентка на трон, не подкреплённая военной силой, была Радзивиллу не интересна.

Единственным, кто остался верен «княжне», был граф Лимбург,

Алексей Орлов

По Европе начали распространяться слухи, что «принцесса Волдомир» — это дочь Елизаветы Петровны и ее фаворита Алексея Разумовского. Мол, бедная сиротка росла и воспитывалась в Персии, а теперь прибыла в Европу, чтобы получить свое

но и он писал ей письма, умоляя отказаться от самозванства и одуматься.

Был и еще один человек, которого личность «принцессы Владимирской» живо интересовала — императрица Екатерина II. Она поручила одному из братьев Орловых, Алексею, доставить самозванку в Петербург любой ценой.

В то время граф с русской эскадрой стоял в итальянском Ливорно. Влияние Орловых на царицу в 1772 году практически сошло на «нет», и Алексей пленением самозванки планировал вернуть располо-

жение государыни. Захватить «княжну» Орлову было проще, чем другим. Она сама вышла на него в августе 1774 года, узнав о немилости, в которую впали в России графы Орловы, и планировала переманить его на свою сторону.

Однако верный Орлов немедленно переслал полученное письмо Екатерине, а от себя высказал мнение, что за спиной самозванки стоит Франция, и это делает ее опасной. Про «княжну» он написал следующее:

«Есть ли этакая, или нет, я не знаю, а буде есть и хочет не принад-

лежащего себе, то б я навязал камень ей на шею, да в воду. И мое мнение, буде найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт, и на оное буду ожидать повеления: каким образом повелите мне в оном случае поступить, то все наиусерднейше исполнять буду».

Из этого письма становится понятным, что план похищения «принцессы» был придуман Алексеем Орловым. Екатерина II его

полностью одобрила и приказала действовать.

Тем временем здоровье самозванки ухудшалось — у нее был сильный кашель с кровью и лихорадка. Большую часть времени она проводила в постели, но продолжала строить козни, пытаясь письмами привлечь на свою сторону недовольных разделом Речи Посполитой польских вельмож, турецкого султана и так далее...

11 февраля, в очередной раз сменив имя на «графиню Зелинскую», самозванка в сопровождении свиты отправилась в Пизу. В городе ее уже ждал снятый Орловым дворец.

Граф немедленно отправился на «аудиенцию». На встрече с «княжной» Орлов вел себя так, будто перед ним действительно влиятельная особа. Вельможа надел все награды, знаки отличия, соблюдал этикет, а сам доносил обо всем Екатерине II, в том числе переправляя ей и письма самозванки.

«Княжна», между тем, совсем осмелела. Она стала ездить с Орловым в открытом экипаже, ходить с ним в оперу. В городе пошел слух, что Алексей Григорье-

вич и «графиня Зелинская» находятся в весьма близких отношениях. Орлов был готов даже на брак с самозванкой, «лишь только достичь бы того, чтобы волю вашего величества исполнить».

В один из дней, который они, как обычно, проводили вместе, «княжна» сообщила Орлову, что собирается поехать в Турцию, и граф понял, что необходимо действовать быстро.

званку салютом и криками «Ура!» Орлов внезапно исчез с палубы, а вышедший к «княжне» и ее свите капитан Литвинов сообщил самозванке, что она арестована. «Принцессу» сразу же отправили в отдельную каюту.

Действия России вызвали скандал в Ливорно и Пизе. Власти этих двух городов выразили протест против похищения «русской княжны». Однако было уже поздно: 26

Был один человек, которого личность «принцессы Владимирской» особенно интересовала — императрица Екатерина II. Она поручила Алексею Орлову доставить к ней самозванку любой ценой. Влияние братьев Орловых на царицу сошло к тому времени на «нет», и Алексей пленением самозванки надеялся вернуть расположение государыни

С улиц города похитить женщину было невозможно — это был бы скандал, и Орлов сообщил «княжне», что ему срочно нужно поехать в Ливорно, и предложил ей сопровождать его, заодно посмотреть «верный ей» русский флот.

25 февраля «княжна Тараканова» со свитой, Орловым и Христианком, отправились на адмиральский корабль русского флота «Святой Исидор». Сойти с этого судна на итальянский берег ей было уже не суждено...

На борту «Святого Исидора» русские матросы и офицеры в парадной форме приветствовали само-

февраля 1775 года эскадра снялась с якоря и отправилась в Петербург.

По дороге у «принцессы» неоднократно случались нервные припадки, обмороки, она пыталась выпрыгнуть за борт...

25 мая «княжна» со свитой были доставлены в Петропавловскую крепость. Императрица приказала разместить пленников по отдельности. «Принцессу Владимирскую», несмотря на сильный кашель и лихорадку, разместили в сыром подвале комендантского дома.

Екатерина во что бы то ни стало хотела добиться от «княжны», кто

же она на самом деле. Для этого к ней были фактически применены пытки. Кормили ее скудно, в камере постоянно находились трое мужчин — офицер и два солдата из караула Петропавловской крепости. Несмотря на все это, она отказывалась признать себя самозванкой и назвать свое настоящее имя, а в письмах к Екатерине называла себя «Elisabeth».

Содержание в сыром подвале резко ухудшило и без того подорванное здоровье самозванки. На ее просьбы об улучшении условий содержания Екатерина приказала сообщить пленнице, что за ее злодеяние ей положено пожизненное заключение. Однако, если она откроет правду о своем происхождении, то будет отпущена на все четыре стороны.

«Княжна» от этого предложения отказалась. Твердость ее поколебалась лишь раз, когда английский посланник сэра Ганнинг прислал Екатерине письмо, в котором сообщал, что самозванка является дочерью трактирщика из Праги. Императрица приказала сообщить об этом пленнице — та явно занервничала, но продолжала настаивать на своем и быть «обычной женщиной» неблагородного происхождения категорически отказывалась, а тому, кто говорит, что она «дочь пражского трактирщика», пообещала выцарапать глаза.

4 декабря 1775 года многоликая авантюристка, все имена которой невозможно перечислить, умерла от туберкулеза в Петропавловской крепости. Тайну своего рождения она не открыла даже на смертном одре.

Так закончилась жизнь женщины, которая больше всего на свете любила роскошь и богатство. Ради своего придуманного «знатного происхождения» она была готова на любые муки и, даже сидя в сыром подвале, не отказалась от своих притязаний на аристократизм, не захотела быть обычной женщиной, дочерью пражского трактирщика.

Но и после ее смерти возникали все новые легенды. По одной из них узница не умерла, а была перевезена в Москву в Ивановский женский монастырь, где и провела в полном одиночестве почти тридцать лет. Косвенным подтверждением этой версии служит то, что Алексей Орлов всегда избегал Ивановского монастыря, опасаясь встречи с погубленной им женщиной.

А ведь если бы «княжна Тараканова» не покусилась на российский престол, она бы безбедно прожила в Европе еще долгие годы. Но тщеславие оказалось сильнее здравого смысла.

Впрочем, посмертная слава, наверное, польстила бы самолюбию романтической красавицы. Все лучше, чем прозябание в неизвестности... □

«Каждый выбирает для себя...»

Евгения Гордиенко

Любой из нас слышал стихи этого поэта, даже если не знает об авторстве, потому что все мы смотрели оscarоносный фильм «Москва слезам не верит» и подпевали вальсу «Что происходит на свете? — А просто зима...» Эта песня написана на стихи Юрия Левитанского, который не очень любил, когда его поэзия становилась текстом к музыке. Но бывает и так, что иногда не приходится выбирать...

Будущий поэт родился 22 января 1922 в городе Козелец Черниговской губернии УССР. Когда Юрию было три года, семья переехала в Киев, а через несколько лет — в Сталино (нынешний Донецк). Переезд на Донбасс был связан с работой отца — Давид Исаевич Левитанский работал на шахте.

Школу Юрий окончил в 1938 году. Несмотря на то, что в старших классах он увлекался астрономией и планировал связать свою жизнь со звездами, все сложилось иначе,

так как кроме изучения планет ему нравилось и писать стихи. Юного поэта даже публиковали — в газетах «Сталинский рабочий» и «Социалистический Донбасс».

Следуя своему призванию, он отправился в Москву — поступать в знаменитый ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории), в котором учились его впоследствии не менее знаменитые ровесники: Лилианна Лунгина, Давид Самойлов, Сергей Наровчатов, Лев Озеров и другие.

Учась в институте, Левитанский мог не служить в армии, но он принял решение отправиться на войну и оставался в рядах военных долгие шесть лет. Он ушел на фронт добровольцем в 1941 году — сразу после сдачи экзаменов. Служил в пулеметных войсках, оборонял Москву, затем воевал на Северо-Западном, Степном и Украинском фронтах. Участвовал и в битве на Курской дуге, в форсировании Днепра, взятии Харькова. Но и на войне его дарование нашло себе дорогу — с 1943 года Левитанский стал корреспондентом фронтовой газеты. Он дослужился до лейтенанта, не раз получал боевые награды, среди которых орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией». По окончании войны ему пришлось еще некоторое время служить в Манчжурии. Военную службу он окончил только в 1947 году в Иркутске.

Здесь он вернулся на литературную стезю и стал работать в газете Восточно-Сибирского военного округа. Через некоторое время его пригласили стать заведующим литературной частью Театра музыкальной комедии.

В отличие от многих его ровесников, прошедших войну, Юрий Давидович не сделал военную тему главной в своей поэзии, лишь немногие стихотворения напоминают о том периоде жизни поэта.

В 1948 году в Иркутске вышел его первый сборник — «Солдатская дорога». Через три года вышла книга «Самое дорогое», а еще через несколько лет — «Секретная фамилия». Стихи поэта публиковались в журналах, его начали замечать в литературном мире. Но сам он чувствовал, что ему не хватает образования, и отправился в Москву, где с 1955 по 1957 годы посещал Высшие курсы по литературе в Литературном институте имени Максима Горького. А по окончании курсов сразу взялся за работу над новым сборником. В 1963 году вышла книга «Земное небо», обратившая на себя внимание читателей, а в 1970 — «Кинематограф», который сделал поэта по-настоящему знаменитым. Многие стихотворения из «Кинематографа» впоследствии стали песнями.

Левитанский очень любил пародийный жанр и часто публиковал пародии на стихи своих коллег: Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и других поэтов. Он не оставлял этого «хобби» долгие годы. Так, в 1978 году вышел сборник «Сюжет с вариантами», где детский стишок «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять» был обыгран в манере каждого из знаменитых поэтов того времени. Среди «спародированных» были Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Сергей Михалков, Роберт Рождественский и многие другие. В предисловии к этому сборнику

Левитанский признавался, что на его издании настояли его друзья, те самые, пародии на которых он написал: «...Итак, пародии, вошедшие в эту книгу, появились на свет, можно сказать, случайно, писались, как говорится, для внутреннего употребления, и публиковать их поначалу автор никак не собирался. Сделал он это позже, под напором, как это на первый взгляд ни странно, своих же коллег, и, что еще более, казалось бы, странно, именно тех, которых он пародировал — под давлением

ся, уже переступив сорокалетний порог, а последнюю свою любовь встретил, когда ему было 63 года.

Я медленно учился жить.

Ученье трудно мне давалось.

К тому же часто удавалось урок на после отложить.

Но откладывать бесконечно было невозможно. Первой его женой стала Марина Гольдштейн, работавшая на иркутском радио. Но с переездом в Москву этот брак распался. Второй супругой стала Валентина Скорина, родившая Леви-

---

Учась в институте, Юрий мог не служить в армии, но он принял решение отправиться на фронт и оставался в рядах военных долгие шесть лет. Служил в пулеметных войсках, оборонял Москву, участвовал в битве на Курской дуге и не раз получал боевые награды. Затем судьба забросила его в Манчжурию, и военную службу он завершил только в 1947 году, уже в Иркутске

их, как говорится, общественного мнения».

При этом невозможно его в полной мере назвать человеком юмористического склада. Скорее, наоборот. Говорили, что Левитанский вернул в поэзию пафос, патетику — этими своими длинными строфами, для чтения которых требуется длинное дыхание.

Его семейное счастье складывалось непросто. Поэт был женат три раза, причем детьми обзавел-

танскому трех дочерей — Екатерину, Ольгу и Анну.

А третья, Ирина Машковская, познакомилась с поэтом, когда ей было всего девятнадцать. Она была студенткой, и жила летом у мамы в Юрмале. Неподалеку от их дома располагался Дом творчества писателей, где в то время отдыхал Левитанский.

Ирина впоследствии вспоминала: «Я шла на электричку, он прогуливался в парке. Чтобы не опоздать, спросила, который час. Дальше

иду, он идет рядом, пожилой человек, интеллигентного вида, я вежливо разговариваю. Проводил до станции... Три-четыре дня мы общались, несколько раз прогулялись по парку, он пригласил зайти в Дом творчества, и все. Я уже должна была улетать. Он говорит: можно я приду, провожу вас хотя бы к электричке. Как-то трогательно попросил написать, дал адрес. Никакого романа не было. Я — бабушкина внучка, правильного воспитания, у меня и не было никогда стремления подойти познакомиться к поэту

несколько раз женат, у него родились дети, — все это хлопоты. Нужно было менять квартиры, где-то как-то устраиваться. У него вечно не хватало денег. Я его иногда подкалывал: говорил, что он слишком часто ноет насчет своей личной неустроенности. Я говорю: «Ты сам виноват». Он отвечает: «Ну что же делать, Женя, просто я влюбился». И это звучало действительно обезоруживающе. Он никогда не был вульгарным бабником...»

О бесконечном «нытье» Левитанского ходят легенды. Когда друзья

Левитанский очень любил пародийный жанр и часто публиковал пародии на стихи своих коллег: Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и других поэтов. Среди «спародированных» были и Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Роберт Рождественский, Сергей Михалков. Он не оставлял этого «хобби» долгие годы

или писателю. Если б кто мне сказал, что я выйду за него замуж!.. Я уехала к себе. Прочла книгу, она мне безумно понравилась, думаю, напишу, человек просил. Написала несколько строк: я такая-то, может, вы меня помните. Он в ответ прислал огромное письмо: как вы могли подумать, что я вас забыл».

Друг поэта, Евгений Евтушенко, так писал о его отношениях с женщинами: «У него была очень сложная жизнь оттого, что он часто влюблялся. Он никогда не был циником в отношении с женщинами. Он был

вспоминают о нем, то чаще всего всплывает — и с нежностью — его бытовая привычка ныть и жаловаться — буквально на все. Галина Медведева (жена Давида Самойлова и подруга Левитанского) писала о нем: «Но жалоба была его житейским жанром. Не было такого явления в природе и обществе, на безукоризненность которого по отношению к себе Юра бы не посетовал. Эта его склонность была своеобразным логотипом, знаковой принадлежностью для всех, знавших Юру. Как заметил Дезик (Давид Са-

мойлов) в юмористической книге «В кругу себя»: «Левитанский — поэт личного отчаяния».

С Ириной Машковской поэт прожил все оставшиеся годы, которые были ему отпущены. Именно Ирина поддерживала его, когда врачи сказали поэту о его слабом сердце и о необходимости делать операцию.

Ему помогли бывшие соотечественники, давно покинувшие страну, — Иосиф Бродский и Владимир Максимов. Им удалось собрать нужную сумму, и Левитанский отправился в Германию. Операция прошла успешно.

В своих стихах поэт никогда не романтизировал войну, он просто ее ненавидел.

*Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед —
я в нем, как мушка в янтаре.*

...
*Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.*

...

У Левитанского немного стихотворений о войне, и приведенное выше — одно из самых известных.

Он умер мгновенно — от инфаркта. Его похоронили на Ваганьковском кладбище. В день похорон поэта не стало и Иосифа Бродского.

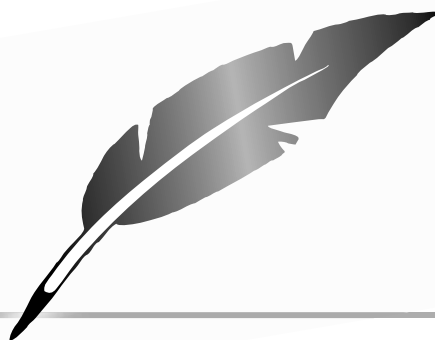
До самой смерти Юрий Давыдович оставлял право на свою жизнь и на выбор — за собой. Ведь именно он оставил нам напоминание, как следует поступать — делать свой выбор и ни к кому не иметь претензий.

*Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.*

*Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.*

*Каждый выбирает по себе.
Щит и латы. Посох и заплата.
Мера окончательной расплаты.
Каждый выбирает по себе.*

*Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже — как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя. □*

Она дружила с ТОЛСТЫМ

*Софья
Александровна
Стахович*

СТАРИННЫЙ ДВОРЯНСКИЙ РОД

В нынешнем Становлянском районе Липецкой области располагается село Пальна-Михайловка. Некогда это было родовое имение дворянского рода Стаховичей. Род Стаховичей дал талантливого поэта, драматурга, краеведа Михаила Александровича, трагически погибшего в 1858 году. Его младший брат Александр Александрович, известный как Стахович 1-й, имел многочисленную семью: сыновья Алексей, Александр (Стахович 2-й), Михаил, Павел и дочери, из которых известны Софья и Надежда. Последняя, в замужестве Огарева, открыла в Пальна-Михайловке первую в России школу кружевниц.

Вся семья была дружна со многими русскими писателями, актерами, художниками, писателями. Великий

Пушкин посетил их имение в 1829 году и в память о его пребывании Стаховичи установили первый в России памятник Александру Сергеевичу — бюст на гранитном постаменте. Стахович 1-й был дружен и с Толстым. Прекрасный чтец и театрал, он передал Льву Николаевичу сюжет повести «Холстомер», задуманный его покойным братом Михаилом, и, издавая повесть в 1886 году, Толстой написал: «Посвящается памяти М.А. Стаховича». Александр Александрович, будучи редким знатоком театра, оставил нам записки о московско-петербургском мире «Клочки воспоминаний». Вспоминается также краткая, но впечатляющая зарисовка Стаховича писателем и журналистом В.А. Гиляровским в его книге «Москва и москвичи»: «Перед нами стоял старик с седой шевелюрой и бородой.

Он делился воспоминаниями с соседями. Слышались имена: Лермонтов, Пушкин, Гоголь...»

Под стать ему были и его сыновья. Старший, Алексей, был заядлым театралом, одним из учредителей и директоров МХАТа. В его доме неоднократно гостили артисты этого театра вместе с Константином Сергеевичем Станиславским. Впервые здесь они побывали в 1902 году при постановке спектакля «Власть тьмы», чтобы изучить деревенский быт, речь будущих героев и собрать театральный реквизит, о чем Станиславский написал в книге «Моя жизнь в искусстве».

Будучи генералом, Алексей предпочел военной службе актерство. После 1917 года и до самой своей смерти в 1919 году он возглавлял вторую студию МХАТа. Его брат, Александр Александрович, был видным земским деятелем, избирался предводителем дворянства Елецкого уезда и являлся автором ряда работ по вопросам школьного образования. Третий сын, Михаил, был общественным деятелем, дипломатом, членом Государственного Совета. А четвертый, Павел Александрович, — кавалергардом, офицером Генерального штаба. В 1915 году его поставили во главе всего государственного конезаводства в России. Именно ему, страстному любителю и знатоку лошадей, отец завещал свою усадьбу и любимый конный завод.

ОБРАЗОВАННАЯ БАРЫШНЯ

Софья Александровна Стахович родилась в 1862 году в родовом имении. Представительница богатого и знатного дворянского рода, она стала фрейлиной последних российских императриц. Интеллигентная светская девушка в совершенстве владела итальянским, французским, немецким и английским языками. Проявляла она большой интерес и к литературе. Познакомившись с Толстым, Софья стала часто бывать в Ясной Поляне. Лев Николаевич говорил, что разговор с Софьей Александровной о литературе, особенно о Пушкине, был для него величайшим удовольствием. Будучи прекрасной наездницей, она часто сопровождала писателя в его конных прогулках. В книге «Жизнь с отцом» дочь Толстого Александра Львовна писала о Софье Александровне: *«Я любила ее, веселая, остроумная, прекрасный знаток литературы, она завораживала слушателей, читая наизусть отрывки из романа "Война и мир". Помню случай, который нас всех насмешил. Софья Александровна, как обычно, читала вслух отрывок из романа. Отец вошел, остановился в дверях, заткнув, как всегда руки за пояс. Софья Александровна замолчала, а отец спросил: "Что это вы читаете? Недурно написано". "Неужели вы не узнаете? Это же "Война и мир". А-а! — отец разочарованно махнул рукой и вышел из комнаты».*

Познакомившись с Толстым, Софья стала часто бывать в Ясной Поляне. Лев Николаевич говорил, что разговоры с Софьей Александровной о литературе, особенно о Пушкине, были для него величайшим удовольствием. Помимо личных встреч они часто переписывались. До нас дошли шестнадцать писем великого писателя, которые он писал Софье Александровне

Перу Софьи Александровны принадлежит небольшое произведение «Сиротка», которое вышло отдельной книгой в издательстве «Посредник», которое издавало книжечки по инициативе самого Толстого. А иллюстрации к «Сиротке» выполнил Илья Ефимович Репин. Сейчас эта книга уже библиографическая редкость, и ее можно найти только в Государственной публичной библиотеке.

До нас дошли письма великого писателя к Софье Александровне —

шестнадцать писем Толстого. 3 января 1900 года Лев Николаевич писал: *«Милая Софья Александровна, благодарен Вам. Уверен, что то, что Вы сделали, то и нужно было сделать. Одно нехорошо — это то, что такое легкое достижение мною моих желаний избалует меня, и я сделаюсь несносен людям своими просьбами. До свидания. Любящий Вас Л.Т.»* А вот письмо от 23 мая 1900 года. Толстой писал: *«Письмо из Ясной Поляны. Очень, очень Вам благодарен, дорогая Софья Алек-*

Слева:

*Усадьба
Стаховичей
в Пальна-
Михайловке*

*И.Е. Репин.
«Пальна.
Вид с балкона»*

сандровна, за исполнение моего поручения. Теперь легко на душе. Благодарный Вам Л. Толстой».

Сам он неоднократно гостил в Пальне-Михайловке. С одним из первых визитов связана забавная история. В Пальню прибыл таинственный гость, одетый «по-простому», с длинной, окладистой бородой. Он долго беседовал с Софьей Александроной, и одна из горничных не смогла сдержать своего возмущения: «Что же это за наглый крестьянин, который так сильно отвлекает нашу барыню?»

Она была страшно удивлена, что «крестьянином» был сам Толстой!

Позднее, после смерти великого писателя, Софья Александровна стала изучать творчество Льва Николаевича. Более пятисот писем, относящихся к 40-90 годам девятнадцатого столетия Стахович приобрела у А.А. Толстой — троюродной тетки писателя. Особенно скрупулезно трудилась она при подготовке юбилейного издания сочинений Льва Николаевича. Сохранилось воспоминание сотрудницы музея имени

*И.Е. Репин.
Портрет
Софьи Стахович*

Толстого в Москве Эвелины Зайденшнур, относящееся к 1924 году о Софье Александровне: «Одевалась она по-старинному, затягиваясь в корсет, на голове маленькая шляпка. И это в 60 лет!» Не стоит забывать о том, что она была фрейлиной Марии Федоровны и Александры Федоровны. а это ко многому обязывало. Прекрасно образованная, Софья была тонким знатоком музыки, живописи. Дочь Льва Николаевича Татьяна Львовна вспоминает случай, когда к ним прибыл известный композитор Танеев. Сергей Иванович исполнил на рояле «Песню без слов» Мендельсона. «Глаза Со-

фьи Александровны наполнились слезами, — пишет Татьяна Львовна — Она незаметно приложила к ним платочек. «Что с Вами, душенька, Софья Александровна?» — спросила татап и обняла ее за плечи».

Она была нежным, добрым человеком. Таким ее увидел и художник И.Е. Репин. Он неоднократно бывал в Пальна-Михайловке и однажды написал ей: *«Дорогая Софья Александровна, каждый день, проходя мимо скамейки, на которой Вы сидели, в душе моей шевелятся многие воспоминания. А помните, как я первый раз встретился с Вами? Еще поднимаясь по лестнице, я увидел дивную фигуру*

совсем молодой и совсем красивой барышни. А какие глаза! Сидя между гостями, я ничего не видел, ничего не слышал. Все только мечтал: где бы мне встретить еще раз ту очаровательную барышню? И вдруг чудо: через несколько минут она вошла с сестрой своей, и меня представили ей. Я плакал в душе ...от счастья».

Репин дважды посещал Пальну-Михайловку. Летом 1891 года и зимой 1892 года. Одухотворенной любовью, Илья Ефимович в 1891 году написал портрет Софьи Алексан-

дровича, коннозаводские этюды. Сам художник писал: «Да, я был счастлив в Пальне, я купался в нем (селение получило название по реке Пальна, на которой было расположено). — Я ездил с Вами верхами, ездили на лодке и рассуждали о дружбе и любви», — напоминал в 1924 году Софье Александровне Илья Ефимович. Свой портрет Софья Александровна берегла всю жизнь. Как свидетельствуют многие современники, Репин пытался любой ценой заполучить этот портрет, но она была неумолима. Сейчас

Софья была нежным, добрым человеком. Таким ее и увидел художник И.Е. Репин, который не раз бывал в Пальна-Михайловке. Одухотворенный любовью, Илья Ефимович написал портрет Софьи. Многие искусствоведы, да и сам художник, считали этот портрет одним из лучших его работ

дровны. Многие искусствоведы, да и сам художник, считали этот портрет одной из лучших его работ. По просьбе Софьи Александровны художник написал и пейзажную картину «Пальна. Вид с балкона». Эта картина долгое время украшала ее одинокий и скудный быт. Глядя на это полотно, она словно возвращалась в родную и любимую Пальну. А еще от посещения имения Стаховичей Репиным остались его письма, полные волнующих воспоминаний и незабвенных чувств, зарисовки паленских обитателей — портреты не только Софьи Александровны, но и Александра Александровича, Михаила Алексан-

портрет находится в Государственном художественном музее столицы Беларуси — Минске.

А Софья Александровна в отличие от своих братьев и сестер так замуж и не вышла. Фрейлина двух императриц, лесовод, бесстрашная наездница, друг семьи и хранительница наследия великого Толстого, совершившая, по мнению многих исследователей творчества писателя, «подвиг» в подготовке к публикации полного собрания сочинений Льва Николаевича, скончалась в 1942 году. Похоронили Софью Александровну Стахович на Ваганьковском кладбище. □

Дмитрий Зелов

Кострома, Кострома, дальняя планета

В школьные годы чудесные я жил в Москве неподалеку от Костромской улицы, и все это время мне хотелось побывать в том самом древнем городе, побродить по его улочкам-закоулочкам, познакомиться со старинной архитектурой, прикоснуться к святыням Ипатьевского монастыря, где зарождалась династия Романовых, полюбоваться с борта теплохода волжским простором и широтой. Наконец моя давняя мечта сбылась...

Кострома, с населением чуть более четверти миллиона человек и чуть младше Москвы, была основана в 1152 году. С князем, заложившим город, у ученых полная ясность: это все тот же Юрий Долгорукий, что основал и златоглавую Москву, будущую сто-

лицу единого Русского государства. А вот с вопросом об этимологии, то бишь значении названия города, историки и филологи спорят до сих пор. По наиболее популярной и распространенной версии, город получил свое название по одноименной реке

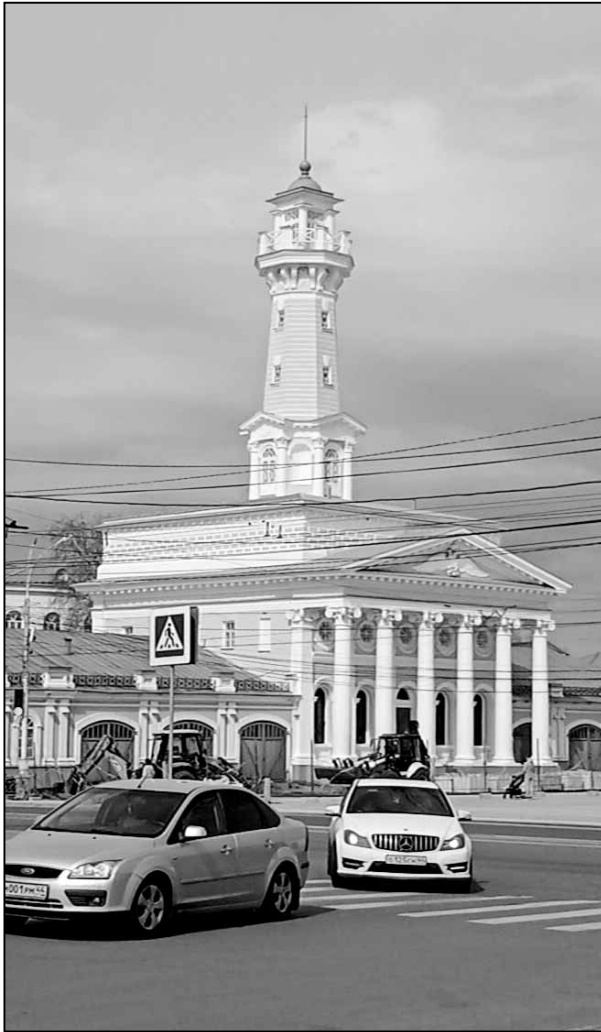
Костроме. Но какое все-таки тогда значение несут в себе воды реки Костромы, почему она была названа именно так, а никак не иначе?

Кострома — совсем небольшая речушка, впадающая в матушку-Волгу поблизости от Ипатьевского монастыря. Но так стало относительно недавно, ближе к нашему времени, когда уровень воды в больших и малых реках и речках стал существенно снижаться. Между тем, еще менее 50 лет назад река Кострома в своем нижнем течении вполне была себе судоходна и активно использовалась для молевого сплава леса. С 1995 года согласно Водного кодекса Российской Федерации подобный сплав леса в нашей стране запрещен, поскольку при таком способе происходит активное засорение русла рек тонущими бревнами, да и в наши дни давно уже применяются гораздо более надежные и экономически более выгодные способы транспортировки древесины к месту назначения. Но вернемся к загадке названия реки, давшей имя поволжскому городу.

Любопытно, что на Почтовой карте Российской империи 1740 года, а также на Генеральной карте Российской империи 1745 года река Кострома вдруг, ни с того ни с сего, называется Вассея. Само же слово «кострома» очень древнее, восходящее еще к праиндоевропейскому языку. Кострома у восточных славян, населявших эти земли, одна из богинь дохристианского, языческого пантеона, дочь Купальницы и Семаргла, или Огнебо-

га, родная сестра Купалы. Красивая старинная легенда рассказывает нам, как судьба разлучила брата и сестру: младенца Купалу унесли гуси-лебеди за тридевять земель. Но им вновь суждено было встретиться. Через много лет Кострома, гуляя по берегу реки, сплела венок. Она хвалилась, что ветер не сможет сорвать с ее головы этот венок (это означало, что она не выйдет замуж). За эту похвальбу боги ее наказали. Ветер сорвал ее венок и унес на воду, там его подобрал Купала, проплывавший мимо в лодке. Кострома не узнала брата, а обычай велел им пожениться. Была сыграна свадьба, после которой жених и невеста узнали о том, что они — брат и сестра, и решили покончить с собой, утопившись в реке. Сжалившись над ними, боги превратили Купалу и Кострому в красивый желто-фиолетовый цветок Купала-да-Мавка, более известный нам как Иван-да-Марья.

На Руси издавна существовал позабытый ныне красивый летний праздник — Кострома. Главным действующим лицом праздника было чучело из рогож и соломы — «Кострома». В конце праздника «Кострому» сжигали — так сказывалась древняя вера наших предков в очистительную силу огня. Вообще до революции богиня Кострома широко почиталась на Руси как покровительница пряж и ткачества, ведь веретено и прялка были практически в каждой крестьянской избе. А Костромская область и сегодня — один из центров производства льняной одежды..

Впрочем, это лишь одна из версий про Кострому. Есть, например, и другая — финно-угорская. До прихода в раннее средневековье на эти земли славян здесь обитали исчезнувшие впоследствии финно-угорские племена, которые смешались и растворились в поглотившем их славянском этносе. Но любые гидронимы, как известно, всегда очень древние, они сохраняются в топонимике даже спустя столетия после полного исчезновения в их ареале некогда обитавших на этих землях народов. Скорее всего, исконное название реки Кострома, которое ей дали местные финно-

угорские племена, было схоже по звучанию имени славянского божества «Костромы», поэтому, когда этот край заселили пришедшие из южных земель славяне, они всего лишь чуть подправили название реки, давшей впоследствии имя новому городу.

В наши дни в самом центре Костромы высится могучая громадина памятника Ивану Сусанину (1967). Народный герой, заведший в лихолетье Смуты отряд польских интервентов (отправленный в Кострому, чтобы истребить скрывавшегося в Ипатьевском монастыре юного претендента на российский престол Михаила Романова) в непроходимые лесные гати, где они и сгнули, смотрит на поблескивающие в солнечных лучах воды Волги, опираясь на посох. До революции в Костроме в центре города тоже существовал памятник Ивану Сусанину (1851) вместе с царем Михаилом Романовым, но он был разрушен не в меру ретивыми головами в первые годы советской власти, а постамент разрушенного памятника был вскоре использован как трибуна во время торжеств. Справедливости ради стоит отметить, что в художественном отношении внешний памятник народному герою Ивану Сусанину выглядит значительно торжественнее, строже и эпохальнее своего предшественника.

А еще Кострома известна туристам как родина Снегурочки, подобно тому как Великий Устюг стал все-российской вотчиной Деда Мороза. Образ сказочной внучки, любимой

детворой помощницы доброго волшебника, кажется, существовал всегда. Знаменитый драматург Александр Островский, много раз бывавший в Костроме и полюбивший этот край, в 1873 году создал в своей костромской усадьбе Щельково пьесу «Снегурочка» о сказочной стране берендеев. Но на самом деле Снегурочка не зафиксирована этнографами в славянском обряде, хотя и присутствовала как один из персонажей в устном народном творчестве. В качестве внучки-помощницы Деда Мороза она появилась впервые лишь при встрече детьми Нового 1937 года в Доме Союзов в Москве.

В Костроме много всего интересного. Например, единственный на всю необъятную Россию Музей геральдики и фалеристики. А из монументов стоит отметить установленный в 2022 году памятник знаменитому предпринимателю, меценату, коллекционеру произведений русского изобразительного искусства, основателю Третьяковской галереи — Павлу Михайловичу Третьякову. Памятник установлен на берегу Волги, напротив Ипатьевского монастыря. Жизнь и бизнес Третьякова были непосредственно связаны с Костромой. В 40-х годах XIX века братьям Петру и Павлу Третьяковым принадлежало пять лавок в Старых торговых рядах, где торговали исконно русским товаром — льняным полотном. В 1866 году состоялось открытие фабрики механического льнопрядения и ткачества товарищества «Новой (Большой) Костромской мануфактуры». А спустя два десятилетия на окраине тогдашней Костромы выстроился целый ряд фабрик-льнопрядилен. В конце XIX века производство стало крупнейшим в Европе и получило статус поставщика Императорского двора. Именно доходы от производства костромских льняных фабрик Третьякова были во многом источником финансирования созданной им художественной галереи в Москве.

Очень оригинален и камерный памятник в городском парке «Берендеевка». Это первый подобного рода монумент на планете. Памятник представляет

собой запряженного плугом Змея Горыныча. По замыслу скульптора, трехголовый Змей Горыныч, запряженный плугом, символизирует три ветви власти на службе у народа: исполнительную, законодательную и судебную.

Пионер отечественной цветной фотографии, знаменитый светопи-сец, как он сам себя называл, Сергей Прокудин-Горский в 1910–1911 годах сделал множество снимков города, его окрестностей и Ипатьевского монастыря. И хотя оригиналы ныне хранятся за океаном, в Библиотеке конгресса США, благодаря тем фотографиям столетней давности мы можем увидеть, как выглядел город и его жители в недалеком прошлом.

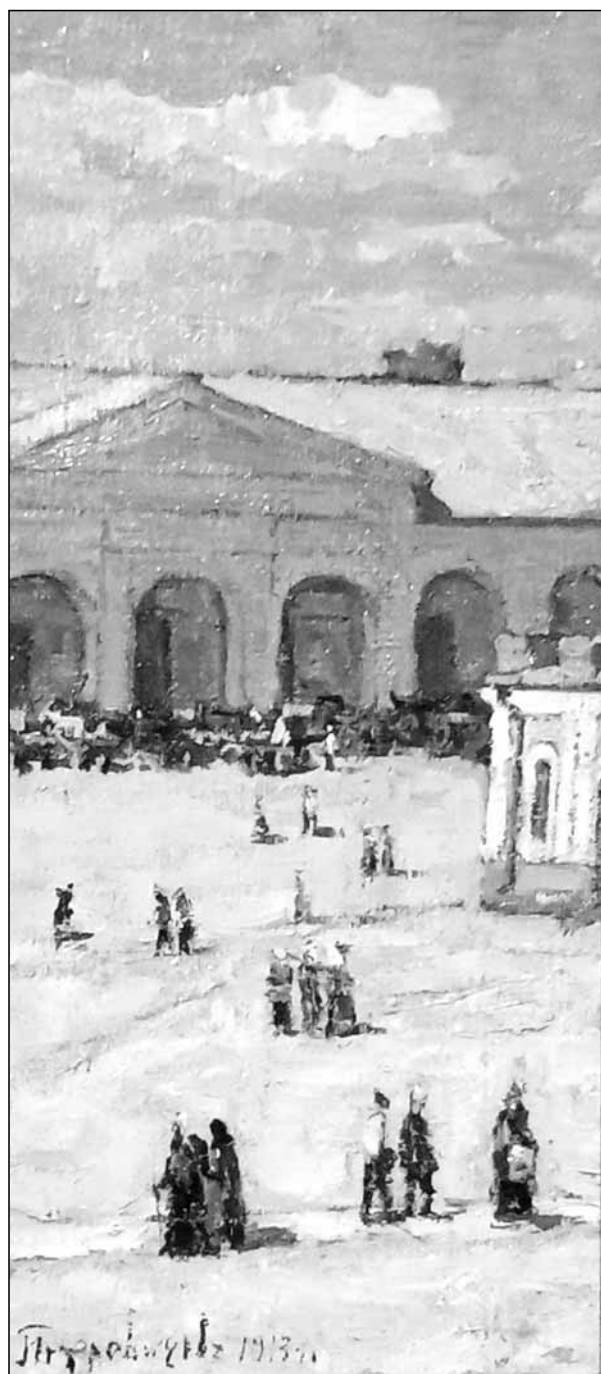
В городе сохранилось множество радующих глаз старинных особняков, как деревянных купеческих, так и более солидных каменных — настоящих городских усадеб прошло-

го. Можно просто идти по улицам исторического центра, и практически каждый дом, каждое здание будет со своей уникальной историей, а то и мемориальной доской. Например, на одной только улице Симановского в Костроме находятся Резиденция Снегурочки, Музей театрального костюма с мемориальной доской основателю первого русского театра Федору Волкову, дом советского художника Владимира Стожарова, знаменитый, основанный еще учеником преподобного Сергия Радонежского Богоявленско-Анастасин монастырь, а также городская усадьба, где жил местный «Кулибин», талантливый механик-изобретатель Павел Зарубин. Этот дом №5 по улице Симановского принадлежал моему далекому предку, костромскому купцу Матвею Степановичу Зелову, о котором я слышал еще совсем ребенком, поэтому очень хотел побывать в Костроме и найти этот дом. Он был построен

на исходе 18-го века «регистратором» Толстопрятовым, а затем попеременно принадлежал коллежскому советнику Коптеву, купцу Кокореву, Дурынину, а в 1824 году его приобрел мой далекий предок купец М.С. Зелов, который открыл в нем гостиницу. Увы, случившийся пожар полностью разорил Зелова, и он был вынужден жалкие остатки дома продать коллежской советнице М.Б. Розовой. Эта предприимчивая дама, отреставрировав здание, сдала его в аренду костромской чертежной, где в то время служил Павел Алексеевич Зарубин, а потом продала дом купцу Ивану Савельевичу Михину. Перебравшись в Кострому, Михин основал здесь бумагопрядильную фабрику. Это был жадный и грубый самодур. Скорее всего, именно он стал прообразом Савела Дикого в драме «Гроза» Александра Островского.

Ну и какая же Кострома без знаменитого костромского сыра. В свой приезд в Кострому я попал в центре города на Сырную биржу в самый разгар оживленной торговли. Кстати, перед самым отъездом я еще и приобрел в одном из местных магазинчиков одежду из дышащих льняных тканей. Ведь недаром же богиня Кострома издавна широко почиталась на Руси как покровительница пряж и ткачества, а веретено и прялка были практически в каждой крестьянской избе. Да и предприимчивые купцы Третьяковы совсем неспроста во многом составили свой первоначаль-

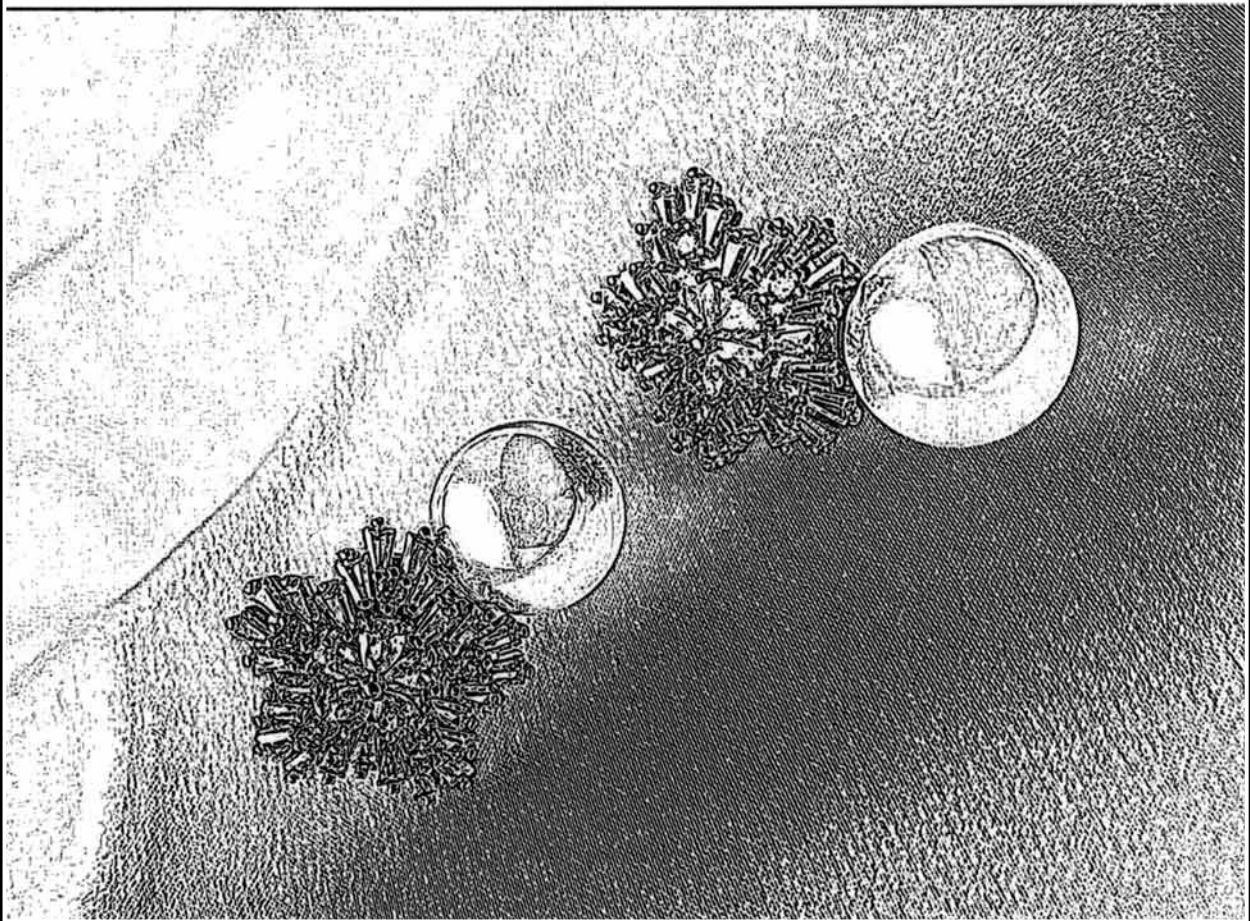
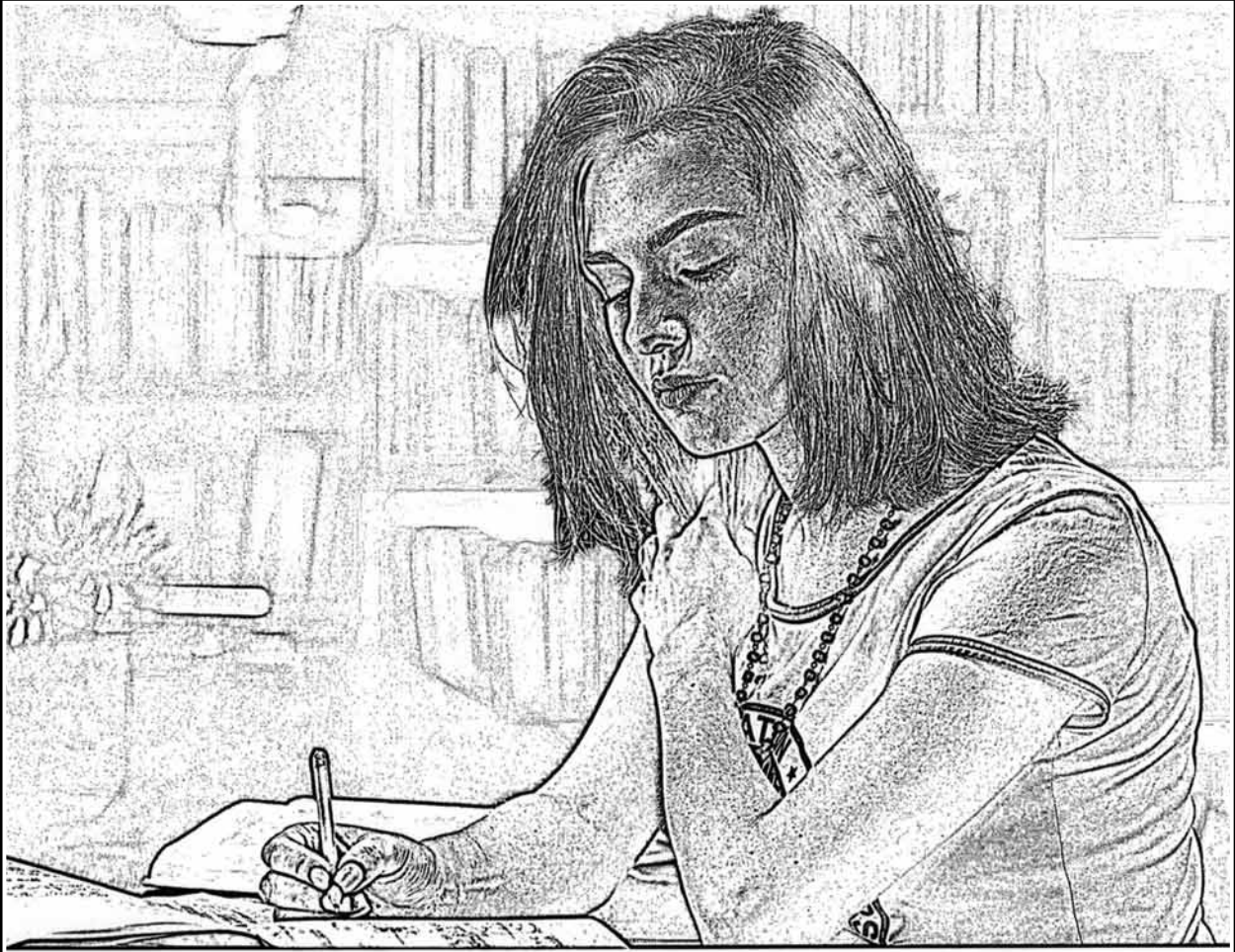

*Петр Петровичев. «В солнечный день. Кострома», 1913.
Музей русского импрессионизма*

ный капитал именно благодаря костромскому льну. А Костромская область и ныне — один из центров производства льняной одежды. □

Фото автора

Серьги с изумрудами

Ночью ей снова приснился Артем. Он звонил ей из телефонной будки и говорил:

— Мама, я заблудился!

Артем умер полгода назад, и с тех пор Аглая Ивановна видела один и тот же сон. Каждую неделю, а может, и чаще.

На стене висел ковер, к которому булавкой было приколото черно-белое фото сына. Она долго смотрела на него, потом, кряхтя, спустила ноги с кровати и заплакала. Немного успокоившись, она утерла слезы, проговорив:

— Так, сказал бедняк, сел на печку и заплакал. Надо вставать. Все!

Надела байковый халат, простые чулки времен СССР, засунула ноги в тапки, пошла на кухню и загремела кастрюлями. Надо кашу сварить, овсяную, любимую кашу Артема.

Она стояла с ложкой в руке, ожидая, пока вода закипит, и в кастрюльке начнет вздыматься белая пена, а в голове продолжали роиться разные мысли. Ее отцу тоже всегда снились сны. В конце жизни он заболел раком и лежал в больнице. Из окна их палаты был виден пригорок, а на пригорке кладбище. Однажды отцу приснился сон, как будто с пригорка слетела Смерть. Села к нему на кровать и говорит: «Ну, собирайся, я за тобой». Отец взмолился: «Дай мне еще год! Я хочу сына на прощанье повидать». Смерть обиженно пожала плечами и улетела куда-то. Утром выяснилось, что умер сосед по палате, а отцу стало лучше, и вскоре его выписали из больницы — доживать. Он повидался с сыном и умер через одиннадцать месяцев после того сна.

Аглая Ивановна вдруг поймала себя на мысли, что завидует отцу. Она тоже хотела бы умереть через одиннадцать месяцев. Или через одиннадцать дней.

Ее сын по жизни был невезучим. Наверняка и после смерти что-то пошло не так. Все сели в лодку Харона, чтобы переправляться через реку Стикс, а он засмотрелся на какой-нибудь загробный цветок или ящерицу, отстал от группы и заблудился...

Она родила его поздно, в тридцать четыре. Школьная учительница английского, тетрадки, двоичники, которых надо подтянуть, посиделки с подружкой, такой же птицей-одиночкой, курицей, как и сама Аглая Ивановна, — вот и все ее свободное время. Так что родила для себя. Рожала двое суток, чуть не умерла. Соседка по палате говорила: «На твою кровать в родовом зале никто ложиться не хотел, боялись». Но помучиться стоило. Мальчишка отличный оказался. Светлая голова. В школе учился на одни пятерки. Особенно к литературе у него душа лежала. В восемь лет «Евгения Онегина» наизусть читал.

После школы поступил на филфак. Затем два года проработал учителем в школе и сказал: «Нет, мама, это не мое». Решил заняться бизнесом. Нашел инвестора и одним из первых устроил доставку еды через Интернет, целый бизнес организовал. Светлая голова, как говорят, попал в жилу — пошло дело. Потом открыл сеть литературных кафе. Там проходили встречи с писателями, кучковалась молодежь. Правильно. Все лучше, чем по подъездам водку пить. Жить бы ему да радоваться, так нет — нашел жену. Надю...

В кухню пришел кот Гамлет и строго посмотрел на Аглаю Ивановну. Она положила в его блюдце рыбных консервов, и кот набросился на еду, как тигр на антилопу. Гамлет был размером с хорошую собаку и имел несносный характер. Однажды к Аглае Ивановне зашла соседка Дуся. Она держалась за сердце и слабым голосом попросила вызвать «скорую», так как у ее сотового села батарейка. Аглая Ивановна проводила гостью в комнату, усадила на диван и отправилась звонить в коридор по стационарному телефону. Вернувшись, она обнаружила Дусю взгромоздившейся на спинку дивана и поджавшей ноги, а перед диваном стоял Гамлет и, выгнув спину, воинственно шипел...

Аглаю Ивановну кот тоже держал на расстоянии, а вот Артема обожал. Вылизывал ему руки, жмурился и мурчал. Когда сын умер, Гамлет пропал на несколько дней. Аглая Ивановна думала, все, сбежал, но Гамлет вернулся — грязный, тощий и без уха.

Артема все любили. Он мог жениться на любой девушке, а женился на этой. Глаз положить не на что — маленькая, толстенная, а он ходит за ней, словно привороженный. Как-то Аглая Ивановна осталась у них ночевать, с

утра завтрак приготовила и зашла к ним в спальню — пора было вставать, девятый час уже. Артем лежал на постели, а Надя сидела у него в ногах и за пятки его держала.

— Что это вы делаете? — спросила Аглая Ивановна.

А она:

— Ха, ха, ха. У Артема энергии слишком много, а мне не хватает. Хочу, чтобы он со мной поделился.

Говорила Надя тихо и только приятное, елей лила, но после встреч с ней у Аглаи Ивановны всегда болела голова. Надя очень хотела родить ребеночка. У нее уже была девочка, но умерла совсем маленькой...

Через три месяца супружеской жизни Надя начала жаловаться свекрови на мужа. Ходила по пятам и причитала:

— Он гуляет, баб меняет как перчатки, пьет, когда возвращается из своего кафе, едва на ногах стоит.

Аглая Ивановна качала головой. Врет все, ее мальчик так не может. А однажды не выдержала и сказала:

— Надя, разводись с ним!

Та осеклась на полуслове, посмотрела злым взглядом и буркнула:

— Не дождетесь!

Но через пару месяцев все же решили разводиться. Что поделать, такой уж сын невезучий...

Квартиру ей свою трехкомнатную оставил и улетел с друзьями во Вьетнам. Там у него случился инсульт. В тридцать пять лет! Хорошо, хоть с друзьями был, они все организовали, и Артема перевезли в Москву в лучшую клинику. Но врачи сказали, что время упущено... Правая сторона тела отнялась, речь нарушилась, слова тянуть стал. И пошло — клиники, реабилитация... Артем продал свою долю в бизнесе, а деньги в банк вложил, который лопнул. Одним словом, невезучий... Друзья от него отвернулись. Здорового и богатого любить проще, чем бедного и больного, к тому же многие сразу после развода сторону Нади приняли, она всех против Артема настраивала. Тяжело ему тогда было.

Он восстановился, только уставал быстро, и колено у него постоянно опухало. Устроился работать водителем в состоятельную семью. А однажды пришел домой весь зеленый и сразу лег спать. Аглая Ивановна подумала, что просто устал, пусть отоспится, и ушла в свою комнату. Утром проснулась, а он не дышит. Повторный инсульт с ним ночью случился. Может, на помощь звал, а она спала как убитая и ничего не слышала. Дура старая!

Разбирая вещи сына, Аглая Ивановна нашла в брюках Артема серьги. Старинные, с бриллиантами и крупными изумрудами. Серьги были изящными и какими-то законченными, что ли. Сердце у нее сжалось от нехоро-

шего предчувствия, и она спрятала серьги в шкатулку, в которой лежали ее янтарные бусы.

После похорон Аглая Ивановна не могла найти себе места. Подскакивала с утра, ехала на кладбище, сидела у могилки, тупо смотрела на венки, на две цифры и тире на кресте. Тридцать восемь лет всего, жить бы еще, да жить. Наплакавшись, она возвращалась домой. А дома ей снова хотелось куда-то бежать. А куда? Кто ее ждет?..

И стала тогда Аглая Ивановна шить лоскутное одеяло. Достала из швейной машинки мешок с обрезками ткани, раскладывала обрезки на столе, совмещала, как осколки своей разбитой жизни, и сшивала между собой с утра и до поздней ночи. Засыпала быстро и видела один и тот же сон:

— Мама, я заблудился!..

В один из таких тяжелых дней она решила пойти церковь к вечерней службе. Храм Аглая Ивановна любила, ее мама прятала иконы в деревянном чемоданчике под своей кроватью: отец занимал ответственный пост, и если прознают, сразу снимут с работы, а то и еще чего хуже. Мама молилась скрытно и ее приучила.

Аглая Ивановна стояла в освещенном свечами храме, слушала певчих, крестилась, кланялась и плакала. Святые смотрели с икон сочувственно, и ей казалось, что они все, вместе с ней, — одна большая семья. На душе становилось светло, приходило облегчение.

— Сорокоуст надо заказать, — советовали женщины в церкви, — в семи церквях. И поминай его почаще. Они там, ох, как любят, чтобы мы их тут вспоминали! Глядишь, и успокоится.

Она вспоминала сына почти каждую минуту, и все, что нужно, заказывала. А однажды взяла грех на душу и пошла к гадалке.

Гадалка посмотрела на принесенную Аглаей Ивановной фотографию, с пристрастием изучила ее чашку с допитым кофе, зажгла свечи, раскинула карты и сказала:

— Мается он, страдает из-за какого-то незавершенного дела. И ты должна ему в этом помочь.

Аглая Ивановна развязала узелок, развернула платочек и показала гадалке серьги. Глаза ведьмы так и вспыхнули.

— Все дело в серьгах. Ты должна мне их отдать. Я проведу обряд, и твой сын успокоится, не будет больше сниться. Эти серьги не должны быть в твоём доме.

Аглая Ивановна молча забрала серьги и ушла домой.

То ли молитвы об усопшем в Храме помогли, то ли гадалка все-таки провела свой обряд, только сын перестал тревожить ее по ночам. Успокоился. Спокойно стало у нее на душе, и ее жизнь пошла своим чередом. Из школы она ушла, но принимала учеников на дому, в основном, сосед-

ских ребятишек. Денег не брала, кто молока с сыром принесет, кто — кусок мяса с рынка, кто — кильки для кота.

Недавно Маша Синицына, ее бывшая ученица, попросила подтянуть по английскому сына, подростка четырнадцати лет. Когда мальчик вошел в квартиру, Аглая Ивановна ахнула. Батюшки святы! Волосы красные, на спине куртки — череп, кольцо в носу, как у быка, а на груди наколка — козлиная голова с рогами!

Сел за стол и басит:

— Баба Агаша, текст читать?

— Какая я тебе баба Агаша? Аглаей Ивановной называй. И очки снимии, — велела она, кивнув на круглые зеркальные таблетки синего цвета у него на носу. — Зачем напялил такую страсть Господню?

— Это специальные очки для улучшения зрения, — ответил парнишка.

А когда ушел, очки на столе забыл.

На следующий день Аглая Ивановна пошла в храм и заказала молебен о вразумлении раба Божьего, нового ученика. Вернулась домой, переоделась, взяла со стола забытые очки и примерила — зрение в последнее время стало падать, вдруг поможет? Обернулась, а в комнате мальчишка стоит, видимо, она дверь опять запереть забыла.

— Что это с вами? — удивленно спросил он.

А Аглая Ивановна сидела за столом в его очках, в любимом байковом халате, а на голове — сито. В программе «Здоровье» сказали, что сито на голове во время магнитных бурь помогает от мигреней. Вот она от магнитных бурь и защищается, а заодно и зрение улучшает...

— Баба Агаша, ну ты и чудила! — захохотал парнишка, и Аглая Ивановна залилась смехом вместе с ним. После урока они пили чай с пряниками, и он рассказывал о девочке, которая ему очень нравилась... В общем, молебен не зря заказала. Помогло.

По вечерам Аглая Ивановна спускалась на лавочку, посидеть с соседками: Анной Петровной, Дарьей Тихоновной и Дусей. Анна Петровна, старшая из их «инициативной» группы первого подъезда, недавно отметила восьмидесятилетие. А Дуся, младшая, работала бухгалтером.

— Видели, что в Киеве творится? — начинала Анна Петровна. — Бастуют. Свободу им подавай, нехристям, Сталина на них нету!

— А я не верю, — подключалась к беседе Аглая Ивановна, — этот Майдан — наемники сплошные, американские происки. Не могут простить нам, что Крым наш.

— А последнюю серию видели? — спрашивала Дарья Тихоновна. — Что Хюррем отмочила? А этот султан так на Петровича моего похож, сил никаких нет!

— Султан — мужик что надо. Его бы в наш отдел, — смеялась Дуся.

Прошло десять лет. В то утро Аглая Ивановна стояла перед зеркалом и подстригала волосы портняжными ножницами. Закончив, она расчесала их гребнем. Какие волосы были, черные, густые, а какие косы! Ничего почти не осталось... Эх, старость! Она сметала веником остриженные волосы с пола в совок, когда в прихожей раздался звонок.

На пороге стоял незнакомый мужчина лет сорока. Рыжий и весь в веснушках, словно поцелованный солнцем. В костюме и при галстукe. Костюм внушил Аглае Ивановне доверие, и она пригласила гостя войти.

Парень назвался Семеном. Сказал, что живет в соседнем доме. Аглаю Ивановну ему рекомендовала Дарья Тихоновна как педагога со стажем. Семен попросил присматривать за его шестилетним сыном Мариком. Они развелись с женой, а Марик не ходил в детский сад, и его было совершенно не с кем оставить. За работу няни Семен предлагал хорошие деньги. Аглая Ивановна засомневалась: шестилетний ребенок, да еще и мальчик, справится ли?

— Да что вы? Он у меня тихий, я сейчас его приведу, сами убедитесь!

— Сейчас?!

— Так мне на работу, — виновато пожал плечами Семен.

Через полчаса он вернулся вместе с мальчиком.

— Вот его рюкзачок. Тут влажные салфетки, Пикачу, его любимая игрушка, запасная майка, штанишки...

Аглая Ивановна не слушала, она во все глаза смотрела на мальчика. Такой же рыжий, как и отец, пухленький, но дело не в этом. Плоский затылок, круглое лицо, глаза-щелочки, кончик языка, высунутый наружу. У мальчика был синдром Дауна.

Семен оставил деньги за первый рабочий день, номер своего телефона и убежал. Аглая Ивановна так растерялась, что не успела его остановить. Больной ребенок, за ним наверняка нужен особый уход, за такими детьми должны присматривать в специальных учреждениях.

Она налила Марику молока. Тот выпил и, пока она отвернулась, улизнул с кухни. Аглая Ивановна решила сказать Семену, чтобы завтра он Марика не приводил — стара уж она для такой работы, и вдруг ахнула — Гамлет! Кот мальчишку на куски порвет!

Аглая Ивановна бросилась в комнату и застыла на пороге.

Марик сидел на полу, скрестив ноги. Рядом притулился кот — вылизывал пухлую ладошку мальчика и мурчал, а тот Марик тихо смеялся.

— Киса!

Он и вправду оказался очень спокойным, мог часами сидеть на полу со своим желтым Пикачу, свернув ноги калачом. А еще он очень любил поесть. Откусывал кусочек сдобной булочки, закрывал глаза и мурчал, как котенок.

— После обеда напеку тебе оладушков, — пообещала Аглая Петровна, — а пока пойдем погуляем.

— Гули-гули, — обрадовался Марик и засмеялся.

Он вообще часто смеялся.

— Молодец, надо всегда быть на позитиве, — одобрила Аглая Ивановна.

На детской площадке царило оживление. Марик со своим Пикачу уселся на скамейке, свернув ноги калачиком, рядом с двумя девочками его возраста, а Аглая Ивановна прохаживалась рядом.

К скамейке подошла мама одной из девочек и потянула ее за руку:

— Пойдем!

— Мы только пришли, хочу еще поиграть, — захныкала та, но мать, бросив быстрый взгляд на Марика, увела ее с площадки.

Вторая мамочка тут же стащила со скамейки свою дочку, и они тоже ушли.

Даша Иванова, двоечница, которую дружно тянули всем педагогическим коллективом до девятого класса, тоже взялась было за свою синюю коляску, но Аглая Ивановна схватила ее за рукав.

— Иванова, куда это ты? Такая погода хорошая, самое время твоему ребенку получать бесценный витамин Д, куда ты его увозишь?

— Аглая Ивановна, пустите, у нас прививок нету, — шмыгнула носом Иванова, покосившись на Марика.

— Надо было оставить тебя на второй год, — прошипела Аглая Ивановна. — Так бы и сидела до сих пор в девятом классе, на пару со своим тупым мужем.

Еще несколько мамочек последовали примеру Ивановой, а оставшиеся поглядывали на Марика и Аглаю — кто-то с сочувствием, кто-то с любопытством и брезгливостью. Аглае Ивановне вдруг показалось, что между ними с Мариком и всем миром образовалась стеклянная стена, которую невозможно преодолеть, и к горлу подступил комок. Она потрепала мальчика по голове и прижала его к себе.

Жизнь — это череда встреч с разными людьми. Каждый человек на твоём жизненном пути хоть немного, но меняет тебя, и ты уже не такой, каким был прежде. Эта мудрость пришла к Аглае Ивановне с жизненным опытом. Она бы с удовольствием поделилась ею с мальчишкой в очках для улучшения зрения или с Дашей Ивановой и ее мужем, но ее, как и любую другую бабушку, мало кто воспринимал всерьез и почти не слушал.

Аглая Ивановна решила, что Марик повстречался на ее жизненном пути не случайно, и решила продолжить за ним присматривать.

После обеда она замешивала тесто для оладий, а Марик прижимал к груди ярко-желтого Пикачу, смотрел на плоску с тестом в ее руках

и улыбался. Она тоже улыбалась, ее дом будто наполнился светом, и на душе стало спокойно, как когда-то...

Ночью Аглае Ивановне приснился сон: Марик стоял в телефонной будке и смеялся.

Всего, что имел в этой жизни, Семен добился сам. Сам поступил в Горный институт. Не МГУ, конечно, но и не кулинарный техникум. После института сам прошел собеседование, ответил на все каверзные вопросы и попал в отдел продаж крупной компании. Сейчас он дослужился до начальника отдела и уже сам проводил собеседования. С женой Никой познакомились еще в институте. Африканской страсти у них никогда не было, но она всегда была ему другом и поддержкой во всех испытаниях. Главным же испытанием их жизни, конечно, был Марик.

Когда он родился, жена рыдала целыми днями, даже молоко пропало, а потом сказала, что хочет оставить ребенка в роддоме. Семен был в растерянности, не понимая, чего же хочет сам он. В те адские дни он часто вспоминал поездку в Турцию с компанией друзей, когда Ники, а тем более, этого ребенка еще и в помине не было. Он жарился на солнце, пил виски и крутил курортный роман с блондинкой из Саратова. Семен не хотел ничего решать, он хотел в Турцию... В конце концов он понял, что Ника права — от ребенка надо отказываться, у них еще будут дети, причем здоровые. Он поделился своими мыслями с матерью, но ее реакция оказалась неожиданной: она сказала, что предателей не растила, и если он отдаст сына в детдом, о ней вообще может забыть. Конечно, легко ей рассуждать из Ельца, приезжая в Москву в гости два раза в год. А основной удар пришелся на них с Никой.

Семен никогда не думал, что так трудно будет растить больного ребенка, постоянно сталкиваясь с косыми взглядами. Ему было проще, он постоянно на работе, а вот Нике приходилось несладко. Она плакала: «Все, не могу больше!» Семен все понимал и иногда отпускал жену погулять с подружками, развеяться. А она отпускала его. И вот однажды в баре он встретил Таню...

Таня была певицей. Пела она в караоке, но мечтала найти продюсера и попасть на большую сцену. Они познакомились и начали встречаться. Но что мог Семен предложить любимой? Не то, что денег на собственный альбом, даже руку и сердце не мог предложить. На его руках висела семья: на левой — Марик, а на правой — Ника.

Когда Семен рассказал Тане про Марика, она не поверила.

— Больной ребенок — это апогей мужского вранья, круче только слепая жена. Неужели ты считаешь меня такой дурой?

Тогда Семен приехал к Тане с Мариком. Она долго с ним возилась, а потом взяла на руки. Марик обвился вокруг нее, как коала вокруг эвкалиптового дерева. Ника никогда не брала Марика на руки, боялась, привыкнет, не будет слезать с рук, а он ведь такой тяжелый. Бессердечная мать, думал Семен, глядя на Таню с его ребенком на руках, и его душа покрывалась мурашками.

На днях Ника преподнесла Семену настоящий сюрприз. Жена сказала, что вот уже полгода крутит роман с бывшим одноклассником. А сейчас одноклассник уезжал по контракту на два года работать в Италию и звал Нику с собой. Ника уже не в том возрасте, чтобы ломаться, а уж тем более отказываться от столь щедрого предложения. Марика она оставляет Семену, потому что одноклассник звал ее в Италию одну. Без Марика...

Марик сидел на полу и трепал Гамлета за оставшееся ухо.

— Киса!

Кот бил хвостом по полу, но терпел. Аглая Ивановна уже собиралась идти на кухню готовить обед, как мальчик потянул ее за халат. Указал пухлой ручкой на книжную полку и захныкал:

— Читать!

— Это тебе еще рано, милый, — рассмеялась Аглая Ивановна. — В другом шкафу есть Чуковский, Барто...

— Читать, — требовал Марик. Круглое личико скривилось, и из глаз брызнули слезы.

— Ну ладно, — пожалала плечами Аглая Ивановна и полезла на книжную полку за «Двумя капитанами».

Это была любимая книга Артема. Он открыл ее для себя в тринадцать лет и заболел ею: читал днем, ночью с фонариком под одеялом, часто перечитывал «Капитанов» и во взрослом возрасте.

Аглая Ивановна достала книжку, и из нее вдруг выпала фотография и конверт. В конверте было письмо. Она сразу узнала руку Артема. Отдала книжку Марике и с замирающим сердцем отправилась за очками, чтобы прочитать находку.

С фото улыбалась девушка, симпатичная, светловолосая, Аглая Ивановна ее не знала. Она развернула письмо и стала читать:

«Элина! Если ты читаешь это письмо, значит, я опять струсил и так и не решился поговорить с тобой. Извини за то, что не в электронном виде. Я старомоден, не признаю все эти контрал, альт, делит в общении с красавицами. Люблю письма, нацарапанные дрожащей рукой на листе бумаги, в них есть жизнь. Их можно сжечь, можно хранить или даже оставить внукам. В конце концов, заворачивать пирожки, если ты не найдешь им другого применения.

Вчера у меня был выходной, я проснулся утром, представил себе этот долгий день без тебя, оделся и приехал к твоему дому. Думаю, что не слишком тебя шокирую. За такой девушкой всегда должна ходить, как минимум, парочка «шпиков».

Я следил за тобой, наблюдал, как ты потопталась вокруг очереди к Пушкинскому, стремясь прорваться на выставку прерафаэлитов, потом ушла. Посидела с подругой в кафе. Ты что-то рассказывала, размахивала руками и смеялась. А я смотрел на тебя через стекло и думал: «На свете существует человек, который может осветить мою жизнь одним своим появлением и изменить ее полностью». Я понимаю, что твоя жизнь уже устроена. Да и вообще, на кой тебе сдался инвалид и неудачник?

Я люблю тебя. Каждой клеточкой своего существа. Обожаю тебя!

Если тебе неприятно, не отвечай. Мы просто сделаем вид, что ничего не было, и я снова буду твоей тенью.

Артем.

PS: Боже, я надеюсь, ты смогла разобрать мой почерк. Если нет, это просто катастрофа! Лучше бы я набрался смелости и поговорил с тобой. Или использовал контрал, альт, делит))».

Аглая Ивановна сняла очки и заплакала. Она словно увидела Артема, с улыбкой и взъерошенными волосами — он всегда ерошил волосы, когда смущался. Живого. Письмо с того света. Кто такая эта Элина, и когда Артем написал ей это письмо? Аглая Ивановна повертела конверт в руках. На нем был написан адрес...

Семен обнимал Таню. У нее была талия, которую он мог обхватить двумя руками. Мог, но ласкал ее бережно, едва касаясь кончиками пальцев. В этом Семен находил особое удовольствие. Когда они были вместе, ему казалось, что у него внутри ночное небо, в котором сверкают звезды, чертят кометы и мигают огоньками самолеты.

— Выходи за меня, — сказал он.

— А где кольцо, где преклоненное колено? — шутливо надула губки Таня. — Неужели я этого не заслуживаю?

— Я люблю тебя, — сказал Семен.

— Я тоже, — просто ответила она и добавила: — Я согласна.

Семен попытался притянуть ее к себе, но Таня отстранилась и пристально посмотрела на него:

— Я думаю о Марике. Он чудесный мальчик. Я очень люблю его, ты знаешь, но не смогу проводить с ним столько времени, сколько Ника.

— И что ты предлагаешь?

— Отправь его в Елец, к матери. А мы будем навещать его, брать в отпуск и иногда на выходные. Ты постоянно на работе, приползаешь к ночи без задних ног. Ты и так его почти не видишь, и даже не заметишь, что что-то изменилось.

Семен не мог прожить без Марика и дня. Уходя на работу, держал сына на коленях, мечтая спрятать под пальто и контрабандой пронести в офис. По дороге домой обязательно покупал что-нибудь сладенькое, конфеты или сдобу. Педиатр категорически запрещала, так как у Марика был лишний вес, но Семену так хотелось его побаловать. Ночью он подходил к кровати сына и слушал его дыхание. В этом ребенке была его душа. Нельзя жить без души, это же не смерть Кощея в яйце.

— Ты не должен решать сейчас. Подумай. И поймешь, что я права.

Семен почувствовал ее мягкие губы на своих и подумал о ночном небе. Он никогда не испытывал такого раньше, и что-то подсказывало ему, что больше никогда не испытает...

Вечером он пришел к Аглае Ивановне за Мариком. Она рассказала, как они провели день, а потом добавила, что Марик порвал ветровку, и надо купить заплатку в виде картинки. Она зашьет, и куртка будет еще лучше.

— Аглая Ивановна, у вас есть водка? — неожиданно прервал ее Семен.

Она налила ему стопку и сказала, что больше нет. Порезала сыр, достала из холодильника банку с солеными огурчиками. Марику налила чаю, положила перед ним пряник и тоже объявила, что больше у нее нет.

Семен опрокинул стопку, и по телу разлилось приятное тепло. Узел, сдавливающий грудь, развязался, и его отпустило. Он смотрел на бабушку, хлопотавшую у стола, которая не могла понять его проблем, на Марика, который жевал пряник, прикрыв глаза от удовольствия. И на черное небо за окном. А в небе чертили следы кометы, мигали огоньки ночных самолетов и горели звезды, созвездиями раскинувшиеся в бездонной выси.

— До понедельника? — спросила Аглая Ивановна, когда они с Мариком уже стояли в дверях. — Все без изменений?

Веснушки на носу у Марика тоже похожи на звезды. Чем не Орион или Андромеда?

— Без изменений, — ответил Семен и взял пухлую ручку Марика в свою...

В свой выходной Аглая Ивановна надела болоньевое пальто и меховый берет, положила в карман валидол, завязала в платочек серьги с изумрудами и отправилась по адресу, написанному на конверте.

Это был нарядный дом в Проточном переулке. Она топталась перед закрытой дверью подъезда, как вдруг дверь распахнулась, и молодая жен-

щина выкатила на улицу коляску. Аглая Ивановна придержала дверь, пропуская ее, и просочилась внутрь. Поднялась на лифте на нужный этаж и позвонила в квартиру.

Дверь ей открыла дама в теле с короткой стрижкой и какими-то колючими глазами. А может, так только показалось? Во всяком случае, эта дама не была похожа на худенькую блондинку с фото.

— Здравствуйте, — робко начала Аглая Ивановна. — Могу я видеть Элину Покровскую?

— Это я.

Аглая Ивановна откашлялась и выдавила из себя:

— Я — мать Артема Соколова.

Лицо Элины оставалось непроницаемым.

— Не припомню никого с таким именем, — с недоумением проговорила она.

Нервно перебирая пальцами, Аглая Ивановна запустила руку в карман в поисках валидола и отступила к двери.

— И... как он, жив-здоров? — быстро спросила Элина.

— Он умер одиннадцать лет назад.

Они сидели за столом в стильной гостиной-студии — диван невероятной белизны, барная стойка, лампа на трех ногах, похожая на телевизионный осветительный прибор. Аглая Ивановна в смущении поглядывала на прибор и пила кофе из чашечки, а Элина курила одну сигарету за другой. На платочке перед ней лежали серьги с изумрудами и письмо Артема.

— Эти серьги мне подарил муж на пятилетие свадьбы, — наконец заговорила Элина. — Он был ювелиром, коллекционировал антиквариат. Эти серьги из Нарышкинского гарнитура. К ним есть еще и кольцо. — Она немного помолчала и продолжила: — Я была девчонка из рабочего поселка в Подмосковье. Моя мама стирала пакеты и сушила, прилепив к кафельной плитке над раковиной. А тут такой кавалер, солидный, с безупречными манерами, всегда при галстукке. Старше почти в два раза, зато модные рестораны, вечеринки и шопинг в Милане. Первый раз он поднял на меня руку через полгода после свадьбы. Приревновал к общему знакомому. Потом это повторилось, еще и еще. Я пожаловалась маме, а она сказала, терпи, это твой муж. Он теперь твоя семья, а семейная жизнь легкой не бывает. Говорила и костюм фирменный на себе поправляла, который зять подарил. А я сижу перед ней с двумя фингалами под глазами и думаю, что ж ты за тварь такая, я же твой ребенок!

Элина затушила сигарету в блюдце и взялась за другую.

— Но я терпела... Наврала мужу, что потеряла Нарышкинские серьги, а сама спрятала их в маминной квартире. Муж на удивление легко поверил. Да ему и в голову не приходило, что я могу от него куда-то деться или его обмануть... Артем работал у нас водителем. Возил, в основном, меня. Он так и не отважился признаться мне в любви, я сама вывела его на разговор. Мне с ним было невероятно интересно. Вы знаете, я раньше никогда не думала, что можно любить мужчину не за цацки и дорогие шмотки, а просто за то, что он есть. Я писала небольшие рассказы, но никому не показывала, мне казалось, надо мной будут смеяться. А вот ему открылась. Артему очень понравилось, он заставлял меня писать еще и еще и очень любил смотреть, как я пишу. Уговорил отправить один рассказ в женский журнал, и его там опубликовали. Артем говорил, что у меня талант. Я не верила, конечно. Всего лишь небольшие истории о любви — так каждый смог бы. Но я взглянула на себя его глазами, понимаете? Мама меня никогда не хвалила, муж говорил, да кому ты нужна, тебе почти тридцать лет. А тут я впервые в жизни поверила, что я не просто красивая кукла, а способна на что-то настоящее, — по щекам Элины текли слезы. — Я решила уйти от мужа к Артему, затеряться в огромном городе. Дала ему эти серьги, чтобы он отнес их в ломбард. Денег должно было хватить, чтобы снять, а может, даже купить квартиру и жить первое время. В тот день Артем собирался заложить серьги и прийти на встречу со мной у Центрального телеграфа. Я стояла и ждала его. Конец октября, а я в туфельках, замерзла. Но не уходила. Стояла до самого вечера...

Муж узнал о нашем романе. Ему настучала домработница, которая видела нас вместе. Он избил меня до полусмерти, три дня держал без еды и не выпускал из комнаты. Но дело даже не в этом... В тот день, когда Артем не пришел на встречу к Центральному телеграфу, во мне что-то сломалось. Я потеряла веру в людей, понимаете? Да и в себя тоже. Та тоненькая девочка, которая писала рассказы о любви и дрожала на осеннем ветру в легких туфельках, умерла вместе с Артемом.

— А муж? — спросила Аглая Ивановна, утирая слезы.

— Катался на лыжах и свернул себе шею. Спустил три года после той истории.

А я приняла дела. Многие уговаривали меня продать его бизнес, но я сама встала во главе ювелирных салонов, и могу с гордостью сказать, что преуспела.

Элина взяла со стола письмо Артема и погладила кончиками пальцев, как живое существо.

— Спасибо вам. Вы даже не представляете, что сегодня для меня сделали, — сказала она и поцеловала руку Аглае Ивановне.

Поздним вечером, садясь в такси, которое вызвала Элина, Аглая Ивановна подумала, что событий этого дня ей хватит до конца жизни...

А на следующий день снова был ее законный выходной, и она спустилась на лавочку к подружкам.

У «инициативной» группы первого подъезда за эти годы случились разные события. Дуся ушла на пенсию. Анна Петровна завела кота. Дарья Тихоновна пережила ковид. Ее шестидесятилетняя невестка умерла, и невестку похоронили в пакете, как мусор. А девяностолетняя Дарья Тихоновна выкарабкалась, выписалась из больницы. И про нее даже написали в новостях.

В подъезд попыталась незаметно прошмыгнуть Олеся, но ей это не удалось.

— Олесечка! — обрадовалась Аглая Ивановна. — К маме приехала? Как твой сыночек?

— Растет!

— Второго надо, Олесь. Один ребенок — не ребенок.

— Так я уже! Месяц назад родила девочку, Мирочку.

— Второго родила? Да когда ж ты успела? — Аглая Ивановна застыла с открытым ртом, не зная, что сказать, а Дарья Тихоновна, вздохнув, проговорила:

— Ах, ты бедная, бедная!

Олеся кивала и доброжелательно улыбалась.

Бабушки! Главные друзья детства, теплые и уютные, пекут пирожки, которые так и тают во рту. Из обрезков ситца шьют жилетки для пупсиков: пестрые квадраты с двумя дырками для кукольных ручек. Потом слушают рассказы о мальчиках. Из класса, с курса. Охают и рассказывают про свою жизнь. Проходит время, мы выходим замуж, погружаемся в новую работу, а они все пристают со своими дурацкими расспросами, неуместными советами и слишком калорийными пирожками. В сто пятый раз рассказывают свою жизнь. Словно любимые когда-то, а потом ставшие ненужными тряпичные куклы, лезут на глаза, попадают под руку не вовремя. Их хочется засунуть подальше, на антресоль, чтобы не мешали. Бабушки сидят на своих лавочках, на периферии жизни. Чего от них уже можно ждать? На что они годятся?..

Из раскрытого окна доносились птичьи голоса, смех и рев мотоциклов, выкатившихся на улицы.

Элина сидела за столом у компьютера и писала рассказ. Рядом лежали серьги с изумрудами. Старинные и изящные. Совершенные, как корона... □

«Хочу и дальше создавать новые произведения и радовать свою аудиторию»

Химик по образованию, певец — по призванию, Дмитрий Колдун умеет расположить к себе собеседника. Умный, всесторонне развитый человек, талантливый белорусский певец, поэт и композитор, победитель проекта «Фабрика звезд-6» на «Первом канале», он представлял Беларусь на конкурсе Евровидение 2007 года с песней «Work Your Magic», заняв 6-е место (лучший результат Белоруссии за все время участия в конкурсе). В интервью журналу «Смена» он рассказал не только о том, как создаются и пишутся песни, какое влияние на него оказали ТВ-шоу и какие места нужно посетить в Минске, но и о семейной жизни — жене Виктории и детях Яне и Алисе.

Дмитрий Колдун

— **Дмитрий, вашего отца уже нет с нами, но как вы считаете, какой была бы его оценка музыкальной карьеры вашей и брата?**

— Ну, это риторический вопрос... Сложно сказать, как бы он оценивал. Полагаю, наверное, ему было бы приятно, что мы достигли определенных успехов в том деле, которым за-

нимаемся. Что касается конкретно музыкальной составляющей, то папа очень любил рок-музыку, у него была большая фонотека западного рока, некоторых советских исполнителей. Понравилась бы ему музыка, которую я сейчас делаю? Конечно, большой вопрос, но хочется верить, что понравилась бы. Хотя он был

достаточно категоричен в своем выборе, иногда доходило до резких эмоциональных высказываний, когда ему не нравилась музыка, которую он слышал по радио, на каких-то концертах, не нравились какие-то исполнители. Он мог отпустить крепкое словцо, и очень не хотелось бы попасть в число этих людей. Но теперь мы уже не узнаем...

— Когда вы только начали встречаться, еще будучи школьником, с Викой, вашей будущей супругой, могли предположить, что будете так долго вместе?

— В этом году исполнилось 23 года, как я в первый раз проводил Виду из школы. Думал ли я тогда, что мы будем вечно вместе? Конечно, нет. Это было замечательное время — юность, голова забита совершенно другими вещами, уж точно не планами на построение будущего. Планы на построение семьи и будущего возникли спустя много лет и осознанно, а не под влиянием гормонов или какого-то примитивного влечения, поэтому наше решение создать семью было нашим осознанным выбором уже в возрасте, когда человек отдает себе отчет в том, что он делает.

— Вы снимались во множестве ТВ-проектов. Участие в каком проекте вам запомнилось больше всего?

— Теперь, наверное, вспомню про Евровидение — тогда этот конкурс выполнял свою объединяющую функцию, не было никаких склок, скандалов. Не было всего того, что мы видим сегодня. Подготовка к нему, и тот опыт, который я получил, работая с командой на этой площадке, — это, можно сказать, некий фундамент, на котором я строил в дальнейшем свою деятельность. Что касается ТВ-шоу более такого развлекательного плана, тут, наверное, самым веселым проектом стало для меня шоу Первого канала «Точь-в-точь». Я участвовал в двух сезонах, и это было необычайно интересно. Я показывал и своих люби-

мых рокеров, и совершенно неожиданных артисток вроде Жанны Агузаровой, хотя мы совершенно не совпадаем с ней ни по комплекции, ни в голосовом регистре. Но это был интересный опыт, где можно было посмеяться над собой, своими коллегами и в то же время научиться чему-то новому.

— Можно ли сказать, что участие в «Фабрике звезд» повлияло на ваш характер? Если да, то как?

— Разумеется, это был один из этапов, в том числе, становления характера. Все дело в том, что я при-

ехал на «Фабрику», будучи студентом химического факультета. А уже через год был назначен представителем Беларуси на конкурс Евровидения. Можно сказать, что «Фабрика звезд» сработала. То есть за год из студента-химика без всяческого опыта я был превращен руками этого проекта в артиста, который представил свою родную Беларусь и занял самое высокое место за всю историю участия страны. «Фабрика звезд» — это были курсы экстренной подготовки, где я научился вещам, которые, наверное, за многие годы невозможно освоить, если не будешь получать их на практике. Например,

работа с камерами, работа с режиссером, работа на сцене, на аудиторию, в прямом эфире, гастроли — у нас было больше 100 концертов. Благодаря всему этому мой характер изменился. Я стал более закаленным, стал профессионалом, потому что раньше был просто дилетантом.

— Какие у вас остались воспоминания от совместного выступления с группой Scorpions?

— Хорошие воспоминания. Я вырос на музыке этой группы и многих других групп подобного жанра, которые всегда были очень популярными. Западный рок, к примеру, восьмидесятых, отличался вокальной техникой, мощными голосами, которые мне всегда были близки и которые стали основным стимулом для того, чтобы я научился петь сам. Это техника с большим диапазоном, с экспрессией, и то, что они

*С женой
Викторией,
сыном Яном
и дочерью
Алисой*

приехали к нам на проект, продюсером которого был Виктор Дробыш, оставило воспоминания на всю жизнь. Да, это дорогого стоит.

— Вы признаетесь, что, несмотря на то, что являетесь представителем поп-индустрии, любите слушать рок-музыку. Какие ваши любимые группы в этом жанре?

— Ну, я даже не назову, поскольку это большое количество групп российских исполнителей разных

периодов, плюс западные исполнители. Я люблю слушать музыку, и дело даже не в жанре — рок это или не рок. Люблю музыку, где есть мысль, где есть какая-то экспрессия — рок в этом плане экспрессивен. Люблю гитарное звучание, видимо, что-то такое от отца передалось.

— Вы сочиняете песни, а снятся ли вам музыкальные сны?

— Иногда, знаете, снятся. Бывает, песня приснится, и думаешь, что надо встать и записать. А так не

хочется вставать! (смеется). Утром просыпаешься, вспоминаешь — а это, оказывается, просто какая-то чушь! Во сне же казалось, что это прямо хит...

— А чем занимаются ваши дети?

— Дети занимаются тем, что они дети — они проживают детство, играют, танцуют, веселятся. Иногда мы с ними ходим на прогулки, играем в разные игры, играем в шахматы, они ходят на танцы, на плавание. Одним словом, развиваются как физически, так и ментально.

— Ваши любимые книги и авторы?

— Как-то меня попросили выбрать пять книг, которые оказали на меня большое влияние, но их гораздо больше. Наверное, из любимых авторов я мог бы отметить Курта Воннегута и Чака Поланика.

— Вы родились в Минске. Перечислите, пожалуйста, места, которые нужно посетить человеку, который, предположим, впервые приехал в столицу Беларуси.

— Тому, кто впервые приехал в столицу Беларуси, надо, конечно, ходить и смотреть все, потому что я на себя такую ответственность не возьму, так как могу говорить только за себя. Я бы прошелся, конечно,

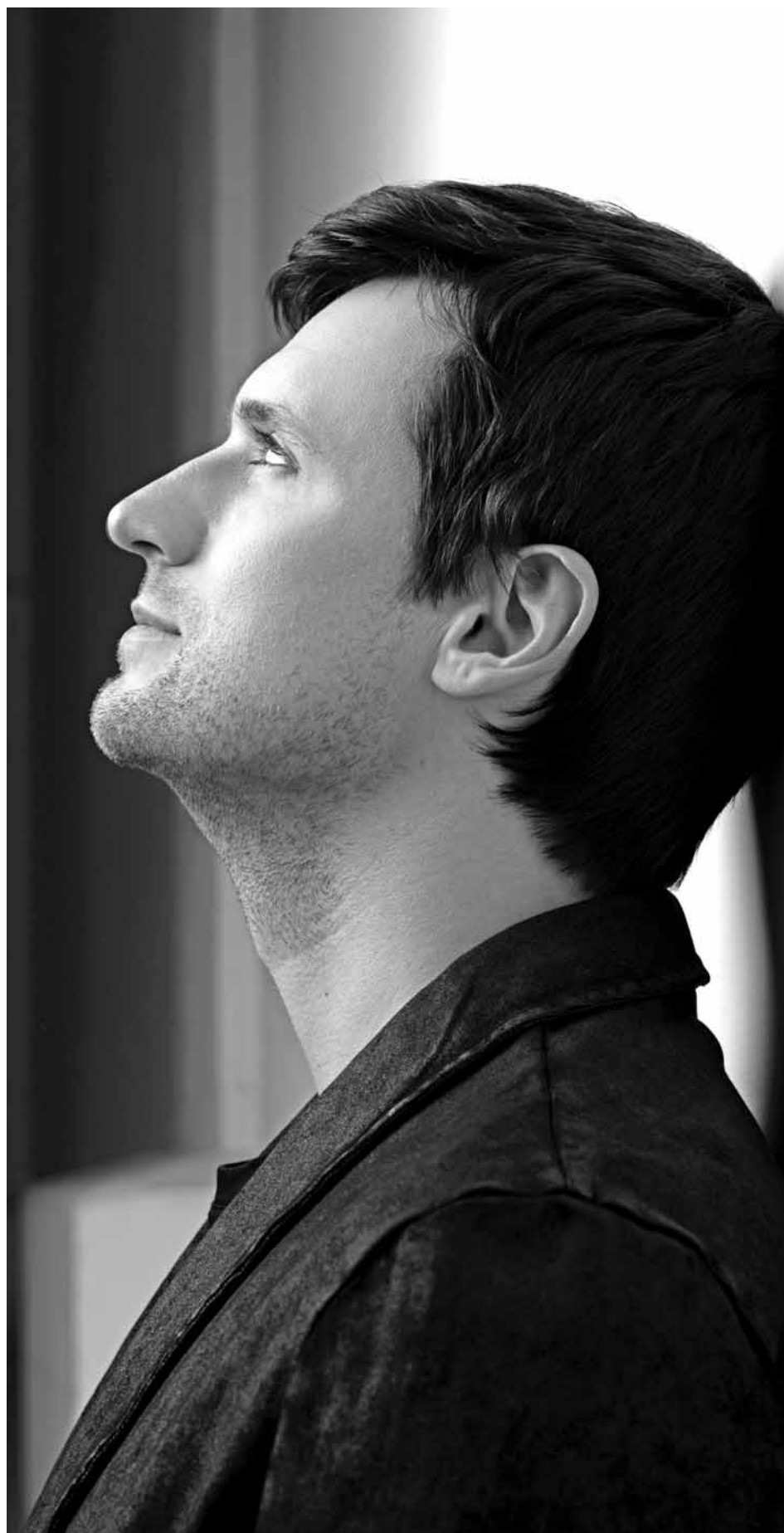
по Центральному проспекту, проспекту Независимости, зашел бы в Троицкое предместье. Посетил бы Парк Победы — очень уютный, чудесный парк. Посмотрел бы памятники архитектуры. В Беларуси сохранились Несвижский, Мирский замки, музеи, где царит прекрасная атмосфера. Также зашел бы в какое-нибудь приличное место отведать белорусской мачанки или драников.

— Расскажите, пожалуйста, про ваши творческие планы.

— Заниматься тем, чем я занимаюсь: создавать новые произведения, радовать свою аудиторию. На эту осень у меня запланирован концертный тур, с полным списком городов можно ознакомиться в соцсетях или на моем официальном сайте. Думаю, что эта география будет шириться и развиваться. Ну и, конечно, планы такие, чтобы было хорошее настроение, чего и вам желаю!

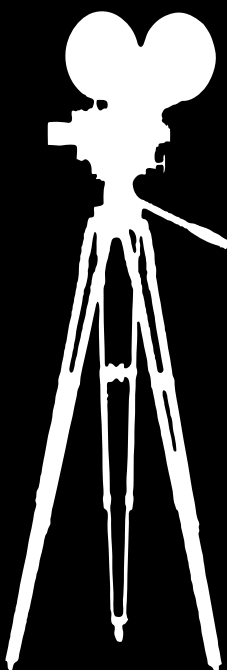
Беседовал
Дмитрий Соколов

Фото из личного архива

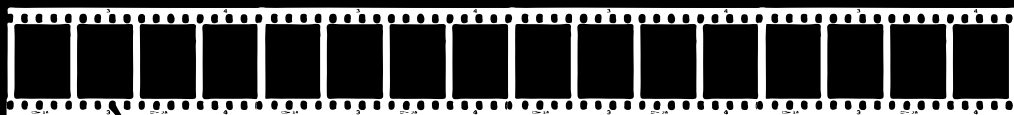
Юрий Осипов

Синдром Муратовой

Кира Муратова, подобно своему любимому писателю Владимиру Короленко, по повести которого «В дурном обществе» она поставила один из лучших своих фильмов — «Среди серых камней» (1983), относится к числу художников неудобоваримых, а потому недопонятых. В этой ранней ленте уже сквозит гротеск — отличительная примета ее зрелых работ, камерных по форме и исключительно мощных по сути.

Она учила считывать с экрана не «картинки», не слова, а образы. Ее образная среда, на первый взгляд, совершенно проста, но по смыслу не менее глубока, чем, скажем, сложные образы Тарковского или Бергмана с их снами-явью.

Кира Муратова родилась в ноябре 1934-го в бессарабском городке Сороки, входившем тогда в состав Румынского королевства. Отец ее, инженер Юрий Александрович Коротков, был секретарем уездного подпольного комитета компартии Румынии. Мать — врач-гинеколог Наталья Исааковна Короткова-Скурту (урожденная Резник), выпускница Льежского университета, помимо врачебной практики зани-

малась активной политической деятельностью.

Обоим родителям в тридцатые годы довелось сидеть в тюрьме за коммунистические убеждения. Поселившись в Бухаресте, они продолжали революционную работу по заданию Коминтерна, и маленькой Кире в таких условиях приходилось нелегко.

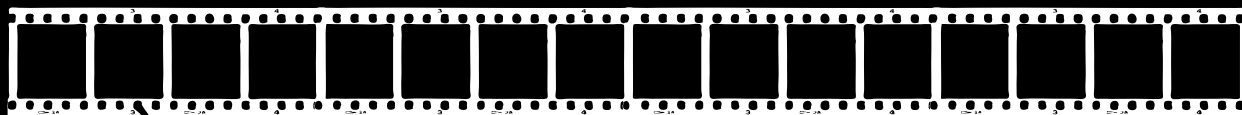
После присоединения Бессарабии к СССР в 1940 году семья переехала в родной город матери — Ки-

Муратова создала предельно детализированные слепки облика советского и постсоветского человека, беспристрастно фиксируя ползучий распад общественных связей в измученной, заблудившейся стране; отмечая в зеркале быта потери смыслов бытия, варварское оскудение духовной культуры под напором культуры материальной. Быть может, главная недопонятость творчества Муратовой заключена в том, что люди и вещи в ее «неудобных» фильмах, будучи очень многослойными, не претендуют, как в большинстве отечественных картин, на символичность. Они обозначают только самих себя. И поэтому зачастую обескураживают и пугают неискушенного зрителя, выступая приметами времени, знаками эпохи.

Этого мастера поистине мирового масштаба ограниченные киночиновники считали «чуждачкой», ходячим анахронизмом, а ее фильмы — фестивальным артхаусом и не пускали их к широкому зрителю. Последняя лента режиссера «Вечное возвращение» (2012) явила впечатляющую сумму оригинальных муратовских приемов, когда один сюжет вкладывается в другой, а экранная история упорно повторяется в разных обличьях. Недаром ее крайне примечательная поздняя картина так и называется — «Два в одном».

Оставаясь для автора «игрой ума и воображения», фильмы Киры Муратовой для нашего нынешнего восприятия (когда самой Киры Георгиевны с нами четыре года как нет) оказываются в отличие от момента их появления вполне ясными, понятными и несут в себе предсказания скорого будущего, которое нас уже настигло.

шинев, где ее назначили директором акушерско-фельдшерских курсов. С началом войны их с Кирой эвакуировали в Ташкент, а отца оставили в подполье для организации партизанского отряда. Тогда-то его схватили румынские солдаты и расстреляли. На родине ему даже поставили памятник.

А Кира и мама, трудившаяся в эвакуации фельдшером, вернулись в 1945-м уже в социалистическую

Румынию. Наталья Исааковна была назначена замминистра здравоохранения, и для девочки началась совсем другая жизнь. По специальному абонементу она пропадала в бухарестских кинотеатрах и, сдав выпускные экзамены в средней школе, могла по своему усмотрению выбрать любой советский вуз, так как дети правительственной номенклатуры соцстран принимались туда без экзаменов.

*«Долгие
проводы»*

Справа:
*«Короткие
встречи»*

Как раз в то время юная Кира посмотрела фильм Сергея Герасимова «Молодая гвардия» и твердо решила поступать к нему на курс во ВГИК. Однако в 1952-м Герасимов и Тамара Макарова курс не набирали, и будущий режиссер сначала училась на филфаке в МГУ, а затем уже перешла во ВГИК. Преданность своему мастеру она пронесла через всю жизнь, хоть и снимала кино, совершенно непохожее на герасимовское, а в чем-то даже ему противостоящее.

Дебютировала она курсовой короткометражкой «Весенние воды», совместной работой со своим будущим мужем Александром Муратовым. Она не только снялась как актриса, но и сама написала сценарий. Дипломный фильм «У крутого яра», тоже короткометражный, они

с А.Муратовым создавали в 1961 году на студии Горького. А первая ее полнометражная лента, драма из колхозной жизни «Наш честный хлеб», снималась, опять-таки по их совместному сценарию, уже на Одесской киностудии, куда своевольная Кира, поругавшись с вгиковским начальством, неожиданно взяла распределение.

С ней всегда было дискомфортно усредненным людям и особенно санным конформистам от кино. Даже среди сокурсников она не чувствовала себя своей. К ней, полурумынке, странно одевавшейся и странно себя ведущей, относились настороженно, считали ее иностранкой.

С самой собой Муратовой, кстати говоря, тоже бывало мучительно

трудно — постоянно неудовлетворенной, сомневающейся в конечном результате, боявшейся повториться в поисках очередного сюжета. На вопрос, что движет ею при выборе сюжета, отвечала: «Ужас. А вдруг я ничего не придумаю и будет скучно». Кира Георгиевна тяжело выискивала скудные средства на свои очень дешевые в производстве шедевры (благодаря чему они и смогли увидеть свет).

На Одесской киностудии она, по ее словам, «залегла на дно». В наказание за творческое своеволие ее должны были уволить, но директор студии «по-тихому» сослал Муратову, нет, не в уборщицы, как гласит легенда, а в... проявщицы пленки и библиотечарши. И это после того, как она совершила восхождение

к двум первым, абсолютно авторским шедеврам, которых у нас до нее еще никто не снимал. Ими стала своеобразная дилогия «Короткие встречи» (1967) и «Долгие проводы» (1971). Эти предельно заглубленные в привычный советский быт, но такие многослойные фильмы продолжили оттепельный кинематограф «морального беспокойства» Хуциева, Данелии, Ростозкого, Тодоровского, выдвинув на первый план неоднозначные человеческие характеры и обозначив нравственную проблематику общественной жизни периода так называемого «развитого социализма».

В центре «Коротких встреч» мы видим романтического геолога (самая модная профессия тех лет) в исполнении совсем еще молодого, начи-

«Астенический синдром»

нающего актера Владимира Высоцкого. А рядом безнадежно любящая его женщина — сама Кира Муратова в ее единственной большой роли в кино. Фокус здесь в том, что герой-любовник Высоцкого это, скорее, обобщенный парадный портрет советского интеллигента, который на пространстве фильма почти не появляется, если не считать двух коротких флешбэков героини с подругой, ее играет также впервые столь ярко засветившаяся у Муратовой Нина Русланова (потом будут и другие звезды, «открытые» этим уникальным режиссером).

Воплощенная в образе геолога-Высоцкого романтика остается где-то там, за кадром, а в кадре еще прозвучит его неповторимый хрипловатый голос с магнитофон-

ной ленты. В реальности же перед нами — унылый, пыльный провинциальный город, напоминающий безликие города с их безликими обитателями в произведениях Чехова. Геолог Высоцкого — лишь мечта о «другой жизни», о «небе в алмазах» из финала пьесы «Дядя Ваня». За Чеховым Кира Муратова будет следовать в творчестве неуклонно. Недаром одну из своих поздних картин она назовет «Чеховские мотивы».

Черно-белый (как и «Короткие встречи») фильм-драма «Долгие проводы» о стремлении матери любой ценой удержать возле себя сына-подростка, рвущегося уехать; фильм, ставший подлинным бенефисом молодой актрисы Зинаиды Шарко, вместе с «Короткими встречами»

положили «на полку». Обе картины вышли уже в период перестройки, в 1987 году, их посмотрели миллионы зрителей, и сегодня они являются бесспорной гордостью отечественного кинематографа, демонстрируя умение постановщика создавать шедевры буквально из ничего.

Одиннадцать полнометражных и три короткометражных фильма, снятые Киру Муратовой за тридцать лет с начала перестройки, разбросаны по орбитам Времени, пересекаясь с ее весьма нелегкой, если не сказать, трагической личной судьбой. С первым мужем, другом и соавтором сценариев ранних картин, она рассталась. Дочь погибла от злоупотребления запрещенными препаратами. И это страшное горе она стоически носила в себе. Второй муж, художник-постановщик Игорь Голубенко, моложе ее на 18 лет (что, впрочем, не имело для них обоих никакого значения, благодаря огромной обоюдной любви), выступил также соавтором некоторых поздних картин Муратовой. Он во всем был для нее надежной опорой, оставаясь с ней вплоть до мучительного смертного часа, когда непереносимая боль последней стадии рака заставляла Киру Георгиевну молить об эфтаназии...

Муратову травило за своеволие и чужеродность партийное начальство славного «города у моря», вынудившее, в конце концов, этого выдающегося мастера покинуть полю-

бывшуюся Одессу и перебраться в Ленинград, где она сняла на «Ленфильме» свои замечательные зрелые работы. За них Муратовой доставалось не только от официоза, но и, к стыду сказать, от ряда интеллектуально ограниченных коллег по цеху. Так, после показа на сочинском «Кинотавре» фильма «Астенический синдром» (1989), только что удостоенного специального приза жюри «Серебряный медведь», престижнейшего Берлинского фестиваля, некоторые собраты по искусству обвиняли Муратову в «невнятице», «брееде» и «непрофессионализме». Она, между прочим, реагировала на это спокойно, с присущим ей юмором.

К счастью, были и другие ценители. Прежде всего, те великолепные актеры, которые снимались в ее фильмах: Олег Табаков, Зинаида Кириенко, Рената Литвинова, Алла Демидова, Сергей Маковецкий (о Высоцком и Шарко уже упоминалось)... Исключительно самолюбивый Станислав Говорухин, очень уважавший Киру Муратову, привез на Одесскую киностудию снятую им там картину. Ее оператор Юрий Клименко вспоминал: «Кира пришла на просмотр и сказала, как она умела: «Слава, ну что вы сентиментальничаете? Вырежьте вы эту молитву. Кому она нужна?» Речь шла о сцене, где девочка молилась перед смертью. Слава вырезал, хотя картина была уже готова» (заметим, это потребовало перемонтажа едва ли не трети ленты).

*«Познавая
белый
свет»*

Справа:

*«Вечное воз-
вращение»*

Клименко довелось поработать и с Муратовой, и его потрясло, насколько сильной и негибаемой она была. И всегда боролась. Он говорил: «Судьба у нашей картины «Познавая белый свет» оказалась сложной. Материал поступал из лаборатории не в группу, а главному редактору студии. И сыпались, как из ведра, требования сократить одно, вырезать другое... Я не понимал, что она делает на площадке такого особенного. Но потом видел на экране нечто волшебное... Я так и не знаю ее творческого метода, хотя стоял рядом, снимал ее натуру, интерьеры, актеров».

«Кира из редкой породы людей, для которых снимать — значит жить, — вторит ему маститый кино-

продюсер и способный режиссер Сергей Члиянц. — В 2004 году мы сделали с ней картину «Настройщик» А до этого дружили... Она вытаскивала на экран буквально людей с улицы, непрофессиональных актеров, непонятно — почему. Искала жизненность, не соответствие какому-то типажу, а сущность. Знала про способ существования актеров что-то свое сокровенное и не ведала сомнений... Я ей как-то сказал: «Они же у вас врут». — «Да нет, — ответила она. — Это вы, Сергей, врете».

И последнее. Режиссер Али Хамраев никак не мог сдать на студии в Ташкенте фильм «Триптих» и слезно просил Муратову прилететь помочь ему справиться с замечаниями. Отказать товарищу по цеху она не могла.

Вспоминает Хамраев: «Какие это были удивительные дни и ночи в монтажных!.. Мы с неутомимой Киroy крутили, резали, кромсали километры целлулоида, среди ночи смотрели сложенную сцену, спорили, Кира злилась, потом хохотала, пила кофе и снова садилась за монтажный стол...».

А когда многодневная и многотрудная работа была успешно закончена и картина благополучно сдана, Кира Георгиевна категорически отказывалась получить заслуженный гонорар. И только угроза Хамраева выбросить деньги в мусорную урну заставила ее принять их. «Я приехала тебе помочь, а не деньги зарабатывать», — упорно твердила она тогда.

На тупые поношения типа: «а что это?», «про что это?» она не реагировала ни в начале творческого пути, ни тридцать лет спустя, в стартовавший век примитивизации массового сознания и упрощенчества исходных понятий. Ее вновь отмеченная на берлинском биеннале тонкая криминальная комедия «Второстепенные люди» (2001) с трупом, который в Одессе совершенно негде спрятать, воспринималась многими как полная белиберда.

И если в «Перемене участи» (1987) режиссер показывает нам убийство любви и наступление хаоса — не того сумбурного, радостного беспорядка, предвестника грядущих перемен в созданной на десятилетие раньше картине «Познавая

белый свет», а мрачного, безысходного, то в «Астеническом синдроме» похороны любви знаменуют уже неспособность персонажей найти общий язык с самыми близкими людьми в результате собственного одичания. Фильм является художественным наблюдением за обычным человеком в пограничном состоянии, вызванном тревожной перестроечной неопределенностью жизни социума. И медицинский диагноз названия — не игра слов, а просто его клиническая картина.

На упреки в культивировании негатива и депрессивных настроений Кира Муратова могла бы ответить словами Чехова, который, выслушав однажды слезливые жалобы читающих дам на тоскливую безысходность его произведений, твердо сказал им в ответ: «А я не лекарство, я — боль».

Гармонию и исходную упорядоченность внешнего мира мы находим в «Чувствительном милиционере» (1992). Они, однако, показаны как-то отстраненно, безучастно, включая человеческое благородство, трогательную заботу о слонах, полезное действие без пустословия, красоту музыки Чайковского и ироничную идиллию капустного поля, где в листьях кочана будет, согласно привычному объяснению малышам, откуда берутся дети, «найден» младенец... Почему так? Да потому, что, по мысли Муратовой, в реальной жизни, и конкретно в первый постсоветский год распада и разброда всего

и вся, подобные прекрасные вещи выглядят волшебной сказкой. Что ж, нам предъявлен здесь неутешительный, пусть и отвлеченный, прикрытый художественной тканью диагноз эпохи, как и в большинстве фильмов Киры Муратовой.

В ее поздних работах гротеск только усиливается, служит заменой крика перед нарастающим ужасом окружающей действительности. Сюжет буксует, порой просто распадается...

Завоевав своими «тихими» картинами безо всяких там «оскаров» и «пальмовых ветвей», если не считать «Серебряного медведя» Берлинского фестиваля, место на кинематографическом Олимпе, скажу без преувеличения, рядом с Бергманом, Годаром, Антониони, Хуциевым, Панфиловым, Сокуровым и Звягинцевым, Кира Георгиевна в отличие от них спокойно прожила большую часть жизни вдали от шумных столиц.

Пережитые ею наши бурные исторические периоды отзываются безошибочными штрихами в ее картинах. И все же главная их ценность — в неистребимом гуманизме, с которым режиссер непредвзято исследует столь противоречивую человеческую природу. «От человека многое зависит. Но, в конечном счете, — ничего. Так только, по мелочам». Это парадоксальное высказывание принадлежит Муратовой. Один из самых трагических ее фильмов, истинная жемчужина муратов-

«Два в одном»

ского творчества «Астенический синдром», который пытались цензурировать даже в разгар горбачевской перестройки, тоже не лишен просветленной интонации в показе «одноклеточной», но такой органичной толстухи-завуча. Муратова даже любит эту школьную царичу, ибо убеждена, что душевная красота определяется, прежде всего, естественностью, а не образовательным цензом.

В разбросанных по орбитам Времени фильмах Киры Муратовой по-новому раскрывались даже самые именитые актеры, навсегда запомнившие работу с этим уникальным мастером. А некоторые из них, такие, как упомянутые выше Высоц-

кий, Русланова, а еще Алексей Жарков, успешно дебютировали в ее картинах. За редкими исключениями она не держалась от фильма к фильму одних и тех же полюбившихся исполнителей. Однако в поздние годы нашла-таки свою музу, которую раз за разом снимала в последних работах. Рената Литвинова, актриса, сценарист, режиссер, стала не только звездой, но и соавтором сценариев Муратовой отдельных прощальных картин.

«Я думала, такое вообще нельзя снимать», — вспоминала потом Литвинова о первом творческом контакте с Кирой Георгиевной. И замечала, что все покоряющие взаимоотношения мэтра с актерами всегда и во всем были точно

«Чувствительный милиционер»

Справа:
«Настройщик»

срежиссированы. Как и отношения ее с учащимися «Школы киноактера», куда в трудную минуту безденежья пристроил Муратову все тот же сердобольный директор Одесской киностудии.

Там она дала «путевку в жизнь» нескольким талантливым ребятам. Был среди них и Коля Седнев. Ему повезло не только обучаться у Муратовой азам актерского ремесла, но и затем сняться у нее. Ну а в дальнейшем зрители увидели Седнева в нашумевшем сериале «Одесса-мама», причем он не потерялся с такими именитыми партнерами, как Д. Дюжев, Е. Гусева и П. Федоров. Свою лучшую и фактически дебютную роль в кино сыграла народная артистка России Ольга Антонова в «Астеническом синдроме», воплотив образ женщины, находя-

щейся в тяжелой депрессии после смерти мужа.

Вслед за блистательным и горьким «Астеническим синдромом» на свет появился в 1992 году легкий и радостный «Чувствительный милиционер». Герой его находит в капусте младенца и весь фильм пытается благополучно устроить судьбу найденыша. При этом для исполнителя заглавной роли Николая Шатохина картина Муратовой также оказалась счастливым творческим дебютом. Востребованный ныне актер, он уже поработал на съемочной площадке с Ж. Депардье, Э. Херли, С. Ходченковой, Д. Козловским.

Первый свой, как она полагала, чисто развлекательный, но все равно сугубо авторский фильм «Настройщик», действительно местами

уморительно смешную плутовскую комедию, Кира Муратова сняла лишь в 2004 году, обработав под современную интерпретацию мемуары известного сыщика царских времен А.Кошко. Главный герой, настройщик роялей Андрюша — одновременно счастливейший и несчастнейший из смертных, потому что, будучи беден, страстно влюблен в красивую дочь богатых родителей Лину, отвечающую ему взаимностью. Любовь к избалованной девушке заставляет его пойти на преступление.

Это тоже форма особого муратовского реализма, просто своеобразно понятого и представленного. Тут, подобно ее фильму «Увлечения» (1994), торжествует эксцентрика. И вновь в центре картины яркий кинодебют одесского юмо-

ристического артиста и художника, члена местного ансамбля пантомимы и клоунады Георгия Делиева в окружении все той же Р. Литвиновой, Н. Руслановой и А. Демидовой. Фильм с большим успехом прошел по экранам страны, завоевал «Нику» и был номинирован на почетную премию Венецианского фестиваля.

Муратова говорила, что ей интересно показывать знакомую вещь так, как будто мы видим ее впервые. И прибегала с этой целью к намеренному искажению действительности, для чего использовала нарочито абсурдированную манеру речи почти карикатурных персонажей. Вот и Литвинова выступает в поздних фильмах режиссера в качестве сконструированной типажной мо-

дели, а не свободно проявляющей себя актрисы. Так некогда работал боготворимый Муратовой Чарли Чаплин.

Кира Георгиевна честно признавалась, что большинству зрителей ее фильмы не нравятся, но нравятся отдельным людям, и ей этого вполне достаточно. Именно об «отдельных людях» она и рассказывала на протяжении своего почти полувекового творчества. Этот принцип с максимальной полнотой выражен в ее последней, исповедальной картине «Вечное возвращение» (2012). Она о кино, о муках творчества и неотвратимом торжестве жизни, о вечных, необходимых повторах записей актерских проб, которые смотрят в фильме продюсер и бизнесмен-инвестор будущего фильма. Только вот фильма не будет, его ре-

жиссер умер. Что это — грустная шутка о себе?

После премьеры «Вечного возвращения» Муратова заявила, что уходит «на покой», поскольку ей больше нечего сказать миру. Думается, дело не в этом, а в невыносимых трудностях добывания денег на авторское кино, помноженных на атмосферу непонимания и возраст. Скорее то был жест отчаяния, приблизивший ее личный финал. Жить ей оставалось всего шесть лет. В последние годы Кира Георгиевна чуралась публичности, чего и раньше не жаловалась, и свела общение с внешним миром к минимуму, утверждая, что достаточно наговорилась на съемочных площадках и теперь может помолчать. Ее одиночество делил с ней верный супруг и скрашивали обожаемые внуки, дети един-

Слева:

«Мелодия
для шар-
манки»

«Увлечения»

ственной погибшей дочери. Именно они раньше вдохновили Муратову на щемяще-просветленный, самый христианский ее фильм «Мелодии для шарманки» (2009), отправляющий зрителей холодной рождественской ночью вместе с двумя лишившимися матери маленькими сиротами в томительное путешествие через капища современной потребительской цивилизации: супермаркеты, казино, новогодние ярмарки, типичные ярмарки тщеславия.

Весть о смерти Киры Муратовой пришла 6 июня 2018 года, в разгар «Кинотавра», где она любила показывать свои картины, где получала самые престижные награды и подвергалась во время пресс-конференций и обсуждений самым унижительным поношениям. Бог с ними, ее хулите-

лями, их имена скоро забудутся, а фильмы этого большого режиссера с мировым именем останутся с нами и в истории кино навсегда.

...В знаковой картине «Астенический синдром», подводящей неутешительный итог короткой эпохе перестройки и гласности, пустой вагон метро уносит в темноту тупикового тоннеля одинокого заснувшего на полу учителя английского. Зато черно-белая докторша, словно ангел, спускается с небес на землю, дабы мы не теряли веру и надежду. Вот так же и Кира Георгиевна Муратова, удаляясь от нас во времени, удивительным образом продолжает оставаться нашей современницей, согревая нас в своем многогранном творчестве верой в любовь и надеждой на ее обретение. Это и есть синдром Муратовой! □

Александр Куприянов

Бабочка Когню

АНГЕЛ

1

Нина пообещала догнать компанию, ей нужно было доделать задник. Нарисованная бабочка Альбине понравилась. Особенно портреты погибших, изображенные на крыльях. Очень похоже. Платону показалось, что она тоже хочет пойти с ними и выпить шнапса, но Альбина, видимо чувствуя, что это будет неуместно с ее стороны, к компании не присоединилась.

Рейзер привел их в известную на всю округу харчевню «У Карла». Официантка, одетая в обтягивающую тельняшку, проворно накрыла стол. Жареные креветки, грузинский сыр сулугуни, всем по кружке ядреного темного пива «Гиннесс». Пришел Карл, хозяин ресторанчика, лохматый и морщинистый старик в пиратской одежде, и объявил:

— Выпивка за счет заведения. Угощаю. — Потом вздохнул и тихо добавил: — Пацана и готику вы зря завалили. Весь Остров гудит.

— Или бы Ангина нас завалила, — ответил Борис. — Ничего не оставалось делать. Сырок Тревожный сразу схватился за автомат. Он убил Вильгельмину. А потом, у меня в кабинете, хотел застрелить меня. Не получилось у него ничего. Я оказался быстрее.

Карл подумал и снял повязку с глаза.

— Могу с тобой в чем-то согласиться. Ауешники обложили данью все лавки и рестораны. Мы еще держимся. Но ко мне уже приходили от их пахана. Я его не знаю. Обещали через день-два заглянуть. Назвали сумму, которую я должен платить в общак. А они будут нас охранять.

— Карл! Они не могут по-другому. Такова сущность любого криминала в любые времена. Они живут по своим законам. Называются — понятия, — усмехнулся Хелл.

— Разве для этого мы создавали Остров? Ведь как хорошо было! Костры каждый вечер, сплавы, мы пели песни, занимались своими делами. Бизнес пошел. И что получили?

— Успокойся, Карл, лучше выпей с нами!

— Ты же знаешь, что на работе я не пью.

2

Нина пришла в ресторан с Толиком Медным Упоросом. Он увидел ее с красками и кистями на сцене и сам подошел. С Толей явились пятеро крепких парней в черных куртках. Они сели за соседний столик и ничего не заказали. Сидели, сумрачные и злые, положив кулаки на стол. Упорос присел за стол к Платону безо всякого приглашения. Лицо у Нины было бледным, губы дрожали. Платон обнял ее при всех за плечи и сказал:

— Упоросыч, ты мне в сыновья годишься. Мы с Ниной познакомились случайно. Нам нужно было спасти ее сына, которого похитили. Я бы тебя просил не торопиться с выводами. Я никогда не буду вашим врагом.

— Ты, Платон, думаешь, что людей можно убивать просто так, безнаказанно. Потому что начальству все можно.

— Ты скоро станешь большим начальником. Или уже стал. Вот тогда сам посмотришь, что можно, а что нельзя начальнику.

Но Толику Медному Упоросу хотелось скандала, и он показал на соседний столик:

— Видишь парней? Хозяин ресторана задолжал им денег. По моей команде они сейчас здесь все превратят в пыль. Если Карл не отдаст долг.

— Толик, я всегда считал тебя не глупым человеком... Неужели ты не видишь, что вы смешались с бандитами и Островом управляют паханы?

— Платон Укутович! А кого ты позвал в напарники, когда вам потребовалось взять документы из сейфа Буденовца Кардинала? Не к паханам ли приходил начальник твоей безопасности Борис Животное? Не паханы отрядили своего лучшего медвежатника, Серегу Тревожникова, чтобы он вскрыл вам сейф? Вы кинули Сырка, а потом «случайно» убили его. Вы не просто срослись с криминалом. Вы сами — криминал!

В разговор поспешил влезть Рейзер:

— Только одно замечание, молодой человек, если позволите. У Платона Захаровича Акташева не было никаких личных целей. Он хотел уберечь Остров от насилия, которое неизбежно возникает при мятежах. К сожалению, это не последние жертвы на Острове. Я вижу, что вы пришли мстить.

Глаза Толика, Медного Упороса, наливались кровью.

— Хелл! Ты, конечно, пожилой и уважаемый человек. Не ты ли учил нас быть крутыми и не похожими на всех? Ты все время вовлекал нас в игру.

Ты убеждал нас в том, что на Острове мы построим свою республику! У всех есть законы, а у нас будут понятия... Вы с Платоном были идеологами Острова, а теперь ты говоришь, что у вас не было личных целей. Вам нравилось командовать нами! А теперь вы опомнились. Но уже поздно! — Он махнул рукой парням за соседним столиком, и в их руках тут же появились бейсбольные биты...

Через пятнадцать минут ресторан разгромили. Карл сидел, обхватив голову руками. На полу валялось битое стекло, остро пахло спиртным, ноги липли к полу, потому что вишневые и кедровые наливки, стоящие на стойке бара в огромных бутылках с краниками, тоже разбили и расплескали по половицам. Редких посетителей как корова языком слизнула. Осталась сидеть лишь компания Платона. Шурик забился под стол в углу бара.

Бригадир бойцов, парень с квадратной челюстью, спросил у Толика:

— Поджигать?

— Пока не надо, — прищурившись, ответил тот. — Оставим до следующего раза. Если не отдаст деньги.

Карл, припадая на одну ногу, подошел к кассовому аппарату и открыл его:

— Забирайте всю выручку.

Толик кому-то позвонил. Потом сказал:

— Пересчитайте выручку. Если там набирается назначенная сумма, мы уходим. Если нет, то Карлу придется идти в закрома.

Платон и Борис с начала погрома порывались вскочить и вступить в драку с бандитами, но Рейзер их останавливал:

— Сидите, они только и ждут, что вы полезете. Тогда здесь такое начнется...

Когда уходили из харчевни, Платон сказал Карлу:

— Не переживай, я возьму убытки.

Официантки стали подметать пол и сгребать битое стекло...

Выйдя на улицу, сразу услышали звуки зурны и рокот барабанов. Молодые парни и стройные девушки танцевали лезгинку. Из глубины Острова двигалась свадьба. Богатый человек с Кавказа женился. Он был известным байкером, и процессию сопровождал кортеж мотоциклистов. Невеста выглядела прекрасно. С осиной талией, в белом платье, лицо укутано фатой. Длинный шлейф платья несли девочки-малышки. Сам жених — в кожаной косухе, с цепями на поясе и в штанах-галифе. На ногах офицерские сапоги с лакированными голенищами. Нина тихо спросила Платона:

— Ты на мне женишься?

— Женюсь. Обвенчаемся, в церкви, — ответил Платон, — чтобы уж навсегда.

Свадебную процессию встречал Ангел. В белом хитоне до пят, на спине крылья — проволочный каркас, облепленный перьями. С Ангелом охотно фотографировались. Если за фото с обезьянкой просили триста рублей, то Ангел брал четыреста. «С кошечкой или с попугаем вы сфоткаетесь всегда. А с ангелом?» — объяснял свою цену Вова — Ангела звали Вовой. Где он брал лебединые перья для крыльев, неизвестно, но крылья выглядели натурально. Девочки-фрейлины захотели сфотографироваться с Ангелом. Вова охотно позировал. Он накрывал девочек крыльями, брал их на руки, и тогда белые меховые жилетки фрейлин сливались с хитоном Ангела. Гости свадьбы тоже захотели сфотографироваться с Ангелом. Наконец жених распорядился сделать коллективную фотографию. В центр встали сам жених с невестой и Ангел. Слева и справа — мотоциклисты. На заднем плане остальные гости. Потом вновь ударили барабаны и взвыла зурна. Свадьба перетекала на набережную. Ангел бросился следом:

— Слушай, а платить кто будет? Сколько вы нафоткали!

Высокий парень с бородой, наверное, он был другом жениха и распорядителем на свадьбе, картинно вскинул руки к небу:

— Слушай, чего ты устраиваешь, дон? Что ты такой мелочный? Не можешь сделать молодым подарок, дон! У них память на всю жизнь останется!

— Поймай, вы же — мусульмане? Ангелы вам вообще не в кассу! — продолжал возмущаться Вова-ангел.

Внимательно наблюдавший за этой сценой Хелл громко сказал:

— Аллах сотворил четырех великих ангелов. Джибриля, Микаиля, Исрафиля и ангела смерти Азраиля. Азраиль отвечает за души, Микаиль за дождь, Джибриль за послания, а Исрафил — за Рог. На Кавказе очень почитают ангелов. Исрафил первым дунет в рог и обозначит конец света.

Распорядитель повернулся к компании Платона:

— Спасибо вам, вы добрые люди!

Из внутреннего кармана пиджака он достал тугую пачку купюр и бросил под ноги Ангелу.

— Чего ты бросаешь мне, как собаке? — снова возмутился Вова. — В руки подать не можешь?!

Парень ругнулся и схватил Ангела за отвороты хитона. Назревала драка.

Зурна взвыла с новой силой. В руках кавказских парней появились автоматы и пистолеты, и очереди ударили в небо.

Вова тут же присмирел и подобрал пачку с брусчатки.

— Зачем они стреляют? — спросил Платон у Рейзера.

Тот ответил с видимым удовольствием — ему нравилось просвещать:

— Многие люди с Кавказа на свадьбах стреляют. Удадь, так сказать, демонстрируют. А на самом деле выстрел означал, что невеста вышла со двора. Или — жених подъезжает. Старики считают, что выстрелы отпугивают злых духов от молодоженов. Обычаю сотни лет. Русские трудно привыкают к чужим обычаям и поэтому возмущаются.

Борис проворчал:

— Пусть едут к себе на Кавказ и там отпугивают злых духов.

Платон переспросил:

— А зачем они говорят «дон»?

— Мусорное слово. Вроде моего «так сказать».

— Может, лучше кавказцам привыкать к нашим обычаям? Ведь они к нам приехали, а не мы к ним.

— Как сказать... Ты знаешь, что «коклы» за границей делают? Они в ресторанах требуют горилку, сало и галушки!

4

Быстро темнело, и нужно было искать место для ночлега.

Как комендант Острова, Платон жил в отдельном коттедже, обитом листами стали, с огнеупорными стеклами в окнах. Борис сказал, что туда идти нельзя, там их ждут парни с «Солнцепеками», а ведь с ними теперь еще и Шурик. Шурик не хныкал, не капризничал. Молча шел рядом с Ниной.

— А давайте вернемся в квартиру Сырка. Ну... этого, Сережи Тревожникова, который бабочку Когню искал, — предложила она.

— Заодно послушаем, что на Острове творится, — подхватил Витя Аверин.

— А там нас ждут Толя, Медный Упорос и квадратные пацаны с битами. Встреча в ресторане у Карла вас ничему не научила? Они все время ищут повод и провоцируют нас на драку.

— Ну, так что, Борис? Опять к лунтикам? — спросил Платон. — Может, там нас и оставят. До скончания дней.

Он имел ввиду ККК — кластер карательной косметологии.

И опять выручил Рейзер:

— В одной из бухт стоит брошенный круизный лайнер. У него палубы заросли осинником и мхами, но есть еще годные для ночлега каюты, я там иногда зависаю. Удобства на улице, вода из ручья. Зато исправная керосинка имеется, можем шурпу сварить, чаек вскипятить. И танковый аккумулятор работает, так что светом и теплом я вас обеспечу.

Продирались через мелкие тальники и камыши. Камыши были толстые, листья сухие и острые, как бритвы. Наконец Рейзер, он шел первым, оты-

скал заветную тропинку, известную, видимо, не только ему одному, так как тропинка была узкая, но набитая — по ней не раз ходили.

То, что Хелл назвал круизным лайнером, оказалось трехпалубной баржей, стоящей на вечном приколе у деревянного пирса. Два ржавых троса крепили баржу к железным кнехтам — с носа и на корме. В наступившей темноте, на фоне неба и реки, баржа, которую уже нельзя было назвать плавсредством, смотрелась монстром. На носу выросла березка. Окна кают забиты шифером, жестью и листами фанеры. В свете фонариков Платон прочитал на носу надпись «Страна Советов». От слов тянулись ржавые подтеки. Выгорающие буквы подправляли суриком — «Страна Советов» хотела выжить. От дождей, снегов и ветров корпус баржи облез. В рубке, на самом верху, где в окнах выбитые стекла, все услышали, как скрипит штурвал.

5

Шурик сразу свалился и уснул на лежанке Рейзера. Платон и Нина устроились в соседней с Хеллом каюте. Как-то в разговоре он назвал свое настоящее имя, и теперь все стали звать Харитоном. Это имя очень подходило ему: седые волосы до плеч, борода клинышком, ходит, уже пришаркивая ногами, что-то бормочет себе под нос... Но ясность ума и память не теряет. Его наволочка, набитая справочниками, брошюрами, чертежами изобретений и ракет, не шла ни в какое сравнение с библиотекой, которую он собрал в каюте. Библиотека, конечно, выглядела убого. Харитон сам делал стеллажи из подручного материала — столов и тумбочек, которые находил на барже. В ней поражало другое — порядок и классификация. Отдельно стеллаж энциклопедий — от Брокгауза и Эфрона до популярных детских справочников по ботанике, рисованию и химии. История Рима и Греции, поэзия Серебряного века, русская классика, «лейтенантская проза» — проза шестидесятников, два стеллажа — Пушкин и о Пушкине. Все было снабжено указателями и расставлено по алфавиту.

— Харитон! А где вы столько книг набрали? — спросил Платон.

— У меня своя хорошая библиотека в городе. Я же преподавал историю и философию. Все перевез сюда. А потом, когда книги начали выбрасывать на помойки, друзья стали мне их дарить. Во-первых, квартиры маленькие, негде хранить, а во-вторых, сериалы заменили книги. Многие конторы отказывались от библиотек. Все оцифровали. Я у мусорных баков собрал всю классику.

— А вам зачем?

— Я же реконструктор... Кто-то собирает бабочек, кто-то статуэтки лягушек... А я собираю книги. Вот, к примеру, лоции и карты! Это же так

интересно — лоции Невельского. Когда нашел баржу, стал свозить сюда потихонечку. У нас на «Керосинке» много чего попадает. Чтение книг в гаджетах и чтение настоящих книг — разные мыслительные процессы. Я сейчас буду поить вас настоящим кофе. А у Карла мы пили суррогат. Почувствуйте разницу. Только шнапс и пиво у него настоящие.

— Ну вот нас когда-нибудь не станет, мы все умрем. Вашим детям и внукам нужна такая библиотека?

— Наверное, она им уже не нужна, — легко согласился Харитон. — И коллекция бабочек Сырка тоже никому не нужна. Я бы, кстати, забрал ее и разместил в соседней комнате. Может, кто-то придет и посмотрит.

— Пройдет еще десяток лет, и баржу засосет река. Все затянет илом: и библиотеку, и коллекцию Сырка, и бабочку Когню.

— Думаете, Платон Захарович, что останутся только «Солнцебеки»? Знаете, что говорит герой рассказа Хемингуэя «Снега Килиманджаро», писатель Гарри? Он умирает от гангрены у подножия горы и разговаривает со своей женой Мэри. Они ждут самолета с лекарством, и Мэри не дает мужу пить виски. Он говорит: «Самолет, конечно, быстрее лошади... Но это не значит, что мир стал лучше». Эпиграф к рассказу: у пика Килиманджаро лежит труп леопарда. Что понадобилось ему на такой высоте, никто объяснить не может. А он просто заблудился. Не туда пошел. Выбился из сил и замерз. Так и мы заблудились. И замерзнем, не дойдя до вершины горы.

Сварили шурпу. В котелок-казан свалили все продукты, что нашлись у Харитона: гречку, тушенку, рыбные консервы «Частик в томате», сыр, колбасу. И даже засохшее печенье крошили. Правда, воду брали из чистого ручья-родника, бьющего из-под камней на берегу. Там Рейзер вырыл маленький колодец. Обильно посыпали варево перцем, посолили и добавили лаврового листа. Получилось варево рыжего цвета. Каша — не каша, суп — не суп. Кстати, невероятно вкусное блюдо всех сплавщиков. В местах лишения свободы его называют баландой, домохозяйки — похлебкой. Рецепт блюда заимствован у геологов и изыскателей. Они варили такой суп в последний день экспедиции, когда продуктов уже почти не оставалось. У таежников блюдо называлось заебуриха. Грубовато. На Чукотке Платону приходилось варить такой суп, а вот Нина пробовала его впервые, и ей очень понравилось. Ели по очереди, так как тарелок не было, хлебали прямо из казана. Зато стаканов и кружек хватало. Харитон смолот зерна, сразу вкусно пахло кофе. Потом Нина перевязала плечо Борису и сделала обезболивающий укол. У Рейзера в каюте нашелся даже портативный телевизор — маленький, на батарейках. Включили. Местный канал передавал островные новости. Выступала Альбина. Ангина Игоревна Пидарей:

— Завтра, в 12 часов, состоится гражданская панихида. Мы провожаем в последний путь Вильгельмину и Сергея, борцов за права граждан Острова. Настоятельная просьба ко всем сообществам — не брать на похороны оружия. Поминки пройдут в ресторанах и кафе на «Керосинке». Они оплачиваются администрацией Острова. Вечером состоятся открытые выборы коменданта Острова. Платон, в Ведре Укутыш, по известным обстоятельствам сложил с себя полномочия.

— Так они и послушались, — хмыкнул Борис, — и с пистолетами придут, и с заточками. А Платон никаких полномочий с себя не складывал.

— Я попрошу на панихиде слова, — кивнул Платон. — Правда, еще не знаю, что скажу... Думаю, надо сказать о том, что создание Острова является нашей общей ошибкой. Вину за погибших людей я возьму на себя. На самом деле так оно и есть.

6

Перед тем как уйти в свою каюту, Платон отозвал Бориса:

— Мне тут приснился сон. Лемминги, целыми полчищами идут топиться. Ты же учился в Тимирязевке. Такое может быть?

— Нет! Это легенда, придуманная писателем Артуром Генри Ми. Происходит внезапная вспышка численности леммингов. Так называемые «волны жизни». Когда мышам нечем прокормиться, они начинают массовую миграцию в поисках пропитания. А топиться... Во-первых, они отлично плавают. Во-вторых, мыши начинают поедать потомство — сжирают своих малышей. Зачищают популяцию. Лемминги убийцы, а не самоубийцы.

— Как ты думаешь, зачем их разводят на Острове?

— Я не знаю точно, — пожал плечами Борис. — Скорее всего, пробуют запустить эффект бабочки... Слышал про такое? Взмах крыльев бабочки способен изменить жизнь не только человека, но и даже государства. Люди с мышами много чего натворили... Точно знаю про американца Джона Кэлхуна. Его эксперимент назывался «Вселенная-25». Он создал идеальные условия для жизни и размножения грызунов. Ни болезней, ни хищников, ни грязи... Еды и воды у них было вдоволь. Улучшение условий среды обитания, оказалось, вовсе не гарантирует процветания популяции. Мыши стали пожирать друг друга... Вымерли все! При достижении определенной плотности и заполнения всех социальных ролей в обществе возникает прослойка молодых изгоев, число которых постоянно растет. Мышинный рай построить невозможно. Рай становится адом.

— Может, у нас на Острове тоже ставят эксперимент?

— Нужно спросить Писокотя. Хелл тоже что-то знает. Или догадывается... Про крыс и мышей еще могу сказать. Они заранее чувствуют опас-

ность и массово покидают зоны гибели. Крысы, как люди, боятся щекотки и видят сны. Крысы видят сны! Прикинь?!

Платон в задумчивости отправился в каюту. Харитон ему с Ниной выделил из своего хозяйства старенький спальный мешок. Один на двоих. Тонкий и порядком затертый от долгого употребления. Вдвоем в спальнике было тесно. Платон подстелил на кровать свой бушлат и куртку Нины. Укрылись спальником, расстегнув замок-молнию. Свет не включали, хотя Рейзер снабдил их подобием настольной лампы — лампочка в патроне на алюминиевой самодельной подставке. В хозяйстве Харитона многое было сделано его руками. Кургузо, но надежно. За окном, затянутым куском полиэтилена, выл ветер. Крупа снега шуршала по пленке. Но в каюте было тепло. Самодельный нагреватель питался от аккумулятора, стоящего в коридоре. Двери не было, и спираль нагревателя светилась в темноте.

— Ты лучей не боишься? — спросила Нина.

— Каких еще лучей?

— Ну, когда ночью спишь, в комнате много лучей. Они возникают от работающего холодильника, сигнала на телевизоре, от разных гаджетов. И даже от часов на стиральной и посудомоечной машинах. Я эти огоньки стараюсь занавешивать простынями, одеждой, какими-нибудь лоскутами.

— Сейчас лучей нет, — засмеялся Платон. — А обогреватель мы не занавесим, иначе ковчег загорится.

Баржу он назвал ковчегом. Что, конечно, правильно. Ковчег прошлой жизни.

— Наверное, это осталось у тебя с детства — боязнь лучей, — заметил Платон, обнимая Нину.

— Мне кажется, что они подсматривают. А потом начинают нами управлять, — прошептала она и без перехода продолжила:

— Платон, давай уедем в Беларусь. Если ты действительно хочешь на мне жениться. И Ваньку ты полюбил, я же вижу. Шурика возьмем с собой.

— Давай еще хорошенько подумаем... Мы можем выкупить усадьбу в Колпаково и там жить. Денег у меня хватит. Ты будешь рисовать свои картины. Я — ходить за грибами и солить помидоры. Обязательно в бочке.

— Разве ты сможешь жить в деревне?

— Мне уже давно хочется жить в деревне.

Они уснули, крепко обнявшись...

Под утро сон оборвала настырная, как чеченская зурна, мелодия смартфона. Звонил Семен Прокопьевич:

— С Ванькой все в порядке. Дома. Лодку я не стал ставить в гараж. Сейчас направляюсь на Остров, за вами. Вам там без меня не справиться, само-так...

СЕЛФИ

1

Рано утром Платон подогрел воды на керосинке. Тщательно побрился, а умываться пошел к роднику. Здесь его нашел Борис.

— Ты в Бога веришь? — с ходу спросил Платон. — Мне сегодня сон приснился, про Бога. Он со мной разговаривал. Сказал, что встретимся. Но не скоро.

Борис внимательно посмотрел на него и усмехнулся:

— Слава Богу, хоть не про мышей... Значит, поживешь еще. Коли Бог обещает. Верить в Бога значит — не убивать людей. Он же один распоряжается жизнью человека. Мы безбожники, Платон!

Платон плескался, раздевшись по пояс. На груди его висел крестик, тоже на шнурке, как у Харитона. Борис прихлебывал из кружки кофе.

— Хотел с тобой откровенно поговорить, Платон... Нам нельзя идти на похороны. Там случится заварушка. Ее устроят ауешники. У меня есть такие сведения. Нас или схватят, или убьют на месте. Они расставляют снайперов.

Платон тем временем растирался полотенцем.

— Хорошо как! Знатный родничок! Все-таки Харитон жизнь любит... Скажу тебе, как другу, Борис. Вы на похороны можете не ходить. Я бы тоже не пошел. Кстати, Альбина предлагает переправить нас в Беларусь. Если я соглашусь, что это может значить? Только одно — что я скрылся от ответственности. Ты меня знаешь всю жизнь. Как я тебе в глаза смотреть буду? Тебе, Вите, Харитону и Нине. Семен Прокопьевич Перепелкин позвонил... Едет за нами на той же лодке. И еще. Я уже устал думать одно, говорить второе, делать третье. В Советском Союзе люди жили двулично. На кухнях слушали «Голос Америки» и анекдоты про Ленина рассказывали. А сейчас мы живем по-другому?

— Мы на войне, Платон. У нее свои законы.

— Да, на войне. Бог сказал мне: с ним селфи делать не надо. За любую плату.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что мы дошли до края... Ангел обиделся, что ребяташки с ним снялись, а чечены денег не заплатили.

— Он же актер. Это его работа.

— Я не хочу быть актером. Чтобы кукловоды дергали меня за ниточки.

— А что ты делаешь? Посмотрите, какой я смелый! Видите, пришел под ваши пули, я ничего не боюсь! Я — герой России! Извини — хвастун ты...

— Про героя не стоит, — надевая тельняшку, скривился Платон. — Не тебе решать. Завидно стало? Вместе ведь вмерзали в лед. Ты все пом-

нишь. И ты меня не разозлишь. Собрался уходить — уходи. С Прокопьем на лодке. Шурика не забудьте. Я на тебя не обижусь.

2

Платон достал из сумки костюм. Тот самый, в котором ходил на прием к Писокотю. Долго смотрел на орденские планки и на Звезду Героя. Звезду отстегнул и спрятал в аккуратную коробочку, обтянутую бархатом. Если ближайший друг попрекнул его высокой наградой, то что скажут сплавщики на площади? Вырядился как на парад! Потом повязал галстук и вышел к друзьям.

— Я бы посоветовал Звезду повесить на место, — сказал ему Харитон.

— Зачем? И так сойдет. Незачем выделяться.

— Ты не понимаешь, Платон Захарович! Бойцов пришел проводить не бывший комендант Платон, в Ведре Укутыш, которого вот-вот упрячут за решетку, а Герой России, полковник Акташев!

— Мысль верная, шеф! — согласился с ним Борис. — В Героя России не всякий осмелится выстрелить.

— В Платона могут стрелять? — встревоженно посмотрела на него Нина.

— Нет, Нина, — усмехнулся Борис, — его встретит хлебом и солью Истина Глаголева. В кокошнике!

Платон успокаивающе поднял руки:

— Братцы! Вы мне дороги. Вы не бросили меня и спасли. Сейчас я должен сказать, что вам не обязательно идти на похороны. На Острове скоро будет Семен Прокопьевич. Он на той же скоростной лодке. Через полчаса будете в Москве... Там можно спрятаться.

— Платон, коней на переправе не меняют, — перебил его Витя Аверин. Он уже держал в руке свой чемоданчик.

— Борис прав, — ответил Платон. — Мы не знаем, как отреагируют фаеры на мое появление. Альбина постаралась привлечь на свою сторону всех командиров. Мы в открытую воевали с ними и теперь многие думают, что я им враг.

— Платон, почему ты стесняешься? Надень награду, — побледнев, попросила Нина.

Платон достал Звезду. Он единственный не услышал, как Борис прошептал:

— К тому же Звезда Героя — яркая мишень. В ненастный день.

3

День, и правда, стоял ненастный. То налетал ветер с реки, и небо брызгало снежной крупой, вперемежку с дождем. То ветер рвал в клочья низкие

облака, и появлялось солнце в проталинах. Платон посмотрел на облака, и у него, как ни странно, поднялось настроение. Потому что все в его голове разложилось, наконец, по полочкам. Они остались живы, хотя, казалось, были уже на волосок от смерти. Ваню выручили из плена. Но самое главное — он решил остаться с Ниной. И ни в какую Белорусь они не поедут. Если его будут судить и дадут срок, то Нина его дождется. Платон знал, что именно так оно и будет, как знал и то, что его не расстреляют.

Группы фаеров двигались по «Керосинке». Все стекались к набережной, на площадь. На сцене стояли два гроба, обитых бардовым бархатом. Над ними распластала огромные крылья бабочка Когню. Так ее нарисовала Нина. На флагштоках приспущены знамена Острова. Рыжие — в цвет пламени.

Справа, в глубине сцены, стоял оркестр — духовые и ударные. Музыканты еще настраивались, а дирижер держал в руке камертон. Камертон всегда издает одну ноту — ля. Симфонический оркестр настраивается по габою. Его звук неизменен.

Платон и Борис остановились. Оркестр заиграл щемящую мелодию.

— Шопен, вальс номер десять, си-минор, — сказал Борис, — разыгрываются.

— А ты мог бы сейчас что-нибудь исполнить? — спросил Платон.

Борис несколько не удивился вопросу Платона:

— Не знаю. Давно не держал инструмент в руках.

— А говорят, что музыканты, как велосипедисты: если один раз проехал, то уже не разучишься. И пловцы также. Поплыл — не утонешь.

К ним подошел офицер в гражданском, из охраны, и сказал Платону, что с ним хочет переговорить Ангина Игоревна Пидарей.

— О чем? — пробормотал Платон, — уже, кажется, обо всем переговорили. Но решил не обострять и направился к ней.

В комнате Ангина была одна.

— Платон Захарович, вы подумали над моим предложением? Еще есть время.

— Альбина Игоревна! Вы разрешите мне выступить на панихиде?

— Боюсь, что граждане Острова нас неправильно поймут.

— Если я спрячусь в Белоруси, то граждане Острова меня поймут?

— Мы ждем приезда Писокотя Великолепного. Я с ним посоветуюсь.

4

Платон шел по площади, окруженный своими соратниками. Впереди шагали Борис и Витя «Профессор». Сзади — Хелл-Харитон и Семен Прокопьевич. Харитон шел без головного убора, в шинели болотного цвета. Се-

мен Прокопьевич в военной фуражке старого образца и в камуфляжной куртке. На груди его блестели медали, среди которых был и орден Красного Знамени — его давали за личную храбрость. Старик Перепелкин знал, как нужно выглядеть на похоронах. Нина повязала голову черным шарфом. У Бориса на шее болтался странный шнурок, напоминающий галстук. Платон не стал спрашивать, зачем он ему нужен. Нина шагала рядом с Платоном. Сжав губы, упрямо смотрела вперед, по сторонам не оглядывалась. Толпа фаеров расступалась перед ними, и сам собою образовался коридор, разделивший площадь на две равные части. У гробов на сцене менялся почетный караул. Стояли парни с черно-красными повязками и девушки в черно-красных банданах.

Платон и его команда поднялись на сцену и встали рядом с оркестром. Слева уже кучковались префекты Острова, лидеры сообществ и приглашенные почетные гости. Расстановкой руководила Истина Глаголева, начальница охраны Альбины Игоревны. Платон увидел Алабая Мечты, Буденовца Кардинала и Толика, Медного Упороса.

Вдруг все разом смолкло — был слышен лишь звук подлетающего вертолета. Вертолетная площадка располагалась недалеко от сцены. Винты гнали ветер, казалось, что черно-золотая бабочка Когню затрепетала крыльями. Вертолет приземлился на площадку, и из открывшейся двери вышел Писокоть в сопровождении десяти охранников в черной форме и с автоматами. Писокоть был одет в длиннополый сюртук, белая окаемка подворотничка подчеркивала строгость наряда. У лестницы на сцену его встречала Альбина Игоревна. Писокоть подошел к микрофону, стоящему на небольшой деревянной трибуне, на которой лежала охапка роз, поправил розы и сказал:

— Гражданскую панихиду объявляю открытой!

Потом он долго говорил о значении Острова в реалиях сегодняшнего дня, о том, что Вильгельмина и Сергей погибли не по своей вине, и что принято решение поставить им памятник. Закончил так же просто, как и начал:

— Виновные в смерти будут наказаны!

Дальше произошло то, чего никто не ожидал: Борис Животное без всякого приглашения направился к микрофону. Альбина делала решительные знаки охранницам, но Писокоть остановил ее и громко сказал в микрофон:

— Пусть покается перед народом!

Борис оглядел толпу и заговорил:

— Мне нечего сказать вам в свое оправдание. От моей руки пал ваш друг. Все, что я скажу, будет ненужным оправданием. Лучше я вам сыграю музыку, посвященную памяти Тревожникова. Послушайте...

У оркестра стояли на подставках три саксофона. Борис выбрал самый большой, золотистый, который назывался саксофон-баритон, и пристегнул

его к шнурку, висевшему у него на шее. Выходит, что он еще утром решил сыграть на саксофоне. Затем он что-то коротко сказал дирижеру. Тот кивнул и взмахнул палочкой. Начанали скрипки. Пьеса «Адажио Альбиниони»...

Музыка была написана для скрипичных инструментов и органа. Но органа на сцену не привезли. Да и вообще, есть ли на Острове орган? В мелодию вступил гобой, ее подхватил Борис, который вел партию органа, вел широко и мощно. На проигрышах менял инструменты — брал второй саксофон, третий... И каждый раз добавлял в звучащую музыку трагический оттенок. Конечно, пьеса создавалась композитором для проводов людей в другой мир, но Платон услышал в ней кроме печали много надежды. И себя увидел, шагающего по снежной дороге. Снег с неба сыпал щедро, и поземка уже переметала путь. Вдоль дороги стояли родственники Платона, друзья, его сослуживцы с Чукотки, зеки, с которыми он долбил шурфы в поселке Сусвнино, на Нижнем Амуре, а в конце ее Платон увидел родителей. Маму в шляпке, с вуалью на лице, и отца, одетого в строгий костюм. Родители Платона были учеными. В Сибирском отделении Академии наук, где разрабатывалось что-то, связанное с новым типом радиосигналов. Отец говорил, что мобильный телефон изобрели в его лаборатории. В конце девяностых годов прошлого века НИИ закрывались, наука разваливалась, и отца позвали читать лекции в Академию ФСБ. Он уже плохо ходил, и мать все время ездила с ним на лекции. Он был совершенно неприспособленным к жизни человеком. Не знал, сколько стоит молоко и хлеб, удивлялся коммунальным платежам. Но однажды привез Платону в подарок фонарик и сказал, улыбаясь: «В нем вечная батарейка!» «Гаснет детства смешной подарок, батарейка кончается в нем...» (Из стихов Вячеслава Куприянова). Фонарик отца не гас. Платону хотелось подойти к маме и сказать: «Зачем ты в шляпке? Ведь холодно очень! Вот теплая шаль — накинь на голову и на плечи...» Но он понимал, что образы родителей навеяны музыкой, и он никак не сможет уберечь маму от холода. Над площадью зазвучал финал «Адажио». Невидимая сила подкосила Бориса. Он припал на одно колено перед толпой, так и доиграл мелодию. Гул прокатился по площади.

Теперь к микрофону направился Платон. Ангелина хотела его остановить — знаковое мероприятие, которое она так тщательно готовила, явно пошло не по плану. Но Ангелину опять остановил Писокоть:

— Пусть выступает! Если начнутся беспорядки, то сработает «вариант два».

— Что за вариант?

— Их расстреляют из пулеметов и сожгут. «Солнцепеками». Площадь оцеплена нашими подразделениями...

Платон занял место на трибуне и начал говорить:

— Нас много, верующих... Покаяние, вот что важно. Грешник осознает свои грехи перед Богом и перед людьми. Покаяние помогает вырваться из плена. Оно должно быть искренним. Что лучше: жить в любви и в правде, или во лжи и злобе, в никому не нужной и опасной игре? Таков Остров, который мы создали сами. Человек гибнет, если он живет во зле и вынужден...

Закончить ему не дали. Писокоть достал белый платочек и вытер вспотевшую лысину. Неприметный мужичок в сером пиджаке, в кепке и в хромовых сапогах, крутившийся рядом, сдернул кепку и снова надел — подал знак. Это был вожак ауешников Жека, по прозвищу «Юджин». Платону говорили, что он откомандирован на Остров московскими ворами в законе. «Юджина» велели не трогать. Платон поймал себя на мысли, что вожак ауешников похож на морщинистого подростка-старичка.

Раздался хлопок — словно открыли бутылку шампанского, и у виска Платона просвистела пуля. От бордюра трибуны отлетели щепки. Они отлетали медленно, как в замедленных кадрах кино. Борис, а следом Семен Прокопьевич бросились к трибуне и повалили Платона на брусчатку. Раздались еще два хлопка. Платон почувствовал, как тела Бориса и Перепелкина обмякли. Он еле выбрался из-под них и вскочил на ноги. Выглянуло солнце в просвете туч, и Звезда Героя пустила лучик. Раздался четвертый выстрел. Пуля попала чуть выше сердца. Платон упал, обливаясь кровью. Альбина, Толик, Медный Упорос, Харитон и Витя Аверин бросились к нему. Заплакал и забился в падучей Шурик. Нина сдернула с головы косынку и подсовывала ее, скомканную, под полу пиджака Платона, где на рубашке расплывалось кровавое пятно. Она приникла ухом к его груди и услышала, как Платон шепчет: «Но что ему святая цель, когда пробитая шинель от выстрела дымится на спине...» Нина тогда не знала, чья это строчка. Да и автор не знал. Только много дней и ночей позже он нашел стихотворение Александра Галицкого «Предательство». И еще одно, важное. Память Платона ошиблась. У Галицкого не «что ему», а — «что тебе». Мы простим его ошибку.

Шурика вынес на руках со сцены Харитон...

Площадь забурлила и взорвалась. Два ее крыла, разделенные коридором, бросились друг на друга. Кастеты и биты, припасенные заранее, пошли в дело. Пока еще никто не стрелял, но несколько человек с пробитыми головами повалились на брусчатку. Дрались стенка на стенку. Защитники Платона пошли на сторонников Альбины.

Альбина схватила микрофон:

— Что вы делаете?! Остановитесь! Вас только что призвали покаяться и простить друг друга! Дайте по-человечески похоронить людей!

Катафалк, на котором лежали Сырок и Вильгельмина, укатили за сцену.

Писокоть, окруженный спецназовцами, быстрым шагом направился к вертолетной площадке. Винты набирали обороты. Через пару минут вертолет набычился и ушел в небо. Перед тем как скрыться в кабине, Писокоть еще раз достал платок и дважды махнул им.

Ударили «Солнцепеки» и пулеметы.

Альбина закричала:

— Подгоните кареты «Скорой помощи»!

Оказалось, что их не предусмотрели. Но зато со стороны «Керосинки» шли грузовики с кузовами, крытыми брезентом. В них грузили тела расстрелянных фаеров...

6

В сумке Платона нашлись бинты и лекарства, Жгуты, шприцы и пластыри. Кровь остановили, и через какое-то время Платон пришел в сознание. Альбина помогала Нине бинтовать Платону плечо и грудь. Пиджак и сорочку разрезали, руку при перевязке пришлось приподнять, и Альбина увидела татуировку. Она, конечно, сразу догадалась, что значат цифры, наколотые с внутренней стороны предплечья Платона. Отойдя, Альбина тут же продиктовала по телефону код включения горелок. Через несколько минут по протокам Острова побежали огоньки. На центральном канале пламя загудело сильно и ровно. Платон чуть слышно прошептал:

— А говорила, что айтишники перекодируют... нейросети... Все врет. Вот и верь после этого людям. Как там Борис и Перепелкин?

— Молчи, — взмолилась Нина, — тебе нельзя разговаривать! Борю и Семена Прокопьевича увезли сразу. Я не знаю, что с ними.

К Вите подошла Альбина:

— У него пуля застряла над сердцем. Кажется, задет позвоночник. Я работала медицинской сестрой. Нужна операция. Он может умереть от потери крови. Я вызвала вертолет. Его нужно срочно доставить в госпиталь.

— Уже не успеем. Лучше найдите мне квадроцикл. И пусть добудут какое-нибудь корыто типа лодки, чтобы Платона не трясло на ухабах.

— Куда ты собрался его везти?

— На станцию Тесла. Я узнал секрет оживления человека с помощью электрического тока.

— Ты, вроде бы, ученый, а веришь в чушь, придуманную малолетками.

— Посмотрим... На станцию мы успеем. Видишь, он теряет сознание и снова приходит в себя, значит, шанс есть. Отправь в больницу Бориса и Перепелкина.

— Мне передали, что они скончались по дороге в госпиталь.

7

Квадроцикл пригнал Толик, Медный Упорос. Он же достал у фаеров легкий каяк из пластика, с высокими бортами. С самого начала побоища Толик не отходил от Платона. Помогал перевязывать, укладывал в лодку. Под голову подложили бушлат, понадобилось что-то мягкое, чтобы постелить на дно. Толик сорвал полотнище задника сцены и свернул его. Получилось удобное ложе. Бабочка Когню, нарисованная Ниной, укрыла Платона своими крыльями.

— Не знал Платон, на какой сплав мы его соберем. Может, на последний... — покачал седой головой Харитон.

— Не каркай, старик! — одернул его Толик. — И так многое сбылось из того, что ты предсказывал.

В лодку к Платону сели с двух сторон Нина и Пидарей. Альбина держала наготове одноразовые шприцы и ампулу стимулирующего препарата. Нина поддерживала голову Платона. Она заметила, что планка, к которой крепилась Звезда Героя, погнулась. Кажется, пуля ее задела. Можно сказать, награда спасла Платона — пуля изменила свою траекторию. Нина отстегнула звезду, оттерла кровь и спрятала на груди.. Платон уже бредил.

— Шурка... Его нельзя бросать.... — бредил Платон. — Пусть Перепелкин заберет его. Карл, старина! У тебя вкусная водка... Налей! Ты не думай... Я оплачу все потери. Мама совсем замерзла... Нина, дай ей мой бушлат. А Ваньку я в «Легион» не отдам! Кто я тебе, муж или не муж?

Иногда сознание возвращалось к нему. Нина гладила лицо Платона, плакала и шептала: «Муж ты мне, муж... Только не умирай, Платон!»

Альбина сделала Платону еще один укол. Он же думал о чем-то постороннем, никак не связанным с происходящим и с его болью. Проснувшись на улице Народного Ополчения в квартире у Перепелкиных, Платон разглядывал обои на кухне. И начал замечать в контурах рисунка лилий на обоях лица людей, чьи-то фигурки. Проступали глаза, губы и даже профили женщин с прическами-башнями. Такую способность видеть странности на стене он отнес к своей пошатнувшейся за последние дни психике. Царевич Валтасар увидел пророческую надпись. Она проступила на

стене. А он увидел гномов, троллей и принцесс и рассказал Харитону, который все знал.

Тот ненадолго задумался и ответил:

— Многие люди рассматривают обои. А еще ткани и ковры с рисунками. И читают в переплетении узоров лица и фигуры. У детей даже такая игра есть. Платон Захарович, а ты когда-нибудь думаешь про Римскую империю?

Платон тут же вспомнил. Да чуть ли не каждый день он думает про Римскую империю. Зачем — не понятно.

— Исследования социологов подтверждают: большинство мужчин хотя бы один раз в неделю думают про Рим, — пояснил Харитон, — и пытаются ответить на вопрос, почему он распался. Зачем они вспоминают Рим? Тысячи мужчин на земле!..

«И как непохожи люди друг на друга! — подумал Платон. — Они совсем не такие, какими нам кажутся. Нинка, походно-полевая жена сплавщиков, на самом деле заботливая мать и талантливая художница. Сырок ловил бабочек. Альбина хочет меня спрятать. Харитон Ремизов, напоминающий ушибленного фашиста, собирает на барже выброшенные книги. Борис Животное, не случайно получивший свой говорящий ник, играет на саксофоне... А сам он? Смотрит детские мультфильмы и напевает песенки туристов...»

Погода окончательно испортилась. Пошел снег вперемежку с дождем. Платон забылся коротким сном. Ничего символического, вроде дороги на Голгофу или встречи с давно умершими родителями, ему на этот раз не приснилось. Снился мультик из детства «В синем море, в белой пене...» Как там слова-то про мальчика, которого просят остаться короли? «Если хочешь быть богатым, если хочешь быть счастливым...» Песенку в фильме напевает губастая дочка морского царя. Фильм идет не больше десяти минут. Платона всегда удивляло, как художники могли точно угадывать будущее? Кто знал, что накаченные силиконом губы дочери морского царя через много лет превратятся в ККК?..

8

СОН ПЛАТОНА

В руках Платона кувшин, из которого он выпустил властелина моря.

Властелин лицом похож на Писокотя. Но одет не в длинный черный сюртук, в каком приезжал на похороны, а в восточный расписной халат с узо-

рами на груди и на спине. На лысой голове вместо тюрбана — обруч короны. Приглядывается к халату Платон и в линиях узора читает контуры бабочки Когню. Рядом с Писокотем Альбина Игоревна Пидарей. Она дочка короля. Только силиконом у нее накачаны не губы, как в кино, а груди. Кудряшки волос похожи на морскую капусту. Сундуки с богатством обещает Платону Писокоть. В благодарность Платон должен жениться на его дочке. Платон объясняет: «Я уже Нине обещал, Перепелкиной. Мы собрались венчаться. Возле деревни Колпаково, под Александровом, мы возрождаем старинную усадьбу». Рядом с Альбиной — во сне она рыба, вместо ног у нее хвост, как у русалки — плавают другие рыбки — охранницы Альбины. Альбина выпячивает груди и говорит: «Мой отец, Писокоть, свое слово держит!» Она машет рукой, командует, и помощницы волокут сундуки. Одна из рыбок неловко задевает хвостом подводный камень, и из глубины сундука выплывают слова «Мене, мене, текел, фарес». Они повисают в толще изумрудной воды. Вот в чем тут дело! — начинает понимать Платон. Писокоть стал царем Валтасаром, про которого рассказывал Хелл Рейзер. Валтасар напился на пиру, пошел проветриться, а потом постучал в ворота. Но его не пустили. Стража убила Валтасара, потому что он сам распорядился: «Никого не пускать! Даже, если назовется царем». Потом они все, и морской царь, и его дочка Альбина, и Платон выныривают и оказываются в лодке, возле Острова. В руках Платона кувшин, из которого он освободил Писокотю. Остров пылает. Платон видит, как два аиста стоят у берега. Те самые аисты, в гнезде которых Борис спрятал деньги. А потом гнездо взрывается. Оно горит вместе с деньгами. «Почему они не улетают? — думает Платон, — ведь аисты — перелетные птицы». Он спрашивает у Нины: «Почему здесь аисты? Ты их видишь?..» «Они, наверное, перепутали лето и осень... Им не хочется улетать в теплые края. Но ты не переживай, они обязательно улетят. Ты обязательно увидишь летящих аистов...»

Теперь все происходит уже не во сне, а наяву. Платон лежит у пульта управления станцией Тесла и краем глаза видит, как Витя Аверин колдует над пультом станции. Он включает рычажки и кнопки. Мачты начинают искрить и гудеть. Их раскачивает сильный ветер. Витя присоединяет клеммы и хомуты-наручники к рукам Платона, и он закрывает глаза.

Налетает очередной порыв ветра. Он бросает на Остров заряд снега и блестящего, словно покрытого слюдой, дождя. Гаснут берега каналов Острова «Багрец». На лицо Платона падает снег. Глазницы забивает снежной крупой, и Шурик сметает ее варежкой с лица Платона, приговаривая: — Ты глаз-то не закрывай, дядя Платон! Не закрывай!

Витя — «Профессор» подносит электроды к груди Платона. Платон через полуприкрытые веки видит, что по небу летит клин журавлей. Он летит над Мневниками, над Карамышевской набережной, над Серебряным Бором. Аисты на Острове замечают улетающий клин. Аисты начинают беспокоиться, суетятся, бегают по берегу и машут крыльями. Наконец они делают круг над Островом и летят за журавлями... «Если хочешь быть богатым, если хочешь быть счастливым, оставайся, мальчик с нами, будешь нашим королем!» — вспоминает Платон. Ему легко и спокойно. Он хочет остаться. Делает усилие и целует руку Нины. Потом закрывает глаза. Снег уже не тает в глазницах Платона.

Мальчик Шурик плачет и скулит, как побитая собачонка.

Альбина звонит по телефону Писокотю...

ЛЕЛЕКАЙ

1

...как говорит профессор Аверин Виктор Аркадьевич — память пунктирна. То есть она прерывиста. Но она поддается восстановлению. Виктор Аркадьевич читает нам квантовую психологию. Квантовая психология изучает процессы осознания человека и управления своей жизнью, шаблоны поведения, самооценки... Короче, ничего и никого одинакового в мире не существует.

Но зато в хаосе рождается закономерность.

Каждую пятницу я еду на Арбат. В любую погоду. Когда-то Арбат напоминал мне мамин пирог с яблоками. Называется «шарлотка». А сейчас он похож на торт. Свою маму я не помню. А из всех тортов более других люблю «Наполеон». На Арбате много музыкантов. Здесь и гитаристы, и скрипачи. Красивые девушки играют на перламутровых аккордеонах. Десять регистров. Вот бы научиться! Еще здесь рисуют шаржи и делают селфи с сонным попугаем. Есть свой Ангел в хитоне и с облезлыми крыльями за спиной. За фотографию с ним Ангел берет на сто рублей больше, чем, скажем, берет за фотографию с попугаем. У подъезда театра Вахтангова стоит столик с табличкой «Х. Рейзер. Карты Таро». За столиком сидит старик в шинели зеленого цвета. Совсем старый. Седые лохмы падают на плечи. Иногда он засыпает на своем стульчике. Я зову его по привычке Хелл. Хотя, на самом деле, его зовут Харитоном Сергеевичем Ремизовым.

— Привет, старина Хелл!

— Привет, Шурик! Написал сказку про бабочку, летящую на огонь?

— Да почти что закончил. Но все никак не могу придумать фамилии вместо наших, подлинных...

— А ты пиши, как есть, может, разрешат напечатать.

— Кто разрешит?

— Да сам президент, Алабай Мечты, и разрешит! Песик с тобой? Можно, я покормлю его колбаской? Да не бойся — колбаса диетическая, докторская. Не отравится твой медиум.

Рядом со мной бегают шпиц. У него бесхитростная кличка Снежок. Он белой масти и очень умный. Чтоб вы знали, медиум — это тот, кто устанавливает связь между физическим и духовным. А у шпицев не шерсть, а волосы. У Снежка белые волосы. А я и есть тот пацаненок Шурик, лунтик из психбольницы, который сидел у Платона на коленях и пускал слюнку, а потом валился в падучей. Врачи называют нашу болезнь эпилепсией, но на самом деле уже доказано, что эпилепсия не болезнь, просто другое состояние организма. Эпилепсия, между прочим, бывает у кошек, собак и мышей. Главное в эпилепсии — транс и галлюцинации. Платон мне сказал: «Ничего не бойся, Шурик! Мы с тетенькой заберем тебя из больницы. Даже если не найдется твоя мама!» Мама, конечно, не нашлась. Хелл меня воспитывал в интернате. А потом, уже в колледже, Виктор Аркадьевич Аверин. Тот самый — прозвище «Профессор». Первый в Москве колледж, куда отбирали детей-лунтиков, называется ККК. Колледж Квантовой Кибернетики. Мы умеем впадать в транс. В колледже есть лаборатория для мышей, собак и кошек. Что интересно: мышей — леммингов, собак — шпицев и кошек — симплов (это новая порода) содержат вместе. И никто не жрет друг друга. В основном для опытов брали шпицев.

Снежок закончил колледж вместе со мной. С тех пор мы не расстаемся.

— Что у тебя нового, Хелл?

— О! Майн гот! Хенде хох! Гитлер капут! Приходили гонцы от олигарха. Ты его знаешь. Фамилия Кардиналов, Буден Семенович. Обещали хорошие деньги. Но нужно ехать в Серебряный Бор. Ты же знаешь, меня «крышует» Ангина. Она мне голову оторвет за Серебряный Бор.

Ангина Игоревна служит начальником Арбатской администрации. Она что сказала — сделает обязательно. Да и место у театра хлебное. Не надо никуда ехать старику. Хелл на Острове был реконструктором. И покупал себе только хабар, подлинные вещи времени. А потом он преподавал у нас историю, в школе № 1951 в Мневниках — Школа-интернат для «солнечных» детей. Хелл как-то быстро состарился и сказал директору интерната Медянникову: «Анатолий Петрович! Стар я стал совсем, памяти нет — Бородинскую битву путаю со вторым коклацким побоищем под Авдеевкой... Отпусти ты меня!» Медянников Харитона отпускать не хотел, но Хелл тогда увлекся предсказанием судеб — картами Таро. Мы со шпицем ему немного помогали.

— Ты бы поторопился со своей бабочкой, — говорит Хелл-Харитон, — я тут встречался с Альбиной, она обещала замолвить словечко в театре.

Ангину теперь зовут только Альбиной Игоревной, фамилия Фидарей. Театр в сфере ее влияния. Альбине на Арбате подвластно если не все, то многое.

Мы с Хеллом-Харитоном вглядываемся в сумраки Арбата и видим, как из-за памятника Пушкину и Гончаровой, совершенно не похожими на себя, рыжая женщина выкатывает инвалидную коляску. На коляске сидит мужчина в серо-стальной шинели. Но погонов на его плечах не различишь, потому что плечи и колени укутаны клетчатым пледом. Настоящий Укутыш. Он осторожно машет нам рукой. У него поврежден позвоночник. Платон был полковником и комендантом. После ранения в нем проснулись другие способности: он беседует со Снежком на неизвестном для нас языке.

Хелл сворачивает свое хозяйство, мы допиваем кофе, и гурьбой направляемся в кафе «У папы Карла». Снежок сразу прыгает на колени к Платону и прячется под пледом. Зябко осенью на Арбате. Мы шагаем мимо гипсовой скульптуры пятнистой коровы у кафе «Му-му», мимо лавки с букинистической рухлядью. Я здесь как-то купил скульптурку морского царя из старого детского мультфильма «В синем море, в белой пене». Платон увидел, замычал и замахал руками. — Платон, не волнуйся ты так! — сказала Нина. — Шурик отдаст тебе фигурку. Шурик, ведь отдашь же? Тебе ведь не жалко, Шурик?

2

«В жизни прежней и в жизни новой навсегда, до конца пути, мальчик с дудочкой тростниковой, постарайся меня спасти!» Теперь я тоже знаю стихи поэтов прошлого века. Платон забрал меня из страшной больницы. А его друзья, Хелл и Виктор Аркадьевич, определили всю мою дальнейшую жизнь, солнечную. Как мне не отдать Платону фигурку морского царя в синем халате, расшитом звездами? Кроме психологии мы изучаем в колледже много чего другого. Квантовую телепортацию, например. «Солнечные» дети особенные. В конце века их взялись изучать по-настоящему. А так нас всегда считали... Ну, если не уродами, то придурками — точно. Некоторые, правда, жалели. Из таких добрых людей и сформировали первый штат интерната.

Приходит Альбина Игоревна Фидарей. Она чем-то недовольна:

— Платон, предупредил бы заранее, накрыли бы поляну в «Праге», в отдельном кабинете. Ты же знаешь — с директором у меня все ажур-тужюр. Директором ресторана «Прага» и, по совместительству, председателем на-

шего небольшого сообщества, работает наш старинный знакомец Валтасар Валтасарович Мечтагалиев. Он родом с Кавказа. Мы его зовем по привычке Алабай Мечты.

— Не забудьте Шурику заказать «Наполеон» — напоминает Альбина, — а Платону анисовой водки...

Платон берет Альбину за руку и что-то мычит. Нина вытирает чистым платочком уголки губ Платона. Хелл бормочет про огненные буквы над Островом. Альбина останавливает его:

— Какой Остров, Харитон Сергеевич? Фантазии «солнечного мальчика Шурика! И загадочные сны парализованного Платона. Квантовые инсталляции, трансы и галлюцинации... Бабочка, летящая к огню. Давайте... Первый тост за Перепелкина Семена Прокопьевича!

Из бутылки она наливает каждому по рюмке. Мне тоже наливает. Профессор делает строгие глаза. Он считает, что в России гениев губит алкоголь. Хорошо бы еще узнать, гений ты или обыкновенный физик.

Дед Перепелкин и дядя Борис Животное не вернулись из нашего коллективного поморока. Они остались лежать на площади фаеров. Потом в крематорий увезли не два, а четыре гроба. Я все видел. Я увязался за Платоном и Ниной от самой больницы и не отставал от них ни на шаг. И документы, которые читал Платон, хранятся у меня в папочке...

Виктор Аркадьевич поднес к груди Платона электроды. Взрывом нас разбросало в разные стороны. Через несколько лет я спросил Хелла:

— Разве так бывает?

Хелл пожал плечами:

— Знаешь, кто самые древние люди в России? Юкагиры. Они себя называют народом мерзлоты. Исчисление ведут с каменного века... А теперь прикинь! Сидит под Рязанью Серега-айтишник, никого не трогает. И тут в Серегу попадает молния! Ну, не в него, может, где-то рядом, в яблоню... И Серега сразу вспоминает на языке древних юкагиров колыбельную песенку, которую ему пела бабка Акулина, которая дальше Рязани нигде не была. Потом Серега служил на Острове. Его фамилия Тревожников. А песенке тысяча лет. Вот послушай:

Бэйу, бэйу бэй йу ку,

Уольэ танда, уольэ танда инрукатэй...

Я показываю Хеллу сообщение из «Вечерней Москвы». Какому-то пациенту-американцу с помощью Neuralink успешно имплантировали чип. Результаты показали «многообещающее обнаружение нейронных спайков». Имплант позволит человеку управлять цифровыми устройствами

силой своей мысли. Платон слышит нас и понимающе мычит. К ночи кафе наполняется людьми, и Платон подбирается. Он перестает гримасничать, мычать и пускать слюни. Нина вывозит его на коляске в центр зала, ближе к бару. Колени Платона укрыты пледом. Он в чистой тельняшке, но без берета. Никаких наград. Он такой, как есть. Со шрамом от пули на груди, там, где носят ордена и медали, то есть слева. Шрама мы не видим, но знаем о нем. Аккомпанирует ему на гитаре Нина, иногда их сын, Ваня. Он учится в Архитектурном и тоже часто вместе с нами приходит на Арбат. Мы с Иваном дружим.

Поет Платон негромко, даже не песни, а какой-то речитатив. Я не знаю языка, на котором он поет. И никто не знает. Но многие понимают, о чем он поет, и начинают плакать. Я пробовал расшифровывать песни Платона. Набор слов. Иногда одна и та же фраза, повторяющаяся много раз: «Словно в речке вода, жизнь текла и ее не вернуть никогда. Словно в речке вода. Никогда, никогда...» Профессор сказал мне, что Платон — чалдон, знает язык эвенов, чукчей и эскимосов. Да и сам он родом из тех мест. В общежитии института Народов Севера я отыскал одного студента и уговорил его послушать песни Платона. Пришлось Колю Лелекаю везти из Питера в Москву. Так зовут то ли чукчу, то ли эскимоса — Коля Лелекай. Коля изучает биомеханику и записывает сказки арктических народов. Он говорит, что чукчи и эскимосы давно перемешались, и только он один остался, настоящий эскимос.

Платон Коле обрадовался, как родному брату. Они даже потерлись носами. У чукчей и эскимосов так целуются — обнюхивают друг друга. Потом они положили руки на плечи друг другу и запели вместе. Лелекай объявил:

— Нужно всем обняться и петь про снег. У эскимосов «апут» — снег, лежащий на земле. «Куаник» — падающий снег. Но есть еще «акилокок» — мягко падающий снег, «пигнарток» — снежный покров, удобный для нарт, «пиксирпок» — метель. И «кимуксук» — поземка... Всего оттенков снега пятьдесят. А, может, сто. Их нужно знать, чтобы подпевать Платону. Пойте пока одну строчку. Запомните: акилокок — пигнарток, пиксирпок — кимуксук. Куаник-куаник — апут! Запомнили?

Интересно, шпиц Снежок волнуется и подвывает, словно поют про него. В перерывах между песнями Коля и Платон братаются. Знакомым им способом. Нина убирает рюмки и что-то строго выговаривает Платону.

Хелл-Харитон слушает наш с Колей разговор и замечает:

— У американцев и англичан снег — сноу. У немцев — шни. У японцев — юки. У монголов знаешь, как будет снег? Цас! А у эскимосов — кимиксук, апут, куаник, пиксирпок и пигнарток! И вот этих людей мы учим красоте мира и радугам природы. И открываем им свободу и демократию.

Харитон всегда был отчасти философом.

Он спрашивает у Лелекая, как переводится его фамилия.

Коля смеется:

— Лелекай означает маленький детородный орган. Проще говоря — маленький членчик. У северян очень много красивых и звучных фамилий.

Мы соглашаемся. Да, очень много красивых и звучных фамилий. Особенно звучных. Коля Лелекай, лысенький и скуластый, с большой головкой и оттопыренными розовыми ушами, соответствует своей фамилии. Его это нисколько не напрягает, а нас тем более. Мы встаем кругом, обнимаемся и поем про снег. Кимиксук, апут, куаник, пиксирпок и пигнарток! Хелл-Харитон, подперев голову и затягиваясь дымком сигареты, говорит:

— А ведь прекрасно... Ле-ле-кай!

Он считает, что Платон, давно уже создает свою религию.

Я ставлю на край стола полную рюмку. В ней жидкость белого цвета, похожая на молоко. Ко мне на колени прыгает шпиц. Взглядом мы двигаем рюмку к Платону. Здесь у нас полное алиби. Мы выполняем домашнее задание по перемещению предметов в пространстве. Квантовая телепортация. Платон внимательно следит, и видно, что он одобряет наши упражнения. Когда рюмка должна опрокинуться, оказавшись в пяти миллиметрах от края стола, он ее ловко подхватывает. Шпиц звонко и радостно лает — он доволен результатом. Платон улыбается и шепчет одними губами: «Остаюсь, ребята, с вами. Буду вашим королем!» Никто, конечно, ничего не понимает. Но я-то точно знаю, что говорит Платон. Речь возвращается к нему. А в рюмке налита и разбавлена водой мастика. Она остро пахнет анисом. Запах, знакомый мне с детства.

Но главное, все-таки, не пропустить взмаха крыльев бабочки...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Что касается прожорливых леммингов и нейросетей, приблизившихся вплотную к человеку. Мы не станем оспаривать здесь гипотезу профессора Чжэ-Си Ло, доказавшего, что наиболее близкое к человеку существо по генетическому коду — крыса, и что есть поразительное сходство в устройстве скелетов человека и грызуна. Должны пройти миллионы лет, чтобы лемминг, спасаясь от хищников и от огня, полез на дерево, потом выпрямился и двинулся на задних лапах. А нейросеть, и правда, выключается человеком. Одним нажатием клавиши.

Или даже кнопки, замаскированной в картине Шишкина.... □

Даша Кобышева — начинающая молодая актриса. Однако на счету у нее уже около 30 ролей в театре и кино. Впервые я увидела ее во время обучения в ГИТИСе, и ее игра произвела на меня неизгладимое впечатление — точное, органичное попадание в роль, образ. Работа, сделанная очень талантливо, причем, настолько, что вспоминаешь ее и через годы. А потом мы уже «встретились» с ней не на театральных подмостках, а на экранах кино и телевидения. За ее плечами яркие роли в фильмах: «Седьмая симфония», «Триггер», «Праведник», «Кунгур», «Елки-8», «Моя звезда», «Женская версия», «Свет», «Фрау», «Новый Берлин» и других. Сейчас в работе картины «Столыпин», «Павел. Первый и последний», «Дети перемен».

И какая была радость побеседовать с Дашей теперь, ведь она — не только замечательная актриса, но и удивительно чуткий, глубокий и умный собеседник.

Дарья Кобышева

«Для меня самое главное в искусстве — возможность творить»

— По твоему признанию, в детстве ты занималась всем, чем только можно: теннисом, вокалом, шахматами, народными танцами, скрипкой, театром... Что-то из детских увлечений пригодилось во взрослой жизни, в профессии?

— Да, конечно, пригодилось. Например, в театре «Мастерская Петра

Фоменко», где я работаю, я играю в мюзикле «Завещание Чарльза Адамса», чувствую себя довольно свободно благодаря тому, что в детстве занималась вокалом и в моем «чемоданчике возможностей» есть навык — владение голосом. Благодаря скрипке, например, у меня развит музыкальный слух. А это делает тебя как артиста более чутким

к поэзии, например. Потому что она тоже музыка.

— К слову, о скрипке. Ты окончила музыкальную школу по

этому струнному инструменту, и это помогло тебе в работе над ролью скрипачки в исторической драме Александра Котта «Седьмая симфония». А какое

впечатление произвела на тебя музыка Шостаковича и судьба героев, описанных в киноленте?

— Довольно сильное. Я очень люблю эту работу. Уже сама идея — победа музыки над смертью — прекрасная, красивая, да, пусть и довольно романтичная, — близка мне. Седьмую симфонию Шостаковича считаю гениальной. Время от времени просто беру и переслушиваю ее. Она стала родной, потому что когда слушаю ее, перед глазами встают очень конкретные воспоминания: как мы снимали в филармонии финальные сцены; а вот Туся (так зовут скрипачку, которую я играю) выходит из бомбоубежища и видит последствия воздушного налета. И те образы, картины — жесткие, драматичные, которые я видела, когда читала «Блокадный дневник» Адамовича и Гранина. Как будто эта музыка уже не абстрактная, а очень конкретная, осязаемая. А «родной» она стала еще и потому, что съемочный процесс был пронизан любовью: прекрасные партнеры, режиссер, оператор — все люди на площадке. И это чувство любви навсегда теперь соединено для меня с «Седьмой симфонией».

— У тебя есть сестра-двойняшка София. Чем занимается она, насколько вы похожи внутренне?

— Совсем не похожи. Соня — ученый, занимается физикой. Сейчас работает в лаборатории в Манчестере (Англия). А до этого — в Швейца-

рии и Израиле. Что конкретно она делает — не скажу. Просто потому, что это настолько далеко от меня и непонятно, что каждый раз, когда она пытается мне объяснить, чем же она все-таки занимается, мой мозг ломается на втором ее предложении. Внутренне мы довольно похожи. Обе упрямые, любим отстаивать свою точку зрения, обожаем свою работу и не умеем отдыхать.

— Как ты готовишься к роли?

— Для меня это всегда непростой процесс. Каждый раз я завожу новую тетрадь. А дальше начинается

самое сложное — открываешь белый лист и надо что-то написать, как-то начать разматывать этот клубок. С какой стороны подойти? Как подтолкнуть свой разум, свои чувства? Еще я обычно читаю книги, связанные с той темой, которую ведет персонаж, или книги, которые помогают окунуться в эпоху, если материал исторический. Хожу, размышляю, периодически делаю какие-то зарисовки в тетрадке. И постепенно что-то начинает возникать. Вырастать. Формироваться.

— Даша, одно из самых первых моих впечатлений от твоей актерской работы — участие в фестивале по Шекспиру в ГИТИСе, а потом ты еще играла мужские роли?..

— Если говорить про «Гамлета» в ГИТИСе, то это была история не про мальчика, не про мужчину, а про подростка. И это была не пьеса целиком, а только отрывок. Отрывок про то, как у человека в 13–14 лет рушится мир. И про непростые отношения с родителями. А это проходят все, вне зависимости от пола. Если

говорить про фильм «Фрау», про роль Коляна, то она там девушка, которой просто комфортнее общаться с парнями, потому что ей, так же, как главному герою Ване, нравится ездить на рыбалку, ходить в походы. Мне, например, тоже всегда проще было общаться с ребятами, чем с девочками.

— Раз уж мы заговорили о театральном вузе, расскажи, пожалуйста, чем запомнилось обучение в ГИТИСе?

— ГИТИС запомнился любовью, которой ты там окружен. Это были самые прекрасные четыре года жизни. Выпускаясь, ты понимаешь, что ничего лучше, скорее всего, никогда не будет. Но это были и очень сложные четыре года. Невероятно сложные. Потому что ты познаешь не только профессию, ты и себя познаешь. Как бы своим внутренним чутьем, может, даже и ошибками создаешь свою собственную школу.

И эти четыре года — самые важные. Потому что закладывается фундамент. И я могу сказать, что у меня были самые прекрасные учителя, которым я очень благодарна: Олег Львович Кудряшов, Светлана Васильевна Землякова, Екатерина Геннадьевна Гранитова и другие.

— Что для тебя сложнее как для актрисы — театр или все же кино?

— Наверное, для меня пока сложнее кино. Например, каждый раз пе-

ред сменами в кино я очень плохо сплю, точнее, вообще не сплю, потому что очень волнуюсь. В голове сидит мысль: «А вдруг не получится?» В кино ведь как — как сыграл, так и будет, возможности переделать уже не представится. В театре, например, такая возможность есть. От спектакля к спектаклю можно уточнять сцену, по-разному сговариваться с партнером: «А давай сегодня попробуем сыграть так про это...»

— Расскажи, пожалуйста, как проходили съемки в военной

драме Сергея Урсуляка «Праведник», где ты появилась в образе еврейской девушки Дины.

— Работалось легко. Сергей Владимирович — прекрасный режиссер. Партнеры — тоже. Просто побыть с ними в одном кадре — уже счастье. Вообще, когда точно подобраны актеры, точная атмосфера в кадре, у тебя как у артиста создается ощущение, будто не надо ничего делать, все происходит как бы само собой. Очень органично.

— Ты как-то сказала: «Считаю, что самое страшное для актера — утвердиться в собственном таланте и перестать развиваться». А что лично для тебя является развитием?

— Работа над собой как личностью.

— Хорошо, тогда что для тебя самое главное в искусстве вообще и конкретно в актерском мастерстве?

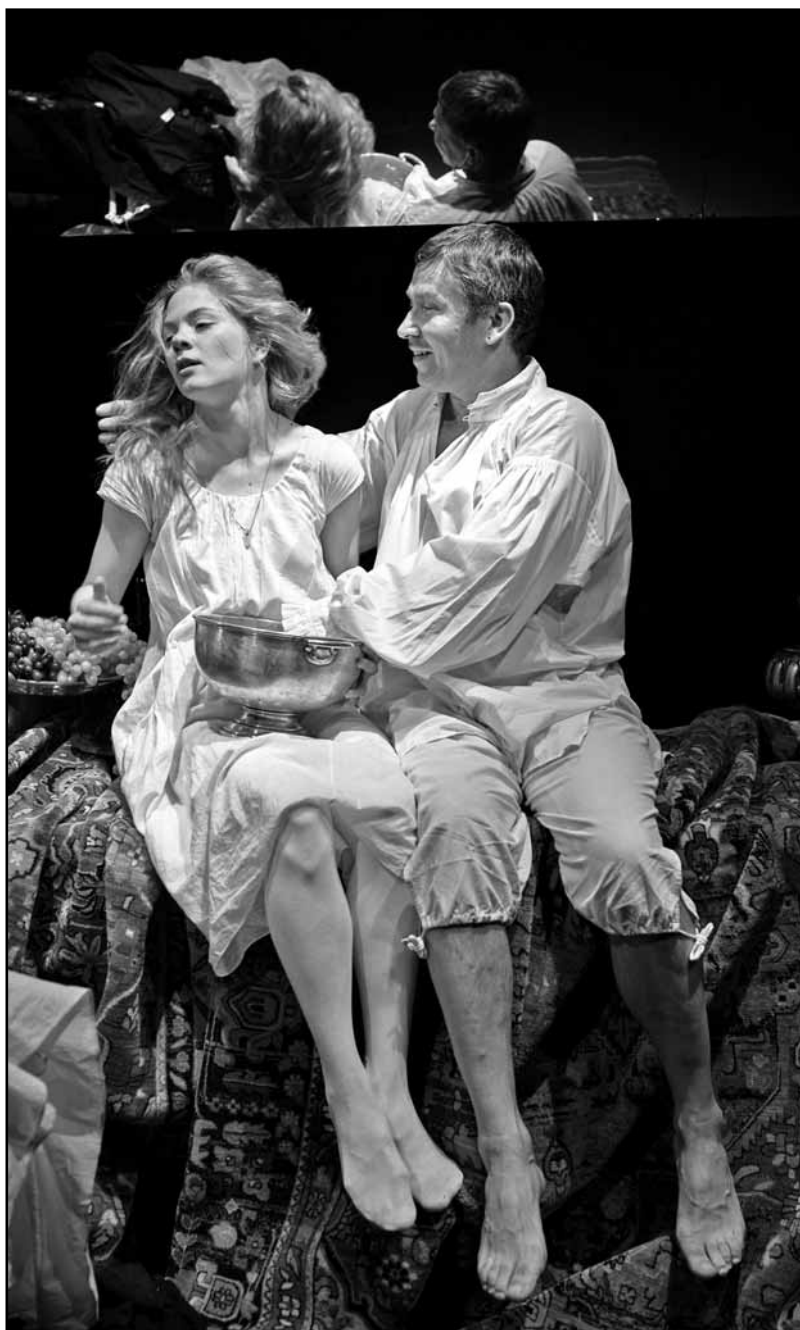
— Ответу, может, довольно банально, но для меня самое главное

в искусстве — возможность творить. Как и в актерском мастерстве. Говорить через это о важных вещах. Пару месяцев назад один мой знакомый показал мне видео, в котором скрипичный мастер рассказывал о процессе создания скрипки. И он высказал там одну интересную мысль о том, что каждый человек — инструмент, надо только позволить себе звучать. Для меня актерское мастерство — именно про это. Не могу сказать, что я уже научилась этому, скорее, нахожусь в процессе...

— Твои любимые артисты?

— Я очень люблю Олега Янковского, Иннокентия Смоктуновского, Олега Даля, Алису Фрейндлих, Инну Чурикову, Маргариту Терехову и еще очень многих. Из западных — Эмму Стоун, Кейт Бланшетт, Вики Крипс...

— В Интернете тебя сравнивают с голливудской звездой Эль

Фаннинг. Как ты относишься к этому сравнению?

— Как отношусь? Честно говоря, ничего про это не знала. А вообще я сравнения не люблю. Считаю, что нет ни одного похожего человека или артиста.

— Какие чувства ты испытала, когда тебя приняли в труппу театра «Мастерская Петра Фоменко»?

— Честно говоря, конкретно не помню. А когда я первый раз посмотрела спектакль Петра Наумовича — вот эти чувства, этот момент помню хорошо. Это был спектакль «Сказка Арденнского леса». Я училась на втором курсе. Была осень, но еще ранняя, теплая. После спектакля я направлялась к метро и как будто не шла, а летела, такая невероятная легкость была во всем теле. Поэтичность и красота этого спектакля приподняли меня. И с этого момента я мечтала только об одном театре — о театре Петра Наумовича.

— Понимаю, что за каждой премьерой в «Мастерской Петра Фоменко» стоит большой труд и работа актера, режиссера и всего коллектива театра в целом. И все же, какой спектакль, какая роль наиболее тебе дороги?

— Спектакль «Опасные связи» режиссера Егора Перегудова. Потому что мы создавали его в абсолютной любви, когда все было легко и в радость. К тому же этот спектакль невероятно красивый благодаря сценографии и костюмам одного из лучших современных театральных художников — Владимира Арефьева. А еще спектакль «Двадцать третий» по роману Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск». Этот спектакль мне дорог из-за Изабеллы, которую я играю. Из-за мыслей, которые Ремарк вложил в ее уста. За те темы, которые она ведет.

— Чем ты вдохновляешься: что любишь читать, смотреть, слушать, путешествовать?

— Вдохновляюсь всем, чем угодно. Никогда не имею четкого плана — вот сегодня я буду вдохновляться этим. Да так и не работает, мне кажется. Люблю путешествовать. Когда идешь в незнакомом городе просто куда-то, размышляешь, и многие мысли, ощущения правильные, потому что ты, как сейчас модно говорить, находишься в моменте и открыт ко всему.

— Расскажи, пожалуйста, что нового сейчас происходит у тебя в кино и театре?

Снимаюсь в одном историческом проекте. А вот к Новому году должна выйти добрая, прекрасная новогодняя история — «Мой папа — Дед Мороз», где режиссером выступила чудесная Ирина Гурьянова. Про театр пока не могу ничего конкретно сказать — думаем.

— Какого зрителя ты ждешь в кино и театре?

— Наверное, зрителя «без предвзятости». Когда он ничего изначально не ждет, а просто идет в кино или в театр с открытым сердцем. □

Беседовала *Дарья Парчинская*
Фото предоставлены Пресс-службой театра
«Мастерская Петра Фоменко»

Сейчас погуглим

«Закруглившись» у себя в юридической консультации, я по пути домой забежал в районную поликлинику, к терапевту. У кабинета очереди не наблюдалось. О том, что здесь еще недавно творилось светопреставление, напоминал лишь кем-то забытый костыль, сиротливо прислонившийся к банкетке, несколько бесплатных газет с отгаданными кроссвордами и стойкий запах корвалола.

«Повезло, так повезло, это все потому, что талон мне удалось урвать на самый конец приема», подумал я, и, неуверенно постучавшись, толкнул дверь:

— Здрасьте.

Сидевший за столом мужчина в белом халате и сползших на нос очках отложил планшет и небрежно кивнул, указывая мне взглядом на стул:

— Ну, рассказывайте, что у вас стряслось, больной, на что жалуетесь.

Прочистив горло, я принялся описывать свое состояние.

— Гиперемия слизистой в полости рта, экзема на запястьях по типу Капоши. А еще увеличились и стали болезненными регионарные лимфоузлы. Один — тот, что под ключицей, а другой — в локтевой ямке....

Врач впервые поднял на меня глаза, но тут же смущенно их опустил и произнес:

— Пальцем лучше покажите, если вам не затруднительно.

Я с готовностью ткнул в район плеча и на сгиб левого локтя.

— Мда, мда, редкий случай в моей практике, неоднозначный, — сказал доктор, задумчиво теребя нос. — А почему такое с вами произошло, сами вы не догадываетесь, конечно?

— Отчего же? Вследствие Т-клеточного иммунодефицита, судя по всему, — ответил я. — Или в результате нарушения продукции интерферона, или, быть может, сбоя в работе макрофагов. А причина? Да мало ли. Но, скорее всего, из-за стресса на работе, усугубленного осенним недостатком витамина Д, ну и тяжелой жизнью вообще.

— Ишь ты, грамотный какой нашелся, может быть, и диагноз свой тогда назовете? — с ироничной улыбкой спросил врач, монотонно набирая одним пальцем текст на компьютере.

— Полагаю, что рецидивирующий герпес симплекс, — бодро отрапортовал я, но, увидев его недоуменный взгляд, добавил: — Вирус простого герпеса, сезонное обострение, проще говоря.

— Ааа. Ну да, ну да, смотри-ка, угадал. Я и сам, не успели вы войти, понял, что сплошное обострение у вас, — сказал доктор после того, как удовлетворенно занес полученную информацию в базу. — Кстати, насчет диагноза это я так просто спросил. Для поддержания разговора исключительно. Ну и что вы принимаете сейчас, позвольте тогда уж поинтересоваться?

— Виферон — 10 000 единиц, в суспензии.

— О! — обрадовался эскулап и победоносно взглянул на меня: — Знакомое какое название. Вот и продолжайте его принимать до полного исцеления, это очень сильный антибиотик.

— Так какой же это антибиотик, доктор, это белок рекомбинантный человеческий, — сорвалось у меня.

— Конечно же, белок, разумеется, белок, а я что сказал? — блудливо стрельнув глазами по сторонам, выдохнул хозяин кабинета и принялся усердно протирать очки. После неловкой паузы он решил все-таки внести в вопрос некоторую ясность.

— Устал я сегодня, просто жуть. Тридцать человек принял. Поэтому под вечер, как видите, заговариваться уже начал. Всем помощи, во всем разберись. Толпы народа вокруг, а я на целую поликлинику один единственный толковый терапевт. И чего вы хотите от меня, больной, после такого сумасшедшего рабочего дня, да еще за такую зарплату?

— Да ничего особенного, коль скоро вы с диагнозом уже разобрались, за что я вам, конечно, премного благодарен. Осталось только выписать мне что-нибудь эдакое на основе диэтилбензимидазолиятрийодида для наружного применения, ну и, разумеется, Ацикловир или Пенцикловир перорально, чтобы все стало и вовсе замечательно.

— Ди... ти ... мезозой, — терапевт попытался записать на слух, но у него ничего не вышло. — Пер...бер... Вот что, — поднес он к моему лицу планшет, — вы повторите, больной, все, что мне тут сейчас наговорили, только в микрофон. А потом мы живенько погуглим..., — Он встрепенулся, — ... Алиса...

— Зачем гуглить, доктор? Давайте, лучше я так напишу.

— Ну раз вы настаиваете, то вот ручка и бумажка. Только поразборчивее.

Не успел врач протянуть мне через стол блокнот, как тут же, всхлипнув, судорожно схватился за поясницу:

— Ой, мамочки! — Он в изнеможении откинулся на спину, уголки губ его задрожали, а воротник халата стал влажным от пота, стекавшего с его вдруг

сдувшихся щек. — Спинааа, ох, боженьки. Грыжа... иииии..., наверное, сломалась, прободение позвоночника или еще чего-нибудь в этом роде, — скулил он, вытирая бледное лицо.

«Надо же, — расстроился я. — В кои-то веки удалось прорваться на прием к специалисту, да и тот загнется, того и гляди. Нет уж, так дело не пойдет».

— А ну-ка, прилягте, доктор, — решительно сказал я страдальцу, вежливо поддерживая его за поясницу, — и не переживайте вы так, сейчас разберемся.

Стенающий доктор угнезвился с моей помощью на кушетке, сжимая в вытянутой руке так и не переданный мне фломастер.

— Тут больно? А так, а так? — спрашивал я, аккуратно постукивая его по пояснице и нижнему отделу позвоночника, — Ну, все ясно, это у вас воспаление седалищного нерва. Люмбаго, одним словом.

— А это... это не очень страшно?

— Не смертельно, и лечится легко, — успокоил я бедолагу, после чего вколол ему обезболивающее.

— Теперь одевайтесь, доктор, а мы вам пока лечение назначим.

Помыв руки, я, усевшись за докторский стол, написал схему лечения, комментируя ее вслух:

— Принимайте с утра и на ночь по две таблетки ортофена, или, при его непереносимости, хондроксида. Ну и диклофенак тоже потихоньку втирайте. Через неделю как рукой снимет. Сейчас же временно ограничьте физическую активность, а вот на будущее старайтесь, наоборот, как можно больше двигаться. Это вас сидячий образ жизни так наказал.

— Все она, — обреченно развел руками доктор, когда его слегка отпустило, — она виновата, работа проклятушая! Сидишь тут днями напролет, врачуешь за так называемую зарплату. Того на ноги поставь, этого спаси, всех исцели. Впрочем, что мы все про меня да про меня, — спохватился он, — вам-то чем я еще могу помочь, больной?..

На прощание он долго тряс мне руку и, заглядывая в глаза, повторял:

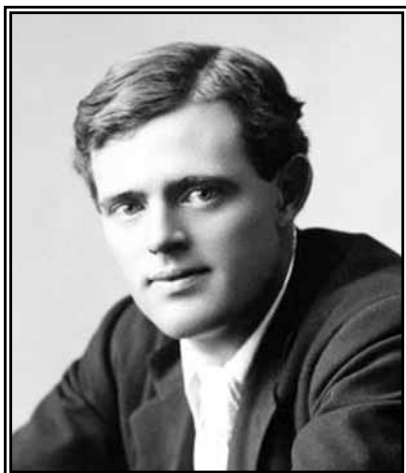
— Заходите, любезный. Почаще заходите, не стесняйтесь. Если что, то сразу к нам. Всегда поможем. Самолечением только не вздумайте заниматься, не играйте с огнем. Эй, больной! — окликнул он меня, когда я был уже в дверях. — Напомните, пожалуйста, а как там у меня это называется?

— Что это?

— Ну, это? — смущенно показал он на свою поясницу.

— Люмбаго, что ли?..

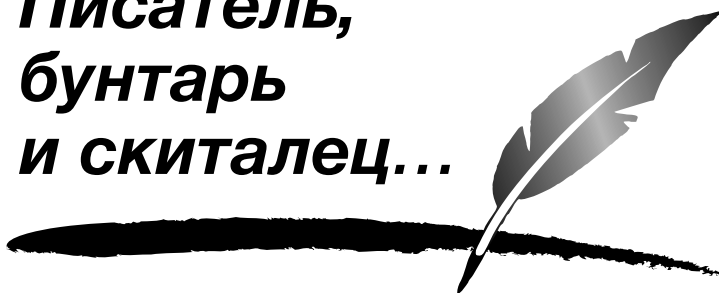
Я шел домой и грустно думал: «Конечно же, буду заходить. Куда же от вас, от медиков, денешься. Я, быть может, и не пошел бы в другой раз (жизнь, как-никак, научила уже без медицины обходиться), только лекарства в отсутствие рецепта аптека мне все равно ни за что не отпустит...» □

Jack London

Джек Лондон

**Писатель,
бунтарь
и скиталец...**

«Мартин Иден», «Белый клык», «Лунная долина», «Маленькая хозяйка большого дома»... Произведения этого автора хорошо знает старшее поколение, а вот молодое, скорее всего, знает по телесериалу «Сердца трех». К сожалению, жизнь писателя была очень короткой — всего 40 лет, половину из которых он посвятил литературе. Но дело не в том, что при жизни было выпущено 50 книг его романов и рассказов, а в том, что литература была его сущностью, его призванием. Ему многие завидовали и не понимали, как так случилось, что этот молодой человек, не имевший соответствующего образования, смог стать известным писателем, совершенно не задумываясь о том, что за этим успехом стояли годы отчаяния, нужды и нечеловеческого напряжения, которое и свело его в могилу в столь раннем возрасте...

Родился Джек Лондон в январе 1876 года в штате Калифорния. Он был внебрачным сыном Флоры Веллман и Уильяма Чейни. Узнав, что Флора беременна, Уильям настаивал на аборте, а когда она категорически отказалась, он ее бросил. Вскоре Флора вышла замуж за бывшего военного, веселого и добродушного фермера Джона Лон-

дона. Джон быстро нашел с пасынком общий язык, и Джек на протяжении всей своей недолгой жизни был очень к нему привязан.

Так как особых доходов в семье не было, Джеку пришлось помогать родителям: в свободное от учебы время он разносил газеты, убирался в пивных заведениях, а позже устроился на консервную фабрику.

Сам он писал: «В пятнадцать лет я уже был мужчиной, равным среди мужчин».

В 1897 году судьба забросила его в Клондайк. Это было удивительное время, когда толпы золотоискателей хлынули на Аляску, устраиваясь, кто как мог. Работая на золотых приисках, Джек мечтал разбогатеть, но, увы, мечта так и

осталась лишь мечтой. Зато он укрепился в своем намерении стать настоящим писателем. Именно там стали рождаться рассказы о сильных, мужественных людях, живущих по своим законам, которые принесли впоследствии Лондону широкую известность. Суть этих рассказов поражала читателей: в них человек оставался наедине с самим собой, что давало

ему возможность испытать себя в борьбе за существование и понять, что он не беспомощен, что у него достаточно сил и воли, чтобы бросить вызов Судьбе. «Север есть Север, — писал Лондон, — и человеческие сердца подчиняются здесь странным законам, которых люди, не путешествующие в далеких краях, никогда не поймут».

Вернувшись с Клондайка, Джеку снова пришлось переживать тяжелые времена. Но он не отчаивался и не только продолжал писать, но и сумел добиться признания в литературных кругах. Первой его вышедшей книгой стал сборник рассказов, который он назвал «Сын волка». Следом вышел сборник очерков

и считал лучшим своим произведением.

Что касается его личной жизни, он был женат дважды. Первой женой стала Бэсси Маддерн, и в этом браке родились две дочери — Бэсс и Джоан. Но этот брак продлился недолго: через четыре года Джек ушел из семьи к Чармиан Кит-тредж, которая уже давно была влюблена в него.

Шло время, критики продолжали атаковать его в прессе, публикуя нелицеприятные отзывы, и у писателя наступил творческий кризис. Книги уже не приносили того успеха, как раньше, ни «Лунная долина», ни «Маленькая хо-

---

Судьба забросила Джека в Клондайк. Это было удивительное время, когда толпы золотоискателей хлынули на Аляску. Джек тоже мечтал разбогатеть, но, увы, мечта так и осталась мечтой. Зато именно там он укрепился в своем решении стать писателем, именно там родились рассказы о сильных, мужественных людях, живущих по своим законам, которые принесли Лондону широкую известность

«Люди бездны», в которых он описал жизнь бедных кварталов, где ютились эти самые «люди бездны».

В 1902 году Джек Лондон отправился в Англию. Именно там из-под его пера вышли такие литературные шедевры, как Белый клык», «Время не ждет», «Мартин Иден», «Лунная долина», «Маленькая хозяйка большого дома» — роман, которым он очень гордился

заяка большого дома», тем более рассказы и очерки, а сил для нового рывка уже не было. Он все чаще задумывался о том, в чем смысл его писательского труда, и, увы, не находил его. Зато понимал, что звезда его как писателя постепенно закатывалась. Осознание этого привело к новому кризису и, как это часто бывает, к... алкоголю.

Темп бешеной погони за славой измотал его, теперь приходилось писать не для души, а ради денег, что и привело молодого еще писателя к трагическому финалу: в 1916 году писателя не стало. Он словно чувствовал приближение конца и незадолго до этого в разговоре с сестрой Элизой попросил похоронить его на Лунном холме.

22 ноября, когда близкие зашли проведать его, они увидели, что он лежит в кровати в глубоком обмороке. Тут же был вызван доктор,

но было поздно, Джек Лондон скончался. Ходила версия, что он покончил жизнь самоубийством, так как на полу валялись два пустых пузырька с этикетками «морфий» и «атропин», но подтверждения ей не было, поэтому до сих пор остается загадкой, это было самоубийство или отравление, трагическая случайность, связанная с заболеванием почек?

Последний роман «Сердца трех» был опубликован уже после смерти писателя, в 1920 году.

Джек Лондон

ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА

Поистине миссис Сейзер промелькнула на небосклоне Доусона подобно метеору. Она прибыла весной, на собаках, с проводниками из канадских французов, ослепительно блеснула на один короткий месяц и уехала вверх по реке, как только сошел лед. Весь Доусон, которому так не хватает женского общества, был ошеломлен столь внезапным отъездом, и местная аристократия огорчалась и расстраивалась по этому поводу до тех пор, пока не разразилась золотая лихорадка в Номе и новая сенсация не затмила старую. Ибо Доусон пришел в восторг от миссис Сейзер и принял ее с распростертыми объятиями. Она была мила, очаровательна и притом вдова, поэтому за нею сразу стали увиваться чуть ли не все короли Эльдорадо, должностные лица, искатели приключений из младших сыновей состоятельных семейств — все, кто стосковался по шелесту женского платья.

Горные инженеры с уважением вспоминали ее мужа, покойного полковника Сейзера; представители промышленных кругов почтительно

отзывались о его сделках и хватке: ведь он считался одним из крупнейших воротил в американской горной промышленности и, быть может, еще более крупным в английской. Чего ради из всех женщин на свете именно его вдова явилась в эти края? Это была великая загадка. Но обитатели Севера — народ практический, они вполне разумно презирают отвлеченные рассуждения и признают только факты. А для многих из них Карен Сейзер оказалась весьма существенным фактом. Она же смотрела на вещи по-другому, о чем свидетельствуют категоричность и быстрота, с которыми она весь этот месяц отвечала на бесконечные предложения руки и сердца. И вот она исчезла, а с нею исчез факт, и осталась только загадка.

Однако случай милостиво дал ключ к разгадке. Последняя жертва миссис Сейзер, Джек Кофрэн, понапрасну положивший к ее ногам свое сердце и участок в пятьсот футов на Бонанзе, всю ночь напролет шатался с горя по кабакам в самой разношерстной компании. Среди ночи он невзначай столкнулся с Пьером Фонтэном, — это был не кто иной, как старший проводник Карен Сейзер. Столкнувшись, они узнали друг друга, выпили и под конец оба порядком опьянели.

— Что? — бормотал уже под утро Пьер Фонтэн. — Чего ради мадам Сейзер явилась в ваши края? А вы у нее самой спросите. Ничего я не знаю, только знаю, что она все спрашивает про одного человека. «Пьер, — говорит, — вы мне его найдите, и я дам вам много денег, тысячу долларов дам, только найдите этого человека». «Какого человека?» «Ах, да. Его зовут... как это... Дэвид Пэйн». Все время это имя у нее на языке. И я все ищу его, ищу, бегаю как собака, нигде его не видать, черт бы его подрал. Ну и тысячи долларов не видать.

Один раз приезжали люди из Серкла. Так они его знают. Сказали, он на Березовом ручье. А мадам что? Мадам сказала: «Вон!» — и вся так и просияла. И говорит мне: «Пьер, запрягите собак. Мы сейчас же едем. Если найдем его, я дам вам две тысячи долларов. А я говорю: «Да-да, сейчас же! Едемте, мадам!» А про себя думаю: «Ну, две тысячи у меня в кармане. Экий я молодец!» А потом приехали еще какие-то их Серкла и говорят: «Нет, этот Дэвид Пэйн недавно уехал в Доусон». Так мы с мадам туда и не поехали, в Серкл. Тогда мадам мне говорит: «Пьер, купите лодку, — и дает мне пятьсот долларов. — Завтра, говорит, мы едем вверх по реке. «Да, хорошо, мадам, завтра едем вверх по реке». И этот каналья Ситка Чарли содрал с меня за лодку пятьсот долларов. Черт бы его подрал!

Джек Кофрэн не стал держать эту новость про себя, и на другой же день весь Доусон думал и гадал, кто такой Дэвид Пэйн и какое отноше-

ние он имеет к Карен Сейзер. Но в тот же день, как и говорил Пьер Фонтэн, миссис Сейзер со своими канадцами двинулась, держась восточного берега, по направлению к Клондайк-сити, пересекла реку и, идя вдоль западного берега, чтобы не напороться на скалы, скрылась среди бесчисленных островков.

— Да, мадам, это то самое место и есть. Первый, второй, третий остров ниже устья реки Стюарт. Вот это третий остров...

С этими словами Пьер Фонтэн уперся багром в берег и поставил лодку поперек течения. Лодка уткнулась носом в прибрежные камни, один из канадцев ловко выскочил на берег и привязал ее.

— Минутку, мадам, я только взгляну.

Фонтэн скрылся за гребнем скалы, и оттуда донесся многоголосый собачий лай. Он тотчас вернулся.

— Да, мадам, хижина здесь. Я посмотрел. Того человека нет дома. Но очень далеко он не мог уйти, и очень надолго — тоже, раз собак не взял. Он скоро вернется, будьте уверены.

— Помогите мне выйти, Пьер. Я измучилась в вашей лодке. Неужели вы не могли устроить меня поудобнее?

Карен Сейзер поднялась из своего мехового гнездышка посреди лодки и выпрямилась, высокая, гибкая. Но хоть в обычной, родной ей обстановке она выглядела хрупкой и нежной, как лилия, этой кажущейся хрупкости никак не соответствовала сила, с какой она оперлась на руку Пьера своей не по-женски крепкой рукой, легко выскочила из лодки и, уверенно ступая стройными, сильными ногами, быстро взобралась по крутому склону. В этой изящной, прерасно сложенной женщине таились редкая энергия и выносливость.

Хоть она и одолела подъем с такой небрежной легкостью, на щеках ее показался румянец и сердце билось чаще обычного. Она подошла к хижине с каким-то почтительным любопытством, и румянец на ее щеках разгорелся еще ярче.

— Поглядите-ка, — сказал Пьер, указывая на щепки у поленницы, — дрова свежие, дня два, может, три, как наколоты.

Миссис Сейзер кивнула. Она попыталась заглянуть в крошечное оконце, но хоть промасленная бумага и пропускала свет, разглядеть сквозь нее ничего не удавалось. Потерпев неудачу, миссис Сейзер подошла к двери, приподняла было тяжелый засов, собираясь войти, но передумала. Потом вдруг опустила на одно колено и поцеловала грубо обтесанный порог. Если Пьер и заметил это, он не подал виду и потом ни с кем никогда не делился этим воспоминанием. Но в следующее

мгновение один из канадцев, мирно раскуривавший трубку, вздрогнул, услышав необычно грозный оклик своего начальника:

— Эй, Легуар! Сделай там сиденье помягче, — приказал Пьер. — Побольше медвежьих шкур, побольше одеял, черт подери!

Но вскоре это гнездышко пришлось разорить: большую часть мехов и одеял перенесли наверх, на берег, и там в ожидании уютно расположилась миссис Сейзер. Опершись на локоть, она смотрела на широкую, убегающую вдаль ленту Юкона. Над горами, вздымавшимися вдалеке, на противоположном берегу, небо было затянуто дымом невидимых отсюда лесных пожаров, и сквозь эту пелену едва пробивались лучи солнца, слабо освещая землю и отбрасывая неверные тени. Куда ни глянь — до самого горизонта поросшие елью острова, темные воды, скалистые хребты, изрезанные ледниками, — дикая, первобытная пустыня. Ничто здесь не говорило о присутствии человека, ни единый звук не нарушал безмолвия. Весь край, казалось, был скован какой-то неведомой силой, окутан задумчивой тайной безграничных просторов. Быть может, именно от этого миссис Сейзер стало не по себе: она поминутно меняла позу, смотрела то вверх, то вниз по реке, пристально вглядывалась в угрюмые берега, стараясь разглядеть едва заметные устья дальних притоков.

Примерно через час гребцам было велено сойти на берег и разбить лагерь для ночлега, но Пьер остался охранять свою хозяйку.

Долго они сидели молча.

— Ага, вот он, — шепнул Пьер, внимательно смотревший вверх по реке, туда, где она огибала остров.

По течению скользило каноэ, то с правого борта, то с левого поблескивало весло. Двое — на корме мужчина, на носу женщина — гребли, мерно раскачиваясь в такт взмахам весел. Миссис Сейзер не обращала внимания на женщину, пока они не подплыли совсем близко, и уже нельзя было не заметить ее своеобразной красоты. Куртка из лосиной шкуры, причудливо расшитая бисером, подчеркивала линии ее стройной фигуры, живописно повязанный яркий шелковый платок наполовину скрывал густые иссиня-черные волосы. Но, мельком взглянув на лицо этой женщины, словно отлитое из красноватой бронзы, миссис Сейзер уже не могла оторваться от него. Огромные черные, чуть раскосые глаза смотрели прямо и пристально из-под тонко очерченных, красиво изогнутых бровей. Хотя скулы заметно выступали, щеки все же мягко круглились, в складке тонких губ была и сила, и нежность. Что-то в этом лице говорило о древней монгольской крови, словно спустя много веков в нем проступили черты забытых предков. Впечатление усиливал еще нос

с горбинкой, с тонкими подвижными ноздрями, и то дикое, орлиное, что чувствовалось не только в лице, но и во всем облике этой женщины. Это был татарский тип, облагороженный до степени идеала, — счастливо то индейское племя, которое раз в двадцать поколений порождает такую совершенную красоту!

Широкими, сильными взмахами весел эти двое круто повернули легкую лодку, поставили ее поперек течения и мягко пристали к берегу. Еще мгновение — и женщина уже стояла на краю откоса и, перехватывая руками веревку, тащила наверх четверть туши только что убитого лося. Затем к ней присоединился мужчина, и вдвоем быстрыми, сильными рывками они втянули каноэ на откос. Собаки вились вокруг, скуля и повизгивая, женщина наклонилась, чтобы приласкать их, и тут взгляд мужчины упал на миссис Сейзер, стоявшую невдалеке. Он посмотрел, бессознательно провел рукой по глазам, словно не веря им, и снова посмотрел.

— Карен, — сказал он просто, подойдя к ней и протягивая руку. — Сперва я решил, что вы мне померещились. Этой весной я одно время страдал снежной слепотой, и с тех пор глаза иногда шутят со мной такие шутки.

Румянец миссис Сейзер стал еще ярче, и ее сердце больно сжалось, она была готова ко всему, только не к этой бесстрастно протянутой руке, но она овладела собой и крепко пожала его руку.

— Вы же знаете, Дэйв, я часто грозилась приехать и уже давно приехала бы, но... но...

— Но я не звал, — засмеялся Дэвид Пэйн и посмотрел вслед индианке, скрывшейся в хижине.

— Нет, я понимаю, Дэйв... на вашем месте я, наверно, поступила бы так же. Но, видите, я здесь.

— Что ж, остается сделать еще несколько шагов, войти в дом и поужинать, — сказал он весело, не замечая или делая вид, что не замечает призывной нотки в ее голосе. — Вы, наверно, устали. Куда вы направляетесь? Вверх? Значит, зимовали в Доусоне? Или приехали совсем недавно? Это ваш лагерь? — Он взглянул на канадцев, собравшихся у костра на берегу, и, придерживая дверь, давая миссис Сейзер пройти. — Я приехал сюда прошлой зимой по льду из Серкла и на время устроился тут. Копаюсь понемножку на ручье Гендерсона; если толку не будет, осенью попытаю удачи на реке Стюарт.

— Вы не очень изменились за это время? — спросила вдруг она, пытаясь перевести разговор на более личные темы.

— Немного меньше жирку, пожалуй, немного больше мускулов. А вы как находите?

Но она только пожала плечами; в полутьме она старалась разглядеть индианку, которая уже развела огонь и жарила толстые куски лосиного мяса, переложенные тонкими ломтиками копченого свиного сала.

— Долго вы пробыли в Доусоне? — Он строгал обрубок молодой березы, который постепенно превращался в грубое топорище, и говорил, не поднимая головы.

— О, всего несколько дней, — ответила она, следя глазами за индианкой и почти не расслышав вопроса. — Что вы сказали? В Доусоне? Да месяц провела и счастлива, что выбралась оттуда. В Арктике мужчины довольно примитивны, знаете ли, и слишком энергично проявляют свои чувства.

— Иначе и быть не может, когда живешь поближе к земле. Условно-сти оставляешь дома вместе с пружинным матрасом. Но вы вовремя надумали уехать. Вы покините эти края до появления комаров, вы этого не испытали и даже представить себе не можете, как вам повезло.

— Да, наверно. Но расскажите же о себе. Как вы живете? Кто тут еще живет поблизости? Или совсем никого нет?

Спрашивая, она наблюдала, как индианка толчет на плоском камне перед очагом завернутые в грубую мешковину кофейные зерна. С упорством и ловкостью, свидетельствующими о нервной системе столь же первобытной, как и этот способ работы, она растирала зерна тяжелым осколком кварца.

Дэвид Пэйн заметил взгляд гостыи, и тень улыбки скользнула по его губам.

— Были и соседи, — ответил он. — Несколько человек с Миссури и двое корнуэльцев, но они нанялись к одному золотоискателю на Эльдorado.

Миссис Сейзер бросила задумчивый и испытующий взгляд на женщину у очага.

— Но индейцев тут, конечно, сколько угодно?

— Все давным-давно уже перебрались в Доусон. Ни одного индейца не осталось во всей округе. Только вот Винапи — она из племени Койокук, они живут примерно за тысячу миль вниз по реке.

Миссис Сейзер внезапно почувствовала головокружение, правда, любезная улыбка не померкла на ее губах, но лицо собеседника вдруг ушло куда-то бесконечно далеко, и бревенчатые стены хижины заплясали вокруг, как пьяные. Но тут ее пригласили к столу, и за ужином она потихонь-

ку пришла в себя. Она говорила мало — главным образом о природе и о погоде, он же пустился в пространное описание разницы между мелкими шурфами в Низовьях и глубокими зимними разработками в Верховьях.

— Вы не спрашиваете, зачем я приехала на Север? — сказала она. — Конечно, вы и сами это знаете. — Они уже вышли из-за стола, и Дэвид Пэйн снова принялся за свое топориче. — Вы получили мое последнее письмо?

— Последнее? Должно быть, нет. Скорее всего оно странствует по Березовому ручью или валяется в хижине какого-нибудь торговца на Нижней реке. С почтой тут у нас из рук вон плохо, ни порядка, ни системы, ни...

— Не будьте же таким деревянным, Дэйв! Помогите мне! — Теперь она говорила резко, властным тоном, как будто прошлое давало ей на это право. — Почему вы ничего не спрашиваете обо мне? О наших общих знакомых? Неужели вас больше не интересует внешний мир? Вам известно, что мой муж умер?

— Неужели? Это очень печально. Когда же?..

— Дэвид! — Она готова была расплакаться с досады, но оттого, что она, наконец, дала себе волю, вложив в этот возглас и обиду и упрек, ей стало немного легче. — Вы вообще получали мои письма? Ведь, наверное, получали, хоть и не ответили ни разу!

— Я не получил последнего, в котором вы, очевидно, сообщали о смерти мужа. Вполне возможно, что и еще какие-нибудь письма затерялись, но некоторые я получил. Я...мм... я читал их вслух в назидание Винапи. Чтобы, знаете, показать ей, до чего испорчены ее белые сестры. И полагаю... мм... что это пошло ей на пользу. Как по-вашему?

Она не стала отвечать на колкость.

— Вы угадали, — продолжала она, — в последнем письме, которого вы не получили, я писала о смерти полковника Сейзера. Это было год назад. И я писала, что, если вы не приедете ко мне, я приеду сюда, к вам. Я не раз обещала приехать — и вот приехала.

— Какие обещания?

— А в прежних письмах?

— Да, вы обещали, но ведь я не просил обещаний и не отвечал на них, — они были односторонними. Так что я не знаю ничего об этих обещаниях. Но мне известно другое обещание, которое, может быть, и вы припомните. Это было очень давно. — Он уронил топориче на пол и поднял голову. — Очень, очень давно, но я все прекрасно помню — день, час, каждую мелочь. Мы с вами были в саду, полном цветущих роз,

в саду вашей матушки. Все вокруг распускалось, цвело, и у нас в сердце тоже была весна. Я обнял вас — это случилось впервые — и поцеловал в губы. Вы не припоминаете?

— Не надо, Дэйв, не говорите! Я помню все, и мне так стыдно! Сколько я плакала потом! Знали бы вы, как я страдала...

— Тогда вы обещали мне — да, и еще тысячу раз повторили это в те чудесные дни... Каждый ваш взгляд, каждое прикосновение руки, каждое слово, которое слетало с ваших уст, — все было обещанием. А потом — как бы сказать? — потом появился другой. Он был стар, годился вам в отцы, и притом далеко не красавец, но, как говорится, порядочный человек. Он не совершал ничего дурного, не нарушал буквы закона и был вполне респектабелен, а кстати, у него была и кое-какая собственность: несколько жалких рудников — десятка два, но это, конечно, неважно, и еще он владел кое-какой землей, занимался деловыми операциями и стриг купоны. Он...

— Но ведь было и другое, — прервала она. — Я вам говорила. Меня заставили... денежные обстоятельства... нужда... мои родные... неприятности. Вы же знали, как все отвратительно сложилось. Я ничего не могла поделать. Я не хотела этого. Меня принесли в жертву — назовите это, как хотите. Но, боже мой, Дэйв, я должна была отказаться от вас! Вы несправедливы ко мне. Подумайте, что мне пришлось пережить.

— Вы не хотели? Вас заставили? Нет на земле такой силы, которая могла бы вас заставить, которая могла бы толкнуть вас в постель того или иного мужчины.

— Но я все время любила вас, — защищалась она.

— Я не умел измерять любовь вашими мерками. Я до сих пор не умею. Они мне непонятны.

— Но ведь это было тогда. А теперь...

— Мы с вами говорили о человеке, которого вы сочли подходящим мужем для себя. Что это был за человек? Чем он очаровал вас? Какие неотразимые достоинства вы в нем нашли? Правда, это был золотой мешок, всемогущий золотой мешок. Он знал цену деньгам. Великий мастер наживать сто на сто. Он не блистал умом, но превосходно разбирался во всяких подлостях, при помощи которых можно перекачивать чужие деньги в свой карман. И закон смотрел на это сквозь пальцы. За такие дела не судят, и наша христианская мораль одобряет их. В глазах общества он не был дурным человеком. Но в ваших глазах, Карен, и в моих — в наших глазах, когда мы встречались в розовом саду, что он был такое?

— Вы забываете, что он умер.

— Это ничего не меняет. Что он был? Огромное, толстое, грубое животное, глухое к песне, слепое к красоте, лишенное души. Он ожирел от лени, обрюзг, и толстый живот выдавал его обжорство.

— Но ведь он умер. А теперь речь идет о нас... о нас! Слышите? Вы правы, я была неверна и согрешила. Хорошо. А разве вам не в чем покаяться? Пусть я нарушила обещание, а вы? Тогда, в розовом саду, вы говорили, что ваша любовь навсегда. Где же она теперь?

— Она здесь! — горячо воскликнул он и ударил себя кулаком в грудь. — Она всегда была здесь.

— И это была великая любовь, невозможно любить сильнее, — продолжала она. — Так вы говорили в розовом саду, и, однако, ваша любовь не делает вас ни добрым, ни великодушным, не помогает вам простить меня теперь, когда я плачу здесь, у ваших ног!

Дэвид Пэйн колебался. Губы его беззвучно шевелились, он не знал, что сказать. Она заставила его обнажить свое сердце и высказать правду, которую он скрывал от самого себя. И как она была хороша, озаренная пламенем своего чувства! Она воскрешала старые воспоминания, иную жизнь. Он отвернулся, чтобы не видеть ее, но она обошла кругом и снова стояла перед ним.

— Посмотри на меня, Дэйв! Я все та же, несмотря ни на что. И ты все тот же, пойми. Мы не изменились.

Ее рука легла ему на плечо, и он уже готов был обнять ее, — но вдруг чиркнула спичка, и этот резкий, неожиданный звук привел его в себя. Винапи, не обращая на них внимания, зажгла светильник. Ее лицо внезапно выступило из мрака, и золотые отсветы пламени придали царственный блеск ее бронзовой красоте.

— Вы сами видите, это невозможно, — простонал он, мягко отстраняя светловолосую женщину. — Это невозможно, — повторил он.

— Я не девочка, Дэйв, и у меня нет детских иллюзий, сказала она. — Я женщина и все понимаю. Мужчина есть мужчина. Таков здешний обычай. Меня это не удивляет. Я угадала все с первого взгляда. Но ведь это только так, вы же не по-настоящему женаты?

— У нас на Аляске не задаются подобными вопросами, — беспомощно возразил он.

Я знаю, но...

— Что ж, да, — это только юконский брак, не более того.

— И детей нет?

— Нет.

— И нет, нет, ничего такого... Но все равно это невозможно.

— Нет, возможно. — Она снова была рядом, ее рука легко, нежно коснулась его загорелой руки. — Я прекрасно знаю здешние обычаи. Мужчины всегда так делают. Им вовсе не по вкусу оставаться тут на всю жизнь, отрезанными от мира, что ж, они через Компанию Тихоокеанского побережья выписывают женщине провизию на год, дают ей немного денег, и она довольна. Так вот и с нею. Мы обеспечим ее через Компанию всем необходимым не на год, а до конца ее жизни. Чем она была до того, как вы ее выбрали? Дикарка, полуживотное, летом питалась рыбой, зимой — лосиным мясом. Если бы не вы, такой бы и осталась. Появились вы — и ее жизнь стала лучше. Вы уедете — но она будет жить в достатке, много лучше, чем если бы вовсе не встретила вас.

— Нет, нет, — возразил он. — Это несправедливо.

— Но поймите же, Дэйв. В ее жилах течет другая кровь. Она человек другой расы. Она родилась здесь, на этой земле, выросла в нее корнями. А мы принадлежим к господствующей расе, мы соль земли и ее хозяева! Мы созданы друг для друга. Самый властный зов — зов крови, и мы с вами одной крови. Вы не можете это отрицать, не можете забыть о своем долге перед нашими предками. Вы сын своей расы и должны подчиниться ее зову. Дэйв, уедем отсюда! Мы еще молоды, и жизнь так хороша. Уедем!

Тут он заметил на пороге Винапи, которая шла кормить собак, и несколько раз беспомощно покачал головой. Но рука Карен обвилась вокруг его шеи, и ее щека прижалась к его щеке. В этот миг он ощутил страшную тяжесть безотрадной жизни — тщетная борьба с грозными силами природы, беспросветные годы, когда подолгу приходилось терпеть холод и голод, жизнь грубая, примитивная, жестокая, и эта сосущая пустота в душе, которую не могло заполнить полуживотное существование. И вот рядом — соблазн, заставляющий вспомнить о том, что есть иные, яркие и теплые края, музыка, свет и радость, соблазн, вновь воскрешающий прошлое...

— Едем, Дэйв, едем! У меня денег хватит на двоих. Путь открыт. Мир — у наших ног, все радости ждут нас. Едем!

Она уже была в его объятиях, и он крепко прижимал ее к себе. Потом поднялся... но тут едва слышное сквозь бревенчатые стены, до его слуха донеслось рычание грызущихся собак и резкие крики Винапи, усмирявшей их. И другая картина внезапно встала перед ним. Схватка в лесу... огромный, страшный гризли с перебитыми лапами... рычание собак и резкие крики Винапи, натравливающей их на медведя... и он сам в гу-

ще схватки, задыхающийся, обессиленный, пытается отстранить от себя багровую смерть... И, наконец, Винапи в самой гуще этого чудовищного клубка, с разметавшимися волосами, со сверкающими глазами, снова и снова вонзает в тело зверя длинный охотничий нож. Пот выступил на лбу Пэйна. Он стряхнул обвивающие его женские руки, пытаюсь отступить к стене. И Карен, понимая, что настала решительная минута, почувствовала: все, чего она достигла, ускользает от нее.

— Дэйв, Дэйв! — воскликнула она. — Я не отдам тебя! Если ты не хочешь уехать, мы останемся. Я останусь с тобой. Ты для меня дороже всего на свете. Я буду тебе настоящей северной женой. Буду стряпать, кормить собак, ходить с тобой на веслах. Я все могу, я сильная.

Он и не сомневался в этом сейчас, глядя на нее и отстраняя от себя. Но лицо его стало мрачным, неумолимым, глаза — холодными, как лед.

— Я расплачусь с Пьером и его людьми и отпущу их. Я останусь с тобой, пойду с тобой, куда хочешь. Дэйв, послушай меня! Ты говоришь, я согрешила тогда перед тобой — и это правда. Дай же мне поправить это, искупить мою вину...

Она опустила на пол и, всхлипывая, обняла его колени.

— И ведь ты любишь меня, любишь. Подумай, сколько лет я ждала и мучилась! Тебе не понять...

Он наклонился, поднял ее и, открывая дверь, почти силой вывел Карен из хижины.

— Слушайте, — решительно сказал он, — это невозможно. Тут приходится думать не только о нас двоих. Вы должны уехать. Счастливого пути вам. От Шестидесятой Мили дорога будет тяжелее, но у вас превосходные провожатые, они справятся. Давайте прощаемся.

— Поцелуйте меня, — прошептала она, вспыхнув. Потом повернулась и пошла прочь.

— Снимайтесь с лагеря, Пьер, — сказала она проводнику, который бодрствовал, ожидая ее возвращения. — Нам надо ехать.

При свете костра его зоркие глаза подметили боль в ее лице, но он выслушал странное приказание, как будто в этом не было ничего необычного.

— Хорошо, мадам, — спокойно сказал он. — Куда? К Доусону?

— Нет, — ответила она почти непринужденно. — Вверх по реке. На юг. В Дайю.

И он напустился на своих людей, которые спали, завернувшись в одеяла, пинками и бранью поднял их на ноги и заставил приняться за работу. В два счета легкая палатка миссис Сейзер была свернута, ко-

телки и сковородки собраны, одеяла сложены, и люди, шатаясь под тяжестью ноши, двинулись к лодке. Миссис Сейзер, стоя на берегу, ждала, когда погрузят багаж и приготовят ей местечко поудобнее.

— Мы обогнем остров, — объяснил ей Пьер, разматывая длинный буксирный канат. — Потом двинемся по тому протоку, там течение потише. Я думаю, все будет прекрасно.

Его чуткое ухо уловило шорох сухой травы под чьими-то быстрыми шагами, и он оглянулся. К ним шла индианка, окруженная оцетинившимися псами. Лицо ее горело гневом.

— Что вы сделали моему мужу? — коротко спросила Винапи. — Он лежит на койке, у него лицо совсем плохое. Я говорю: «Что с тобой, Дэйв? Ты больной?» Но он не говорит ничего. Потом сказал: «Ты хорошая, Винапи, ты иди. Я скоро буду здоров». Что вы сделали с моим мужем?.. Я думаю, вы плохая женщина.

Миссис Сейзер с любопытством смотрела на эту дикарку, которая остается с ним, тогда как она должна уйти одна в ночную тьму.

— Я думаю, вы плохая женщина, — повторила Винапи. — Я думаю, лучше вам уйти. Не приходите больше. У меня один муж. Я индианка. Вы американка. Вы красивая. Вы быстро найдете много мужчин. У вас глаза голубые, как небо. Кожа такая белая, мягкая.

Она подняла руку и бронзовым пальцем потрогала нежную щеку американки. Честь и слава Карен Сейзер — она даже не вздрогнула.

— Белая, мягкая, как маленький ребенок. — Винапи потрогала другую щеку миссис Сейзер и опустила руку. — Скоро придут комары. Кожа пойдет пятнами, будет больно, вскочат пузыри — у-у, какие! Много комаров, много пузырей. Я думаю, лучше вам уходить теперь, пока комаров нет. Вот эта дорога, — она показала вниз по течению, — в Сент-Майкл. Та дорога, — она показала вверх по течению, — в Дайю. Вам лучше в Дайю. Прощайте!

То, что сделала затем миссис Сейзер, безмерно удивило Пьера. Она вдруг обняла индианку, поцеловала ее и расплакалась.

— Береги его! — воскликнула она. — Береги его!

Потом сбежала вниз, к реке, крикнула, обернувшись: «Прощай!» — и прыгнула в лодку.

Пьер последовал за ней и оттолкнулся от берега. Он взялся за рулевое весло и подал знак. Легуар затянул старинную французскую песню, в смутном свете звезд канадцы, словно череда призраков, низко сгибаясь, двинулись по берегу, канат натянулся, весло врезалось в черную воду — и лодка исчезла в ночи... □

Пришельцы существуют?!

Вот уже несколько десятилетий кряду ученые разных мастей, а также контактеры и регрессологи, уфологи и гипнологи все спорят между собою и никак не могут договориться, существуют летающие тарелки как средства передвижения инопланетян в межпланетном пространстве. Между тем, этот вопрос давно решен, чему есть масса свидетельств и даже материальных доказательств.

У одной из таких самых что ни на есть настоящих летающих тарелок, приземлившихся у одной из трасс, я пару лет тому назад даже сфотографировался, когда мы ехали в одну из подмосковных усадеб. Однако это наши дни, век двадцать первый. Но свои летающие тарелки оказывается были и в Советском Союзе, причем зрелого его периода, когда граждане с упоением строили коммунизм, до которого оставалось, как тогда казалось, совсем чуть-чуть. Время было серьезное и вроде бы к мистике и всяким фантазмагориям не располагало. Однако НЛО были и на бескрайних просторах Страны Советов...

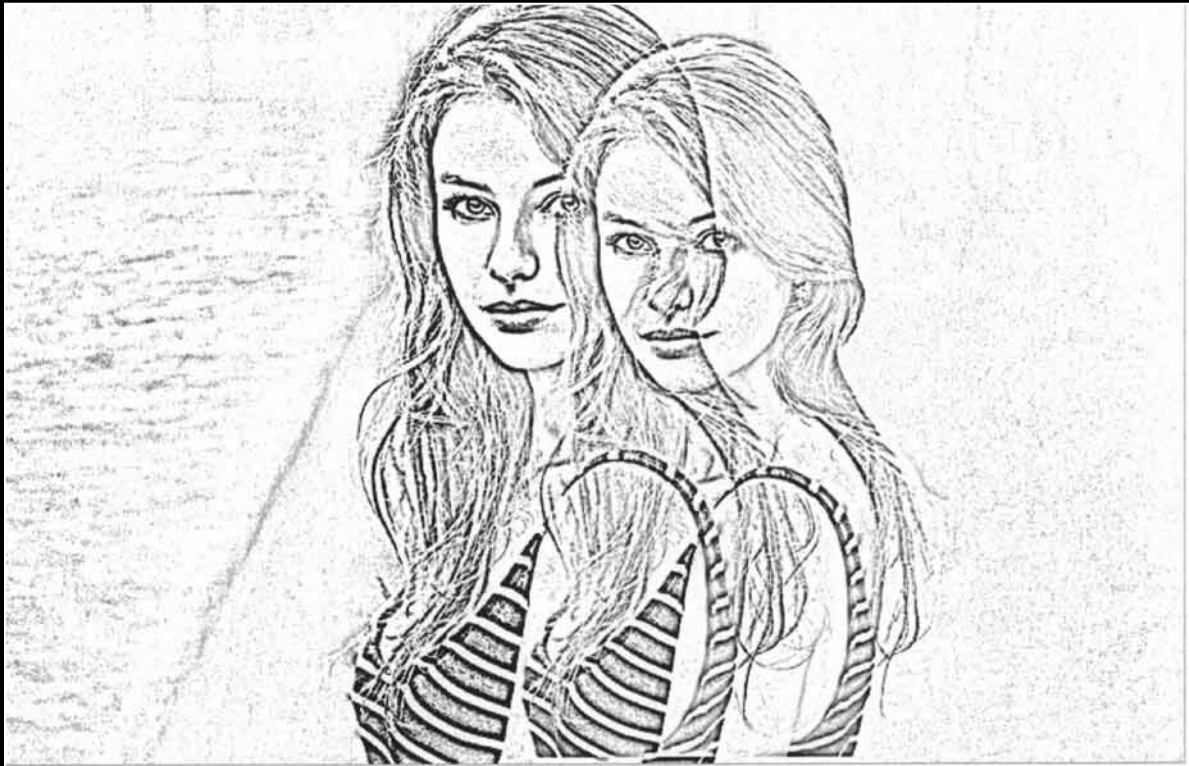
Совсем неважно, верите вы или нет, но в СССР даже заправки в Советском Союзе могли быть архитектурным чудом. Концепция была взята из Страны восходящего Солнца, где получила прозвище «небесные колонки». А потому логично получила в СССР среди обывателей прозвище «Японка». Заправки выделялись своим оригинальным, ярким, броским, почти футуристическим, видом, и взаправду напоминая всамделишные «летающие тарелки» НЛО, парящие над опорами. Вместо того, чтобы традиционно разместить заправочные колонки на земле, сделали спускающиеся сверху шланги. Этот новаторский дизайн предлагал несколько ключевых преимуществ. Поднятие колонок наверх позволило более эффективно использовать землю под заправкой, что было очень важно в условиях плотной городской застройки на островах Японского архипелага.

Одним из самых явных достоинств этих станций была легкость заправки. В отличие от обычных станций, совершенно неважно

было, с какой стороны автомобиля находится заправочный пистолет. Водителю достаточно было припарковаться рядом с нужным шлангом. После получения оплаты оператором шланг как по волшебству спускался с «летающей тарелки». Это умное, опередившее на десятилетия свое время решение означало, что водителям не нужно было подъезжать как можно ближе к шлангу, в результате чего процесс заправки проходил быстрее и удобнее. Так появилось блестящее сочетание футуристического дизайна и практической мысли.

Однако, как бы это странно не показалось на первый взгляд, в Советском Союзе эти крутые во всех смыслах и отношениях заправки так и не стали популярными. Несмотря на всю их привлекательность. Поскольку оказалось, что у них больше недостатков, чем преимуществ. Важнейшим вопросом тут стала безопасность: если герметичность шланга каким-то образом нарушилась бы, то горючее просто капало на землю, создавая потенциальную угрозу пожара, а то и взрыва при неблагоприятном стечении обстоятельств. Что, в свою очередь, создавало большой риск для повсеместного распространения таких заправок. Да и дизайн и конструкция таких заправок были более сложными и дорогими в обслуживании, чем традиционные автозаправочные станции. Ларчик открывался просто: в Стране Советов в то время был взят курс на своего рода всеобщую стандартизацию, простоту и минимализм при производстве и введении в эксплуатацию типовых функциональных сооружений. Без всякого рода там архитектурных излишеств и причуд.

В Японии же подобный футуристический дизайн «небесных колонок» прижился, хотя и не стал повсеместным. Такой дизайн не только был практичным, но и придавал станциям своеобразный, легко запонимающийся, оригинальный вид, привлекавший и водителей, и владельцев заправок. Сегодня подвесная система колонок остается культовой чертой дизайна японских заправок. А ее влияние можно видеть на современных заправках по всему миру.

Плакальщица

Парк, окружавший клинику, встретил меня каким-то напряженным, многозначительным молчанием. Погода стояла ясная и безветренная. Клумбы с яркими всполохами совсем не осенних цветов казались мне чем-то противоестественным — как чересчур выразительный грим на лице покойника. Я сразу вспомнила, как в крематорий устроился специалистом по макияжу для усопших бравый пожилой дядька с прямой и сухой, как жердь, фигурой и пропитым командирским голосом. Каким ветром его занесло, и как мог он усыпить бдительность шефа, никто так и не понял. Говорили, что явился он по какой-то высокопоставленной рекомендации. Вечно с перепоя, он являлся с помятым лицом и неверной рукой рисовал на лицах покойников яркий жизнерадостный румянец, пунцовые губы, подводил жирно глаза и брови, клал розовый тон. Гримируя усопших, он беседовал с ними, как с родными. Корил за преждевременный уход из жизни, сулил Царствие Божие, пенял за грехи и ошибки, призывал лежать смирно и не взбрыкивать, а то тушь в глаза затечет. Когда я услышала эти полупьяные речи, у меня волосы зашевелились на макушке, я опрометью бросилась за Раулем, и мы уже вдвоем прослушали его монолог.

«Разлегся, как бревно, а мне трудись над тобой, — добродушно ворчал рокочущим баском гример. — Сейчас я тебе бровки чуть домиком нарисую, а то лицо-то чересчур недовольное, а я радости добавлю. Что уж осерчался-то так, родимый? Из жизни ты у меня с улыбкой в небытие уйдешь. Потом еще благодарным будешь, когда перед воротами-то предстанешь. Лысый ты, братец, как колено. А мы счас паричок подберем, все помоложе смотреться будешь...»

Рауль тогда затрясся мелким беззвучным смехом. А мне было совсем не смешно. Ощувив прилив бешенства к отставному вояке, переделавше-

муся из-за какого-то психопатического недуга в гримера усопших, я настучала Игорю Анатольевичу. На что он ответил, что уже и так уволил дядьку — родственники покойных не узнают близких, раскрашенных, как для эстрадного шоу...

В кармане запиликал мобильник. Глянув на дисплей и пробормотав: «Легко на помине», я бодрым голосом проговорила:

— День добрый, Игорь Анатольевич.

— Здравствуй, Женечка. Что же ты не отзвонилась, что пакет с документами уже у тебя.

— Ой, да... Да... Извините, Игорь Анатольевич, просто, я... знаете, здесь такая жара... То есть, понимаете, я мобильник свой на пляже оставила. Когда спохватилась, перерыла весь номер, а его нигде нет. А уже за обедом немцы... ну, помните, я вам говорила, что под соседним тентом немецкая супружеская пара... так вот за обедом они отдали мне мой мобильник. Я его, оказывается, в песок уронила возле лежака. Извините...

— Хорошо, что еще голову в песок не уронила... — недовольно проворчал шеф, но я облегченно перевела дух — мне показалось, что ироничные нотки недоверия исчезли из его голоса. — Не потеряй теперь документы, детка. Там, правда, ничего особенного нет, но все же будет лучше, если ты положишь их в сейф. Надеюсь, деньги, паспорт, билет хранишь в сейфе?

— Естественно. Не волнуйтесь, Игорь Анатольевич. Как Кристина?

— Тоже куда-то запропастилась. Наверное, в библиотеке, поэтому телефон выключен. Послезавтра должна стать магистром.

— Не полетите к ней отметить это событие?

— Завтра вылетаю в Париж. Николай тебе кланяется. Я из машины звоню. Как думаешь, что подарить дочери?

— Ну... Не знаю, Игорь Анатольевич. Мы же с Кристиной не знакомы. Вам видней. Наверное, что-нибудь такое... чтобы на память. Николаю тоже привет.

— Передам. Пока, дорогая!

Я присела на скамейку, вытерла ладонью влажный лоб. Куда же подевалась Кристина? Значит, с турецким бизнесменом она встретилась. Но не отзвонилась. Очень странно.

Я огляделась по сторонам. В конце аллеи появилась фигура санитара, везущего перед собой инвалидное кресло. Я вскочила и, пытаюсь придать лицу самое нейтральное выражение, двинулась навстречу. Санитаром оказалась высокая широкоплечая женщина, а в кресле полулежала старушка с желтым лицом и полуприкрытыми глазами. Какое-то мгновение я лихора-

дочно соображала, могу ли задать этой женщине вопрос о русском больном, содержавшемся в клинике. Но что-то свыше шепнуло мне «нет», и, доверившись интуиции, я, мучительно проглотив слюну, двинулась к больничному зданию.

Дмитрий лежал в постели и выглядел тяжело больным. Было такое ощущение, что за прошедшие сутки он постарел лет на десять. Щеки ввалились, возле губ пролегли глубокие морщины, а глаза лихорадочно блестя, как при жаре. Криво усмехнувшись и слегка наклонив голову для приветствия, он указал мне стул, словно приклеенный в том самом месте, где я сидела вчера.

Я отодвинула стул и, пренебрегая приличиями, без спросу села на кровать в ногах Дмитрия. Он слабо улыбнулся и понимающе прищурил глаза.

— Извините за нетоварный вид. Меня, знаете, в ночи посетил коллапс. Я съеживаюсь до размеров «белого карлика». — Некоторые звезды подвержены колоссальному гравитационному сжатию. Вот их и называют «белыми карликами».

— Ну, уж на карлика вы никак не похожи, тем более на белого, — возразила я. — Среди звезд не встречаются гиганты-брюнеты? Это вам скорее подходит... И что же эти карлики? Какова их участь?

— Ну, если уж говорить об образной системе мироздания, то существуют еще нейтронные звезды, чья плотность вследствие коллапса гораздо выше, нежели плотность «белых карликов». Но если при коллапсе звезды образуется масса, большая 3,2 массы Солнца, получается чрезвычайно странный объект — черная дыра. Впрочем, я должен объяснить, что такое коллапс.

— Вот этого не надо, — перебила я Дмитрия. — У меня, как это ни странно, есть кое-какое начальное медицинское образование. Незаконченное. Но что такое коллапс, я проходила. Кстати, мне довелось поработать сиделкой... с тяжелыми больными.

— Да, это действительно очень кстати, — усмехнулся Дмитрий.

— Так что эти дыры?

— Попав в поле объекта, именуемого «черной дырой», никто и ничто не может оттуда выбраться и перестает существовать во Вселенной. Сама эта идея не нова, ей уже около двухсот лет, но в последние годы проблема «черных дыр» вызывает огромный интерес. Английский физик Стивен Хокинг много лет занимается этим. Я знаком с ним... Как биолог, вы тоже наверняка слышали о нем.

Я поспешно кивнула и вся превратилась в абсолютный слух и внимание.

— Стивен говорит, что если бы в те времена, то есть несколько десятков лет назад молекулярная биология достигла сегодняшнего уровня, он,

возможно, занялся бы ею. Его отец был врачом, специалистом по тропическим болезням. А Стивен не пошел по его стопам, закончил физико-математический факультет Оксфордского университета. Потом работал в Кембридже. А потом заметил, что ему трудно говорить и ходить. Был поставлен диагноз — рассеянный склероз. Поначалу болезнь быстро прогрессировала...

Дмитрий замолчал, вопросительно глянул на меня, точно проверяя, интересно ли мне слушать о каком-то там гениальном больном физике. Я поспешно кивнула. Он с усилием дотянулся до тумбочки, взял стакан, сделал несколько глотков воды и вновь откинулся на подушку.

— Так вот, у Хокинга началась жуткая депрессия. Он мало работал, потому что задавался вопросом, зачем заниматься наукой, ведь он может умереть раньше, чем защитит диссертацию. Но постепенно его состояние стабилизировалось, и он полностью погрузился в науку. Я приезжал к нему. Мы обсуждали одну интересную проблему. Это была тема моей докторской диссертации... Стивен прикован к инвалидному креслу, говорит с трудом — посредством специальной аппаратуры, и его понимают только близкие. Нашим переводчиком была его жена Джейн... Я лично считаю, что его вклад в науку соизмерим с вкладом Эйнштейна. Хокинг сделал несколько важнейших открытий и имеет четыре почетные докторские степени. И всего этого добился, несмотря на то, что не может двигать руками.

— Вот видите! — вырвалось у меня. — Я же говорила... Это возможно. Расскажите еще про него... и про «черные дыры». Если, конечно, вам не очень трудно. Пожалуйста...

Дмитрий еле заметно улыбнулся и продолжил:

— Страницы книги листает за него автоматическое устройство, в которое нужно только вложить книгу. Стивен, правда, предпочитает пользоваться фотокопией журнала или книги, которую раскладывают перед ним на столе. Пользоваться карандашом для вычислений он не может, поэтому их приходится делать мысленно. Это невероятно, потому что все это надо держать в памяти... Хокинг доказал, что поверхностная температура «черных дыр» определяется странным типом испарения частиц, которое начинается сразу же над поверхностью. Ученым трудно было принять такую точку зрения, потому что «черная дыра» сама по себе не состоит из каких-либо частиц, ведь все вещество сжалось и образовало сингулярность... Простите, Кристина, меня, кажется, заносит. Вам это неинтересно.

— Еще как интересно! А что такое сингулярность?

— Сингулярность? Это... В общем, когда достаточно массивная звезда коллапсирует, она образует горизонт событий, который представляется нам «черной сферой».

— Горизонт событий? Класс!

— Да, действительно, образно. Так вот, вещество звезды продолжает сжиматься и, в конце концов, образует сингулярность в центре горизонта событий. Ученые рассматривают сингулярность как место с бесконечно большой плотностью, лишенное размеров, и тем не менее там как-то помещается сама звезда и все, что попадает туда позднее. Сократившись до нулевого объема, звезда теряет почти все свои признаки...

— И все же что такое сингулярность? — с тупым упорством задала я тот же самый вопрос.

Дмитрий взглянул на меня почти весело. Надо сказать, он уже не выглядел таким тяжело больным. Видимо, звездная тема его очень воодушевляла, а мой искренний интерес вдохновлял.

— Если заглянуть в словарь, то там сингулярность определяется как некая единственность. Видимо, от английского слова «сингл»».

— А горизонт событий?

— Горизонт событий? Горизонт событий исчезает после взрыва «черных дыр», который неминуем вследствие испарения частиц. Есть основания полагать, что сингулярность в центре остается, но теперь она будет «голой».

— Ага. Голая, то есть абсолютная единственность. Так? — уточнила я.

— Если хотите, так... Ранняя Вселенная сама вполне могла быть сингулярностью...

Мы живем в расширяющейся Вселенной, которая, согласно теории Большого взрыва, возникла примерно 18 миллиардов лет назад в результате взрыва невообразимой силы. В первые мгновения после взрыва не было ни звезд, ни планет, ни галактик — ничего, кроме частиц, излучения и «черных дыр»...

— А «белых дыр» ваш Хокинг не открыл? — сострила я.

— «Белые дыры» были уже до Хокинга, — абсолютно серьезно среагировал Дмитрий на мой, как мне казалось, игривый заход. — Горловина «черной дыры» с обратным ходом времени носит название «белой дыры».

— Как это — с обратным ходом времени?

— Значит, так. Существует возможность прохождения материи сквозь пространственно-временной туннель, связанный с «черной дырой». В астрономии туннель называется «мостик Эйнштейна-Розена». Подразумевается, что через такой туннель может пройти и космонавт, а это открывает весьма соблазнительные возможности. Если «белые дыры» есть на самом деле, то наш космонавт сможет попасть в горловину «черной дыры», аккуратно обойти стороной сингулярность (потому что иначе он исчезнет) и выйти через горловину «белой дыры». Кажется, все это нетрудно проделать — осо-

бенно до тех пор, пока не задумываешься о деталях. Во-первых, существуют так называемые приливные силы — они будут стремиться разорвать космонавта еще до того, как он попадет за горизонт событий. Но придется преодолевать не только приливные силы; у «черных дыр» скорость вращения очень высока, и когда ракета приблизится к такой дыре, она начнет вращаться вместе с ней, также и уровень радиации может быть очень высоким. Возможно, мы смогли бы преодолеть эти трудности...

— Мы? — переспросила я. — Мы с вами?

— Мы с вами, Кристина, если бы мы были космонавтами, — рассмеялся Дмитрий.

— Давайте дальше, Дмитрий. Мне нравится быть с вами возле «черной дыры» неподалеку от горизонта событий. Только... где мы окажемся, если пройдем этот чертов туннель?

— Вот! Если верить Эйнштейну, единственный ответ — в другой Вселенной. Однако не так давно было показано, что существует и иная возможность — мы можем оказаться в дальней точке нашей Вселенной. Пожалуй, такой вариант привлекательней первого.

Предположим, что нам это удалось. Пройдя сквозь горловину «белой дыры», мы выйдем в какой-то отдаленной точке нашей Вселенной. Взглянув на часы, заметим, что путешествие заняло несколько секунд. Однако если бы можно было сравнить наше время с тем, которое прошло на Земле, оказалось бы, что нас забросило на миллионы лет или в будущее, или в прошлое. Выходит, что пространственно-временные туннели — это еще и машины времени. Но, как вы знаете, одним из фундаментальных принципов физики является принцип причинности, который гласит, что у каждого следствия есть причина, и она должна предшествовать следствию. Если же пространственно-временные туннели существуют, этот принцип нарушается.

— Жаль...

Дмитрий внимательно взгляделся в мое погрустневшее лицо.

— Очень жаль, — задумчиво повторила я. — И все же вдруг окажется, что законы космоса более изощренные, чем те, которые сформулировала человеческая мысль... Тогда ваша причинно-следственная связь не окончательный приговор, он подлежит обжалованию, и можно подать апелляцию.

— Я полагаю, этим займетесь вы? — улыбнулся Дмитрий.

— И причем, в самое ближайшее время. Теперь-то я понимаю, зачем я сюда приехала. Кто кроме меня наведет порядок за горизонтом событий?! Кроме всего прочего, положительный исход моего иска объявит на Земле бессмертие. Если представить, что душа отлетает за горизонт событий... Слушайте, Дмитрий, это же классно! Смотрите, если так, то человеческой душе не надо маяться в ожидании конца времени и начала воскресения.

Ведь ей, там, за горизонтом событий, будет казаться, что прошли секунды, а на самом деле на Земле пронеслись миллионы лет, случилось второе Пришествие Христа, Бог отменил это нудное прозябание, которое называется земной жизнью, простил все грехи людям, и начался новый Эдем...

— Вы часто думаете о смерти, Кристина?

— Всегда.

— А вам не кажется это противоестественным? В вашем возрасте, наверное, не так часто встречаются со смертью.

Я неопределенно хмыкнула:

— Как говорят англичане, все зависит... Чаше, чем вы думаете. Не найдется ли у вас чего-нибудь типа зеленки?

— Хотите смазать царапины на руках? Я говорил про звезды, а сам все время думал, где это вас так угораздило. И на щеке ссадина. Может, вы драчунья и забияка?

— Может. То, что вы изучили каждую мою царапину, я заметила.

— Вам было неприятно?

— Извините, но я уже давно не делю свои ощущения на то, что приятно или неприятно. Для меня это слишком большая роскошь.

— Не живите так подробно? — согласно кивнул Дмитрий.

— Не поняла...

— Это слова Льва Николаевича Толстого из разговора с секретарем господином Чертковым. Они гуляли, Чертков ввязался с какой-то чепухой, а граф, возможно, в эти минуты обдумывал детали Аустерлицкого сражения или смерть князя Андрея ... Толстой убил на руке комара, а Чертков заметил, что это не состыковывается с теорией писателя о непротивлении злу насилием. И вот тогда Толстой сказал эту фразу.

— Не живите так подробно... — задумчиво повторила я. — Действительно. Правильно сказал товарищ граф.

— Так вы сейчас продумываете детали предстоящего сражения или отменяете закон причинно-следственной связи?

— Честно говоря, у меня в голове полная каша, — призналась я и оглядела комнату. — В этом шкафчике может быть что-нибудь дезинфицирующее?

— Посмотрите.

Я подошла к шкафчику, висящему над журнальным столиком, открыла его, достала пузырек с перекисью водорода.

— Безошибочное чутье на медикаменты, — засмеялся Дмитрий.

— Не только на медикаменты. Я вообще чуткая. Если не возражаете, я пройду в ванную.

— Ради Бога, Кристина. Может, вызвать медсестру?

— Я ее уже вызвала. Не зря же обучалась в специализированном заведении.

— Это вы там столкнулись со смертью? На занятиях по патологоанатомии? — донесся голос Дмитрия через раскрытую дверь в ванную комнату.

— И там.

Я промыла все ссадины и царапины, вернулась в комнату и заняла свое место на кровати в ногах Дмитрия. Он молчал. Просто глядел на меня и молчал. И я молчала. И просто глядела на него. И вспоминала, как много раз мы вот так молча слушали друг друга...

...Над нашими головами пальмы слегка пошевеливали разлапистой кроной. Их было много — целая роща. И воздух был густой, тягучий, почти осязаемый. К морю тянулись ряды невысоких столбиков обвалившихся колонн — они были теплые, нагретые солнцем, мы касались их, и казалось, что это они сами все еще скорбно сохраняют древнее тепло. Мы шли между колонн, навстречу вздыхало море, в ушах стоял грохот колесниц. Выщербленные колесами камни мостовой хранили следы минувшей цивилизации...

— Не перебивай меня, — попросили меня тогда его глаза. Я кивнула.

— Мы будем всегда. Мы заслужили это. Даже если когда-нибудь один из нас перестанет быть в физическом теле, останется навсегда наше молчание. Ты понимаешь, что не многим дано в молчание в такую тишину, когда знаешь, что теперь, на этой глубине, можно говорить, не нарушая молчания, уже не бояться, что сказанное слово вдребезги разобьет все, и ничего не останется, потому что каждое слово должно быть правдой о том, что содержится в молчании. Я снова согласно кивнула...

Глаза Дмитрия внезапно сделались влажными, и у меня сразу надсадно заболело сердце от той нежности, которую он дарил мне...

В нагрудном кармане его рубашки зазвонил мобильник. Я вздрогнула и стукнулась затылком о высокую спинку кровати. Словно этот звонок беспардонным нежданным гостем вторгся в наше уединение.

— Здравствуйте. Да, поднимайтесь, я жду.

Я исподлобья взглянула на Дмитрия и слезла с кровати.

— Тогда я пойду...

— Ни в коем случае, Кристина. Я специально попросил нотариуса прийти, когда вы будете здесь.

— А я просила вас, Дмитрий, не предпринимать скоропалительных решений. Мы же не успели ровным счетом ни о чем поговорить...

— Разве? — Дмитрий внезапно побледнел и, чуть задохнувшись, откинулся на подушку. — А мне казалось, что кроме «черных дыр» и «белых карликов» мы за прошедшие сутки истоптали весь мир.

Он так сказал и сам испугался. Испугался того, что озвучил недозволенное.

Тут в дверь постучали, и я, вскочив с кровати, заметалась по комнате.

— Успокойся, Кристина, — шепнул Дмитрий и проговорил:

— Войдите.

Я поспешно шмыгнула в ванную, чуть притворив дверь.

В комнату вошел человек, и сразу послышалась непонятная мне немецкая речь. Надо отдать должное Дмитрию — он говорил на этом чужом языке так же складно и красиво, как и на русском, и ему очень шло это грассированное «Р». Я заслушалась, и зеркало тотчас засвидетельствовало мою блаженную идиотскую улыбку. Какая разница, на каком языке он говорит, важно, что со мной он делит молчание, разбазаривает на меня эту роскошь и богатство, на мне теплеют его строгие глаза, навстречу мне подрагивают длинные пальцы его больших рук, мне, преодолевая болезнь, раскрывает он тайну «голой сингулярности» и считает царапины на моих изодранных руках.

«Не заходишь, Борисова, — пригрозила я зеркалу. — В тебе сейчас все всмятку. А Кристина строго-настрого велела не идти на поводу у эмоций...»

Внезапно сердце тревожно скакнуло — что-то меня насторожило в голосе собеседника Дмитрия. Я слегка высунулась из двери и обомлела. Вполборота ко мне стоял Марио. Он, конечно, существенно отличался от того Марио, который гарцевал со мной на роликах и распевал «Подмосковные вечера», но его деловой костюм и отсутствие легкомысленного кепаря козырьком назад не меняло моего бедственного положения: это был тот самый Марио. Адвокат господина Дмитрия Ламбурани.

Я попятилась. Но спасения не было, и я смирилась с безвыходностью ситуации. Зачем-то включила воду, несколько секунд, словно заряжаясь энергией, смотрела на упругую струю, затем сделала шаг...

Марио при виде меня издал странный гортанный звук, словно подавился кока-колой, и шипучая пена забурлила у него в горле. Прокашлявшись, он заговорил со мной по-немецки, отчаянно жестикулируя и темпераментно взывая к ответу. Закончив, повесил в воздухе прямо перед моим носом огромный вопросительный знак и вытер платком вспотевший лоб.

Я не перебивала его, блаженно вслушиваясь в невнятный набор слов. А потом со вздохом сожаления откинула упавшую на глаза прядь волос и, виновато улыбаясь, пояснила Марио, медленно смакуя русские слова:

— В доме моих родителей не был принят немецкий язык. Мой дед погиб на фронте, и для семьи немецкий считался языком врагов. Моя бонна была парижанкой, и с пяти лет я говорила на французском, а в гимназии все предметы преподавались на английском. Если не трудно повторить еще раз все на одном из трех, доступных мне языков, то не сочти за труд, а если это утомительно, то черт с ним. Я могу пребывать в неведении, тем более что господину Ламбурани этот сюжет может быть совсем и не интересен.

В глазах Дмитрия мелькнуло некое подобие восхищения.

— За сутки нашего общения накопилось порядочно неоконченных сюжетов, которые явно обогатили бы мою любознательность, — криво усмехнулся он и продолжил: — До появления Марио меня терзал вопрос, где вы умудрились за несколько часов обгореть, и на каком из уголков осеннего Лугано находится шезлонг, по соседству с которым под тентом расслабляются враги вашего деда. Но теперь, оказывается, ваша родная тетушка, брошенная на беднягу Марио, сходит с ума оттого, что вы, Кристина, испарились, оставив на память пару ботинок. И тут невольно приходит мысль, что вы... — Дмитрий замялся, подыскивая верное слово, но я моментально пришла ему на помощь:

— Что я авантюристка? — и трепещущим серебром прозвенел смех потупившейся инженеру.

Мне вдруг стало скучно. Перед кем я сейчас ломаю комедию?! Перед Дмитрием, который видит меня насквозь всю, до самого дна, или перед Марио, симпатягой Марио, которому вся эта бодяга не более чем досадное эпизодическое неудобство?

— Видишь ли, Марио, обстоятельства иногда складываются совсем не так, как хотелось бы, — проговорила я, тягуче растягивая русские слова и сбрасывая, как царевна-лягушка, шкурку «лирического одуванчика». — Если я сейчас попытаюсь объяснить, почему мне надо было слинять от тетушки, понадобится, как минимум, два тома англо-русского словаря и масса усилий, чтобы понять то, что пониманию не поддается. Давай так. Ничего не было. Ты, как я понимаю, адвокат господина Ламбурани. Так вот. Ты пришел в назначенное время и встретил здесь некую особу, которая протянула тебе руку и представилась: «Кристина Светлова».

Марио молча пожал мне руку, с недоумением вглядываясь в пламенеющую ссадину на моей щеке.

— Как хорошо иметь дело с умными людьми! — с чувством выдохнула я и удовлетворенно заняла место в ногах Дмитрия.

В этот самый момент зазвонил мой мобильник. Услышав голос Кристины, я чуть не сошла с ума от радости.

— Наконец-то! Ты где?

Мрачный голос Кристины пробормотал:

— Я в Париже. Извини, что так получилось. Меня только что выпустили на свободу. Я была арестована. Мобильник изъяли, и я не смогла позвонить. А из Анталии я летела ночью и не хотела тебя будить.

— Господи! А как тебя угораздило попасть в тюрьму?

Дмитрий и Марио, до этого момента делающие вид, что их уши плотно заложены ватой, встрепенулись и уставились на меня.

— Ну, не надо преувеличивать. Не в тюрьму, а всего лишь в полицию. Едва доехав до университета, я слилась в экстазе с толпой своих однокурсников. В Париже проводится студенческая забастовка. Для острастки, как это водится, кого-то надо было уволочь в полицию. Волей судеб загребли и меня. Да ладно, все это фигня собачья. Времени жаль. Что у тебя?

— Звонил твой фазер. А вообще-то давай я тебе чуть позже позвоню.

— Давай. Пойду поем. Жду звонка.

Я отключила мобильник и с довольной улыбкой оглядела притихших Дмитрия и Марио.

— Еще один неоконченный сюжет? — тихо и серьезно спросил Дмитрий.

— А вы полагаете, что в жизни хоть один сюжет бывает закончен? Это только если применить насильственные методы теории относительности. Только тогда может пригрезиться, что какой-то сюжет исчерпан. А так, обрубленные прихотью человеческой фантазии, все сюжеты висят в пространстве, и только посвященному видны их торчащие концы.

— А посвященный кто? — так же тихо спросил Дмитрий.

— А тот, кто понимает, что в этой круговерти нет ни начала, ни конца. Все и вся ходит по кругу. Понимаешь, Марио, если бы я не наткнулась на тебя и не спросила, где продаются ролики, то все равно через пятнадцать минут врезалась бы в тебя, и мы бы пили кофе и пели «Подмосковные вечера». А если бы и этого не случилось, то двумя часами позже мы бы встретились здесь. Все предопределено. Но это уже другой сюжет. Тоже незаконченный. Теперь я спущусь на перекур, а вы пока поговорите. Больше не буду вас грузить, простите меня.

Я вышла на улицу и закурила. Еще недавно ликующее синевой небо заволокло тучами. Где-то всхлипнул и рассыпался невнятным хохотом неуместный осенний гром. Я сердито вытерла рукой глаза. Уж если в природе полный раскордаш, что говорить об убогой душонке. По меньшей мере, надо было быть в бреду, чтобы дать согласие на эту партизанскую вылазку в Швейцарию. Хотя кто знал... Я думала, спущу под откос один-другой вражеский поезд, подорву склад с боеприпасами и отползу в укрытие. Но ока-

залось, что самое, что ни на есть, надежное и необходимое укрытие — то, что в эпицентре врага...

Я затушила сигарету и, не обращая внимания на начавшийся дождь, легкой рысцой потрусилась через парк.

Уже через десять минут, вымокшая, с прилипшими к голове волосами, но зато с роскошным букетом белых лилий, я снова поднялась в апартаменты Дмитрия.

— Если тебя не затруднит, Марио, теперь ты сходи на перекур. Мне необходимо десять конфиденциальных минут с господином Ламбурани.

Дмитрий укоризненно качнул головой, но мне было все равно. Когда Марио исчез за дверью, я освободила мокрые ладони от длинных стеблей лилий и, проследив, как складно вписались цветы в высокий глиняный кувшин, удовлетворенно выдохнула.

— Что такое, Кристина? Эти цветы... что это? — спросил Дмитрий, и голос его прозвучал строго и глухо. Он знал, что я сейчас скажу. И все же я сказала.

— Так уж получилось, что ты для меня... абсолютная, «голая сингулярность», Дмитрий. И я... я хочу сделать тебе предложение. Знать, что мы истоптали весь земной шар и продолжать жить как ни в чем не бывало — просто нечестно. Я думаю, мы можем пожениться завтра. Если сегодня уже не успеть... Погоди. Ничего пока не говори. Если ты мне откажешь, я умру. Сдохну, как подзаборная драная кошка от тоски и отвращения к жизни... Мне все равно, ходишь ты, сидишь или лежишь. Я тебя люблю так сильно, что даже «дыхалки» не работают... Нашими свидетелями будут Марио и Макс. Макс... он мой друг, такой, которому ничего не надо объяснять. Он завтра будет здесь. Я сейчас позову Марио, и ты ему скажешь, что он должен организовать все, что необходимо. Я сегодня каталась на роликах по городу и присмотрела белое свадебное платье. Очень простое. Без прибамбасов. Тебе понравится... — У меня вдруг сильно закружилась голова, и я села на пол. — Видишь... Я говорила. Воздуха не хватает.

Дмитрий молчал...

... Нечеловеческий, душераздирающий вопль, вибрирующий, воющий, отчаянный содрогал стекла окон гостиницы с названием, похожим на магическое заклинание — «Шеллах». Пронзительный как сирена, этот звук то затухал, то вновь нарастал, прорываясь сквозь невидимые препятствия к небу и растворяясь в вышине. От этого звука болезненно сжималось сердце — было в нем что-то извечное, словно издавна знакомое, но забытое. Я с беспокойством взглянула тогда на Дмитрия. Тихая улыбка бродила тенью по его лицу.

— Мулла с башни Тур-Хасан кричит «Славу аллаху!»

— Неужели человеческий голос способен на такое?! — поежилась я.

— Это — вера... Вера творит невозможное, — еле слышно произнес Дмитрий. — И клятва в незыблемости.

... — Клятва в незыблемости... — почти беззвучно прошептали мои губы...

Он откинулся на подушку. Сейчас его лицо напоминало восковой слепок.

Я с усилием поднялась на ноги и услышала его ровный, спокойный голос:

— Налей в кувшин воду, цветы завянут. И позови Марио.

Я налила воду, вернула кувшин на место и, закрывая за собой дверь палаты, вдруг остро почувствовала, что больше не вернусь сюда. Никогда?! Я дернулась, влажной рукой провела по молочной лайке двери, похожей на человеческую кожу, мертвую холодную кожу. Заставив себя отклеиться от двери, спустилась вниз, огляделась в поисках Марио. Его длинная фигура маячила на дальней дорожке парка. Он не видел меня, стоял спиной, задрал голову, подставив лицо под моросящий, нудный дождь. Я решительно двинулась к нему. Навстречу мне из-за угла дома выехало кресло. Огромный детина-санитар черным зонтом закрывал полулежащего больного. Я рванулась к креслу, отвела зонт. Сквозь меня глядели мутные бессмысленные глаза Ивана.

— Иван!!!

Мне казалось, что я кричу, а на самом деле лишь безуспешно мычала в широкую жесткую ладонь санитара. Я пыталась вывернуться, отпихнуть навалившуюся на меня груды мышц и жира, но все мои усилия были не более чем жалкие трепыхания мухи, залипшей на смертельной липучке. Последнее, что я помню, это удар по голове... Потом я провалилась в «черную дыру»....

Очнулась я от собственного надсадного кашля. Несколько секунд не могла даже сглотнуть слюну — в горле от сухости драло так, словно кто-то прошелся наждаком. Открыть глаза тоже стоило немалых усилий — казалось, веки прилипли, и отодрать их было невозможно. С закрытыми глазами я лихорадочно попыталась восстановить в памяти, что же все-таки произошло...

Меня ликвидировали. Как ликвидировали Ламбурани-старшего, лишили возможности двигаться Дмитрия, отрезали от мира Ивана, чтобы изолировать меня от возможной реальной помощи... Оказывается, я, по досадному недоразумению наделенная внешностью Кристины Красновой, давно находилась «под колпаком». Я жила себе, не подозревая, что рядом зреет

план, хладнокровно и цинично сочиняется сценарий, где мне отведена главная роль. Вернее, главных ролей было две. Расчет строился на нашей с Кристиной одинаковости, мы были как бы Принц и Нищий. Я провожала в последний путь олигарха Владимира Ламбурани, и ставка на мою актерскую суть оправдалась. Пленку отправили обреченному сыну, которого надо было убедить в том, что есть, кому наследовать папенькины миллионы. Подвела белобрысая Кристинка... Кто бы мог предположить, что в крови этой ученой зануды бешеным прибором забурлит и вздыбится протест, равный всемогущему цунами. Прикидываясь послушной дочкой, она хорошо знала цену своему отцу, не сомневалась в том, что ее прихлопнут, как прихлопнули Ивана, меня, Дмитрия — или насмерть или до растительного существования. Кристина с помощью какого-то, как она выразилась, надежного человека сумела проникнуть в мою квартиру и поначалу просто запугать меня, чтобы я не впутывалась в дела только что открытого Игорем Анатольевичем крематория. Подкинула траурную вуаль, выставила рюмочку водки с засохшим кусочком хлеба. Надеялась, что я дам обратный ход, не явлюсь на похороны Владимира Ламбурани... К сожалению, я оказалась крепким орешком.

— Почему ты сама не хочешь полететь в Лугано? — спросила я тогда Кристину, в полуобморочном состоянии выслушав все, что она мне рассказала.

— Нельзя. Мне надо быть на виду у отца. У него бешеная интуиция. Я могу находиться в Москве, в Париже, где угодно, но только не в Лугано.

— Но ведь это очень опасно. Я все равно поеду туда — не Женей, а Кристиной. Если за Дмитрием ведется слежка, о моем приезде узнают...

— Никакой слежки не ведется. В его положении он безопасен. Если ты будешь вести себя смиренно, не вызывая к себе интерес, даст бог, все обойдется...

Не обошлось... Кто знал, что в луганскую клинику ссылали жертв этой чудовищной аферы. Кто знал, что я встречу на дорожке парка обезличенного Ивана... Кто знал...

Я с трудом разлепила глаза и огляделась. Руки, как ни странно, были на свободе, во рту не торчал кляп, значит, те, кто меня «вырубил», не боялись ни моих воплей, ни попытки к бегству.

Комната, в угол которой меня «складировали», была большой и светлой. На окнах чернели решетки, тройные стеклопакеты надежно нейтрализовали любые шумы. По какому-то дикому недоразумению на казенном подоконнике торчал из засохшей земли глиняного горшка гордый, но уже подсыхающий ярко-малиновый гиацинт.

Мысленно сравнив собственную участь с несчастным, но все равно прекрасным узником, я попыталась подняться.

Карабкаясь по стенке и преодолевая головокружение и тошноту, я добралась до двери. Дверь была явно железная, обитая толстым дерматином. Изящная ручка, на которую я налегла всем телом, конечно же, не поддалась. Все правильно. Это в российских детективах борцы за справедливость мучаются в грязных подвалах и на захламленных чердаках, а тут вон даже компьютер на фирменном офисном столе и агрегат с очищенной водой. Только бы добраться до противоположной стенки, подставить пластмассовый стаканчик под струю воды и избавиться от непереносимой сухости во рту... Я попыталась встать на ноги, но в глазах сразу потемнело, стены комнаты накренились и стали складываться, как в игрушечном картонном домике, а в голове точно помчался со свистом и грохотом груженный товарняк. Отложив попытку добраться до воды в вертикальном положении, я начала передвигаться на четвереньках. Голова по-прежнему звенела, но теперь звук уподобился повизгиванию подмосковной электрички. Одолев несколько метров, показавшихся мне километровой дистанцией, я, отдышавшись, вступила в единоборство с аппаратом для воды и вскоре получила в дрожащие, непослушные руки разовый стакан. Опорожнив залпом два стакана, третий я употребила для того, чтобы умыться и полить ноющую макушку струйкой холодной воды. Стало легче.

Я еще раз, уже более внимательно, с пристрастием, оглядела комнату. Видимо, это было что-то типа офиса. Возможно, за этим компьютером работал менеджер клиники или дежурный ординатор. Вдоль стен стояли запертые офисные шкафы. На втором рабочем столе, вплотную притиснутом к компьютерному, располагались высокие вертикальные папки и многоэтажные лотки, забитые толстыми тетрадами, стопками бумаг и разной канцелярской белибердой. В плетеной корзине под столом на дне валялся скомканный кусок бумаги. Это был единственный штрих, дающий понять, что здесь недавно работал человек. Возле двери находился встроенный шкаф, створки которого были прикрыты не полностью. Не исключено, что там хранилась какая-то рабочая одежда и, возможно, что-то для уборки — пылесос или ведро с тряпкой...

В окно застучали крупные капли дождя. Я с тоской проследила за растекающимися по стеклу струйками и подумала: «Только бы уцелеть... Выписаться без существенных последствий из этой психушки... Да я бы... Я бы тогда с упоением изучала каждую лужу, каждую былиночку, каждую пушинку с тополя... Я бы жила этим и радовалась, радовалась всему, что живет и меняется...»

Острый приступ жалости к себе накрыл с головой. Они могут сотворить со мной все что угодно. Если бы сразу убили, было бы милосердней, чем мучить так, как они мучили Ивана. Ведь когда он позвонил и сказал, что летит в Сочи, кто-то уже диктовал ему эти слова. Кто-то тяжело и надсадно дышал ему на ухо, угрожал и запугивал. Как странно, что именно этому рейсу суждено было погибнуть от рук террористов. Наверное, в это время его переправляли в Луганск... Не клиника, а какой-то накопитель жертв извращенного плана Игоря Анатольевича. Ах, черт, что же делать?! Меня вдруг точно ошпарило. Мобильник! Я сунула руку в карман джинсов и язвительно рассмеялась, обнаружив, что, конечно же, его нет. Так бы мне его и оставили! Еще хорошо, что сумка у Дмитрия в палате. Хотя что в ней, в этой сумке?! Только деньги и косметичка. Билет на самолет и документы в гостиничном сейфе. А ключ от номера?! Да, ключ я сдала, это я помню точно. Тогда пожилой портфель скользнул своим понимающим взглядом по моей ссадине на щеке и, чуть прищурившись, почему-то одобрительно кивнул, будто с этой ссадиной я приобрела невероятный шарм Мэрил Стрип и обворожительную сексуальность Шарон Стоун...

Итак, они не знают, где я живу, но в их руках мой мобильник. А это равнозначно тому, что им теперь доступна вся моя жизнь. Все телефоны, все знакомые, друзья и, главное, враги... Не стертые сообщения и эсэмэски. Теплилась слабая надежда на то, что после разговора с Кристиной я могла машинально выключить телефон. Иногда я так делала. Тогда понадобится пин-код, и они не смогут влезть в мобильник. Могла, конечно, оставить телефон в палате, на тумбочке рядом с Дмитрием, но это вряд ли. Господи! Что же делать?! Ждать и надеяться на чудо?!

Я лихорадочно выудила из-под рубашки цепочку с крестиком, поцеловала его и вполголоса принялась бормотать единственную молитву, которую знала — святителю Николаю. Чуда не произошло, но стало легче, и железнодорожный транспорт перестал совершать перегоны в моей несчастной черепашке. Я выпила еще один стакан воды, полила поникший цветок на подоконнике и добралась до стенного шкафа. Шкаф оказался даже не шкафом, а малюсенькой кладовкой, где были свалены какие-то коробки, стояли швабра и сложенная раскладушка. Из кладовки еще одна дверь вела в крошечный туалет с умывальником... На вешалке висели два белых врачебных халата.

Я выволокла раскладушку, чертыхаясь и передыхая после каждого усилия, разложила ее и с наслаждением вытянулась на мягком, уютном матрасике. Глаза моментально слиплись, и я, прошептав еще раз молитву, провалилась в глубокий сон...

Во сне я плакала. Плакала от благодати и восторга. Передо мной лежал огромный, дышащий океан. Волны с грохотом швыряли себя о скалы, разлетались на тысячи свинцовых брызг и с тяжелым вздохом собирали песок и мелкую гальку. Мне было не по себе оттого, что я словно подсматривала за тем откровением, которое свершалось на моих глазах. Всякий раз казалось: вдруг этот шторм увенчается победой, вдруг поднимется волна до небес, защитит от чужого мира свою невысказанность, называемую так просто — водой, и застынет навсегда, зеленым витражным светом, изогнувшись в стремлении достать до солнца...

А потом точно на всем белом свете выключили свет, и чернота внезапной ночи потянулась, обволакивая своей невесомой бесплотной тканью... Стремительно упала с неба звезда, мгновенно погасив за собой чиркнувший след, утихли, смирившись, волны и тревожным вздохом отозвалось набрякшее небо.

На покорившейся поверхности воды появилась хрупкая тень человека и заскользила, как по суше. Заструился фосфорической дорожкой свет, льющийся из глаз человека и, отражаясь, осветил гибкое тело, тонкие запястья, лохматую голову, холщевую котомку, висящую на плече...

— Отче Николае... дедушка... — шепнула я пересохшими губами.

— Иди... — услышала в ответ.

И, не задумываясь, ступила на поверхность воды.

Это оказалось совсем просто — шагать по воде, как по суше. Просто и здорово.

Мятежное, восторженное чувство разрасталось, и грудная клетка была уже не в силах его удержать. Этому новому чувству надо было выйти наружу, оно теснилось, раздвигало ребра, двигало внутренности — точно лепило из меня какую-то новую форму...

— Болит? — Его ладонь легла на ноющую макушку.

— Точно моей головой играют в футбол, — пожаловалась я.

Он напоил меня, как всегда, и дольше обычного не отрывал своей руки от моей маковки.

— Не хочу назад. Позволь остаться с тобой, — сдернув с головы его сухую ладонь, попросила я.

— Еще не время, — услышала его шелестящий родной голос. — Надо потерпеть...

— Я готова. Готова терпеть, чтобы он был счастлив. Но меня могут убить. А он... Он болен... И потом... Я хочу спросить...

— Все ответы в твоём заточении, девочка. Господь с тобой. Ничего не бойся.

Он начал таять в моем подступающем пробуждении. Я дернулась ему вслед и уже издалека услышала:

— Ничего не бойся, девочка. И запомни: скомкать — не значит выбросить...

...Я резко села на раскладушке, свесила ноги, с опаской повела головой, дотронулась до макушки. Ничего не болело, голова не кружилась, исчезла противная тошнота. Уверенно добравшись до стола, я зажгла настольную лампу, подошла к окну и глянула вниз. Этаж, где я находилась, был третий или четвертый. Выходило окно, видимо, чуть сбоку от главного входа. Хотя все эти подробности моего местонахождения не имели ровным счетом никакого значения, выбраться отсюда все равно не было никакой возможности. Я посидела в кресле, тупо рассматривая затейливую железную решетку на окне, и тут в двери заскрежетал ключ. В одно мгновение я покрылась холодным потом, от страха потемнело в глазах. Повинуясь какому-то инстинкту, я проворно сползла с кресла и уселась на полу в том самом углу, куда меня скинули.

В дверном проеме возникла приземистая мужская фигура. Не глядя на меня, мужчина молча поставил на стол поднос и удалился, плотно прикрыв дверь и повернув ключ.

Немного отдышавшись, я проследовала к подносу с едой, с удовлетворением отметив, что убивать голодом меня не собираются. Под хрустящей от чистоты салфеткой оказалась тарелка с салатом, горячая отбивная с рисом и стакан апельсинового сока. Удивляясь тому, что тяжелый стресс никак не повлиял на мой аппетит, я быстренько смела все с тарелок, осуждая в глубине души европейскую кухню за абсолютное отсутствие хлеба вдобавок к салатам и горячим блюдам. Откинувшись на спинку кресла, вытерла губы.

Интересно, что сейчас делает Дмитрий? Наверное, поднял на уши всю клинику. Хотя... Если учесть, что здесь орудует целая банда, не исключено, что его тоже вырубил. И его, и Марио. А, может, все совсем и не так. Может, он посчитал, что я передумала выходить за него замуж и спаслась бегством. А ему это только на руку. Он ведь не ответил мне согласием на мое предложение...

Тогда никто меня не ищет, никому я не нужна.

Я с внезапным ожесточением запихнула обратно готовый прорваться на свободу горестный жалостливый всхлип. А то мне неизвестно, что человек в этом мире беспросветно, безвыходно одинок! Уж к этому глубинному знанию я была приобщена с первых мгновений своей жизни. И считаю, что мне здорово повезло. Приспосабливаться к одиночеству, теряя самых род-

ных и близких, — крест неизмеримо тяжелей, чем сиротство с младенчества. Наверное, Бог пожалел меня и лишил комплекса ущербности. Я никогда не хотела, чтобы меня удочерили, никогда не заглядывала заискивающим, лишенным достоинства взглядом в глаза взрослым, никогда не ждала чуда появления родителей. «Ты — настоящий боец, Борисова», — с чувством жал мне руку Макс, когда в очередной раз я отказывалась участвовать в отборочных смотрах перед потенциальными родителями.

Какое-то время я тупо разглядывала матовый экран компьютера. Потом, прикинув, через какое время могут вернуться за грязной посудой, раз уж здесь такой немислимый сервис, включила компьютер. Войдя в проводник, сразу нашла то, что искала: папку с файлами историй болезни. Пробежала список по фамилиям. Переладов в списках отсутствовал, зато Ламбурани открылся сразу. К сожалению, все заключения были записаны на непонятном мне немецком. Зато результаты анализов сообщались в интернациональных цифрах. Пробежав столбики чисел по биохимии крови Дмитрия, я в недоумении пожала плечами.

Оторвавшись от компьютера, по шестизначному номеру файла нашла в шкафу папку с пометкой «Ламбурани». Ленты кардиограмм и многочисленные пленки с рентгеновскими изображениями внутренних органов Дмитрия вывалились на стол. Какое-то время я с нежностью и тревогой изучала контуры его легких, позвоночника, полушарий мозга, разбегающихся окружностей ребер... Руки тряслись от переполнявшего меня, трудно поддающегося определению чувства. Точно проникнув в тайны его физиологии, я находилась в интимной близости с ним. Это было похоже на бред. Мои щеки горели от возбуждения, сердце совершало олимпийский забег, колени тряслись и отказывались служить, в голове ухало и стонало гулким эхом полуночного филина, а живот сводило сладкой судорогой ожидания близости. И вдруг непредсказуемый мозг просигналил: моя женская природа отныне и навсегда обречена на единственность. Не принадлежать, не отдавать себя, а с-л-у-ж-и-т-ь всей своей плотью, разумом, чувственно, стойко, без поддержек, без гарантий на успех и благодарности за мужество. Да, вот так, без надежды на взаимность, с варварской безоглядностью и без малейшей надежды на спасение... Возможно, оно пришло ко мне, самое трудное испытание — признаться в осознании конечной цели данного свыше пути.

Живой или мертвый, здоровый или смертельно больной, вменяемый или лишенный разума, спасающийся от меня бегством или обреченно принимающий мое служение, терпеливый или разъяренный — все это не входит в окончательность приговора. Это не подлежит обсуждению. Абсолютная,

голая сингулярность! Мне кажется, мы уже давно прошли горизонт событий, и «черная дыра», отняв счет времени, даровала бесконечность. Но как истинный великий дар всегда требует взамен чудовищной работы души, так и мне полагалось выстрадать, вымучить, заслужить любовь...

«Наевшись» до отвала близостью с Дмитрием, я мобилизовала все полузабытые медицинские знания. С досадой подумала о том, как верно соображение, что все, за что берется человек, должно быть реализовано до дна. Нельзя бросать начатое. Судьба всегда вырулит на то, что ты не доделал, не домыслил, не доосуществил. Если за что-то берешься — это своего рода подсказка свыше. Моим дипломным спектаклем была арбузовская «Таня», и всякий раз, играя эпизод, где Таня борется за жизнь сына, погибающего от дифтерита, где проклинает себя за то, что именно этих институтских конспектов у нее нет (по легкомыслию и лени именно лекцию по дифтериту прогуляла, а потом не удосужилась восполнить), у меня ныло и переворачивалось сердце от невозможности исправить совершенную ошибку масштабом в упущенную жизнь ребенка. Ох уж, эти гримасы судьбы! Никогда нельзя расслабляться, уповая на милосердие Господне. Не бывает его, этого милосердия, бывают лишь случайные совпадения, этакие игры Князя мира сего с беспомощным и слепым, как новорожденный котенок, человеком. Как бы гордо это не звучало! Кстати, с монологом Сатина я поступала в театральный.

Я вспомнила себя на первом туре, когда, нахально задрав узкий подбородок и от зажима превратившись в агрессивную бестию, я набросилась на жюри чуть ли не с кулаками и грозным, рокочущим басом поведала новость о том, как гордо звучит «человек». В состоянии такого же экстаза, близкого к припадку, сообщила о том, как подлая лиса сожрала сыр у бедной вороны, и, вытерев рукавом мокрые от слез глаза, хрипло пригрозила членам жюри, что еще могу прочесть монолог Гамлета. Монолог я буквально накануне заучила с экрана видеокассеты. Перед глазами всплыл светловолосый Смоктуновский с развевающейся на ветру негустой шевелюрой, и я в ожидании согласия жюри поспешно выдернула из хвоста резинку и растрепала волосы. Согласия не последовало. Возможно, оттого, что я объявила, что мне нужно в руки некое подобие шпаги, ибо надо же чем-то пронзить тело ненавистного жирного Полония. Шпаги не дали, зато пропустили сразу на последний тур, пожелав услышать что-нибудь из женского репертуара, на что я снисходительно обронила: «Ну, если для вас крыловская лисица — мужчина, то, пожалуйста, я сумасшедшую Офелию выучу».

Перед конкурсом я, встав пораньше, нарвала в городском парке охапку разных цветов. Из одуванчиков сплела венки и сразу же водрузила на

голову. К моменту моего появления на конкурс одуванчики изрядно подвяли, но в этом даже был определенный шарм.

Перед жюри предстала бледная от детдомовских харчей Офелия с распущенными лохматыми волосами и падающими на лоб безжизненными одуванчиками. Охапку полуживых цветов я ловко распределяла между членами комиссии, и это дело так отнимало все мое внимание, что вызубренный текст я хрипло тянула, как кота за хвост, как не относящийся к делу. Цветы валялись из рук, я их собирала с пола, одновременно рвано проговаривая слова своей безумной героини. Еще подлый веночек все время съезжал набок, поэтому приходилось откладывать цветы и поправлять его, а когда в самый ответственный момент он закрыл мне глаза, я в бешенстве сорвала его и, прицелившись, нанизала на стоящую перед жюри настольную лампу. А когда обнаружила, что не все цветы розданы, а уже пора заканчивать, я затянула басом «Веселый мой Робин мне всех милей» и, нелепо кружась по залу, дошкандыбала до распахнутого окна и разом вывалила букет на головы прохожим. Тут же сообразив, что кому-то из пешеходов это не понравится, я, не прекращая петь, захлопнула окно и, вернувшись к столу жюри, радостно пропела, глядя им в глаза: «И все христианские души, я молю Бога. — Да будет с вами Бог!» А потом, не переводя дух, деловито поинтересовалась: «Это то, что вы хотели? Из женского репертуара?» И, присмотревшись к лицам педагогов, недовольно добавила: «По-моему, я вас больше рассмешила, чем взволновала».

— Ты нас порадовала, — поспешно успокоил меня главный дядечка, смахивающий на пожилого жениха героини из «Кавказской пленницы», — мелодия-то для песни Офелии знакомая до боли.

— А чего ж она должна быть незнакомой? Это из «Семнадцати мгновений». Хорошо легло, правда?

... «У тебя, Борисова, запоздалое развитие», — озадаченно чесал затылок Макс, напарываясь на мой наив и детскую непосредственность. Откуда мне было знать, что это-то и оказалось самым ценным для актерской профессии. Уже позже один из педагогов вспоминал мою «песнь безумной Офелии». Оказывается, то, что для меня, занятой лишь тем, чтобы добросовестно распределить между членами жюри цветы, а потом избавиться от остатков, было самым главным, а текст рождался как бы между прочим, рвано, бездумно — произвело огромное впечатление. То, что я интуитивно с легкостью придавала значение только сценическому действию, было важнейшей частью системы Станиславского. На обучение именно такому существованию педагоги тратили месяцы занятий по мастерству актера.

— Ты, Женя, как кошка. Тебя переиграть невозможно, — посмеивался худрук нашего курса, знаменитый актер вахтанговского театра. — Вот только с эмоциями надо учиться справляться — партнеры жалуются... Твоя маленькая разбойница в «Снежной королеве» оставляет синяки и ссадины. И ручонка, говорят, тяжелая. Не по росту и весу.

— Ну, прям, справляться! — возражала я. — Я же вижу, что когда Герду не по правде щиплю, она наигрывает как зверь, что ей больно. Или в сцене с атаманшей. Когда я ее от души по плечу огрела, она аж присела. Даже разбойники зашлись от восторга. А то стоят, как египетские пирамиды...

... Я тихонько рассмеялась пришедшим воспоминаниям. Какое было упительное, трудное время! Как празднично и просторно было на душе! И как больно оттого, что все ушло. Ушла в прошлое актриса Евгения Борисова, а взамен явила себя миру подонков и хапуг плакальщица криминального крематория. Ужас! Просто ужас! Как же ты дошла до жизни такой, Жека?! Что называется, докатилась... Ах, как прав был кореш Свободин! Стоп! Но ведь не будь всего этого, я бы могла проскочить мимо своей судьбы... Не появись убиенный Галактионыч, не возник бы Дмитрий, не обозначились бы, наконец, в моей убогой жизни смысл и предназначение.

Воистину, жизнь — это хитроумный клубок ложных ходов и истинных обретений, баланс на проволоке, которая туго натянута над пропастью собственного бытия. И чтобы не рухнуть в эту бездну, не потонуть в зловонии единственной, отданной якобы тебе в руки мутной, как усмешка сатаны, субстанции, чтобы не наложить на себя руки от отвращения к ней, надо молиться Богу и, во что бы то ни стало, подобно золотоискателю, найти доступ к залежам мужества. А что еще способно удержать на проволоке? Я всегда преклонялась перед точностью профессии циркача. Пот заливает глаза, надкушенная губа с привкусом крови растягивается в неременной улыбке, распластанная ступня скользит по тонкой, въедливой и опасной, как край жизни, проволоке, страх подчиняется неотвратимости, и болезненными ударами в подреберье сердце кует, отливает из слитка мужества изящное изделие высокого мастерства. Цирк — это высший пилотаж, это безусловная победа человеческих возможностей над циничной усмешкой жизни.

Со мной на курсе училась Динара Сулейманова, черноглазая, веселая, гибкая и упругая, как ивовый прутик. Мы делили с ней комнату в общежитии, и только мне одной была доверена тайна ее жизни. Динара скрывала от педагогов, что она — воздушная гимнастка и работает в московском цирке. Я прикрывала ее всяческим враньем, когда она прогуливала лекции в день выступлений, а когда удавалось попасть в цирк к ее номеру, с замиранием сердца следила за полетами Динары под куполом. Впервые увидев ее выступление, вечером за чашкой чая я спросила, как ей удастся преодолеть страх.

— Не всегда удастся. Иногда прихожу на разминку перед спектаклем, поднимаюсь вверх и плачу от страха и ужаса, — ответила Динара, облизала липкие от варенья пальцы и скривила рот в улыбке, от которой я похолодела.

Уже потом, встретившись с Иваном, я обнаружила такую же кривую полуулыбку человека, только что обманувшего смерть. Точность — это тоже было заложено непременным условием для выживания в каскадерской профессии Ивана.

... Компьютер мигнул высветленным экраном и погас. Я пошевелила «мышкой», вернула на экран столбики цифр с анализами крови Дмитрия, полистала историю его болезни, вернулась на рабочий стол и обнаружила еще одну папку с файлами историй болезней. На этот раз фамилий не было, а шел перечень каких-то шестизначных цифр. Сверив одно из шестизначных чисел с номером папки, которую нашла в шкафу, я попыталась открыть файл, но напоролась на предложение ввести код. Я задумалась. И так, это еще одна история болезни Дмитрия, и она закодирована. Странно... Здесь что-то не так. Так же, как и в результатах обследований. Мобилизованная память вернула в мое распоряжение информацию о том, что я изучала в медицинском заведении. Все цифры анализов были настолько зашкаливающими, что практически это было несовместимо с жизнью.

Я просмотрела лежащую на столе папку, пытаюсь обнаружить хоть какую-нибудь подсказку кода, но ничего не обнаружила. Возможно, паролем являлось что-то скрытое в неведомом для меня немецком тексте. Черт! Еще никогда я так обостренно не чувствовала дикого преклонения перед полиглотами.

Я откинулась на спинку кресла. Думай, Борисова, думай, для того тебе даны мозги! Оттолкнувшись ногами, я проехала в кресле на середину комнаты, покрутилась вокруг себя на легких колесах. В голову лезла всякая чепуха. В кашеобразной мешанине последних событий высветилось лицо «Плоскодонки». Ей уж скоро рожать... И что ждет ее Тибальда и Джульетту?! Безотцовщина... На убогую балеринскую пенсию ей и себя-то не прокормить! А тут два разинутых клювика народившихся птенцов! Нет, Борисова, надо выбираться отсюда любой ценой. Без меня «Плоскодонка» пропадет, это точно.

Продолжая сидеть в кресле, я сделала несколько кругов по комнате, и тут мой взгляд зацепился за мусорную корзину под компьютерным столом. Что-то невнятное зашевелилось, заработало в мозгу. Я прикрыла глаза, прислушалась к себе. Перед глазами из тумана возникла невесомая фигура святого Николая, легким порывом ветра прошелестел его голос:

«Запомни, девочка, скомкать — не значит выбросить...» Я дернулась, вылезла из кресла, как следует приложившись травмированной головой об угол стола, нырнула к мусорной корзине и, извлекая оттуда скомканную бумагу, разгладила ее... Прочла написанный печатными буквами английский текст: «Напиши на салфетке нужный номер телефона. Осторожно!» А в самом углу стоял странный знак "*".

Секунду я оторопело глядела на бумагу, затем стремительно запихнула ее в карман джинсов, придвинула кресло к столу, расправила лежащую на подносе салфетку, микроскопическими цифрами нанесла карандашом телефон Кристины, потом, повинувшись какому-то неясному импульсу, достала из ящичка ластик, стерла и написала номер мобильного Макса. Тщательно сложила салфетку и подсунула ее под грязную тарелку. Сердце выпрыгивало из груди, совершая по двести ударов в минуту. Мысленно проговорив молитву святителю Николаю, я ввела в рамку с надписью: «Введите код» кавычки, звездочка, кавычки. С изумительным послушанием открылся файл новой истории болезни Дмитрия Ламбурани. Я нашла столбики цифр с результатами анализов и с облегчением выдохнула. Картина оказалась совсем другой. Резко сократилось количество лейкоцитов в крови, упала цифра СОИ, чуть ли не вдвое уменьшились показатели билирубина и до нормы поднялся гемоглобин. Таким анализом мог позавидовать каждый здоровый человек. Значит, та, другая информация, не что иное, как подстава. И, конечно же, Дмитрию известны его «обескураживающие» анализы. Человека с таким мощным интеллектом и, соответственно, с немыслимой фантазией подобное знание может довести до полного и окончательного приговора. «Я скоро кончусь, а ты будешь жить...» — услышала я взволнованный голос Дмитрия. Сколько же людей участвует в этой подлой игре?! И все из-за какого-то несчастного миллиарда долларов! Как будто они вечны и никогда не окажутся перед ликом Божьим на Страшном суде. Мой кореш Макс объяснил мне как-то суть Страшного суда.

«Понимаешь, Борисова, в жизни все мы подчас ведем двойную игру. Кого-то обманываем, против кого-то, даже если это и не самые далекие люди, совершаем дурные поступки, надеясь, что никто ничего не узнает... А ТАМ, по ту сторону бытия, все всем становится известным. Думаю, что евангельская истина «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» как раз и есть Страшный суд. Все всё знают друг о друге. Кто что замышлял, кто что говорил за его спиной, кто кого обманывал — всё становится понятным. Думаю, это и называется «гореть в огне» или «жариться на сковородке». Ради такого финала имеет смысл вести праведную жизнь. Или, если уже

поздно, прийти к бабушке с раскаянием...» От этой мысли я вдруг похолодела, и «мышка» чуть не вывалилась из онемевших пальцев. Если я отсюда не выберусь, Дмитрий никогда не узнает, что я обманывала его. Что никакая я не Кристина Краснова, а самая обыкновенная Женька... Только и ждать мне его там, за чертой жизни, окажется совсем недолго. Никто ведь не скажет ему, что его привезли сюда не на лечение, а на самое подлое «залечивание». И что на самом деле он жутко здоровый человек, если вопреки медленному медикаментозному и психологическому убийству все еще жив и думает о «черных дырах» и «горизонте событий».

Он меня простит, конечно, простит. Если «Бог есть любовь», он не может не простить. Но про это нельзя думать. Надо, чтобы я сумела выбраться отсюда, и он простил меня на этом свете, чтобы мы жили еще много лет долго и счастливо и умерли в один день.

В конце концов мое положение не так ужасно, если кто-то оставил для меня в корзинке скомканную записку.

В замочной скважине послышался звук вставляемого ключа. Я быстро выключила компьютер, соскользнула на пол и смиренно заняла место в том же углу, куда меня свалили.

За посудой пришла пожилая женщина, напоминающая фигурой комод на тонких ножках. Ее лицо с тремя подбородками покоилось прямо на плечах — видимо, при конструировании материала на шею не хватило. Лицо дышало благодушием и покоем.

— Простите, мадам... мне бы хотелось узнать... — робко вякнула я, приподнимаясь с пола.

Женщина, не глядя на меня, усиленно затрясла тремя подбородками и, поспешно прихватив поднос, с удивительной для ее комплекции проворностью исчезла за дверью. Робкая надежда на то, что она не закроет дверь на ключ, не оправдалась. Видимо, та пауза, которая возникла после ее исчезновения, понадобилась на то, чтобы поставить на пол поднос и освободить руки.

— Господи, сделай так, чтобы салфетка попала в руки того человека, который поможет мне, — несколько раз прошептала я, усиленно осеняя себя крестом.

За окном раздался тревожный звук сирены и скрежет тормозов.

В одну секунду я взлетела на подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу, мысленно уже прикидывая, каким тяжелым предметом должна буду разбить стекло, окажись внизу полицейская машина. К моему великому разочарованию, это оказалась «скорая помощь». Носом машина уткнулась прямо в здание. Видимо, там была дверь приемного покоя.

Какое-то время я пыталась разглядеть, не появится ли рядом с машиной кто-нибудь из людей. Но никого не было...

Тем временем в больничном парке зажглись фонари. Унылый желтый свет снопами валился на кустарники и газоны. То, от чего я пришла в восторг в Лугано после промозглой ноябрьской Москвы, теперь почему-то показалось пошлым и вульгарным. Наверное, у природы, как и у человека, существует достоинство возраста. И, возможно, осени не подобает рядиться в яркую зелень и цветочное изобилие, а гораздо естественней мужественно шуршать под ногами прохожих желто-красной листвой и стойко обнажать мосластые стволы и ветви. Я вспомнила ручейки седины в иссиня-черных волосах Дмитрия, и сердце тотчас совершило головокружительный кульбит. Нет, нет и нет! Не может быть, чтобы судьба, провидение и как там еще, черт его знает, короче, не может быть, чтобы та сила, которая крутит и вертит нами, сплетает и раскручивает сюжеты и отношения, только сподобилась на то, чтобы показать мне, ради чего она же вытащила меня в жизнь. Такое даже для нее — бездарно и непродуктивно.

Я спрыгнула с подоконника, вытянулась на раскладушке и попыталась сообразить, сколько времени меня держат в заточении. Сейчас поздний вечер. Вырубили меня около четырех. Узкой противной змейкой опять прошмыгнул в меня животный знобкий страх. Я нервно поелозила по раскладушке и приказала себе вполголоса: «Стоп, Борисова, все не так безнадежно. Тебе помогут. Возможно, уже сейчас помогают... Надо думать о тех, кому хуже. А таких полмира...»

На ум опять пришла Динарка Сулейманова. Вот уж, кому сейчас несладко... Два года назад на репетиции нового номера она получила серьезную травму позвоночника и теперь, с трудом переваливая на непослушных ногах свое совсем недавно изумительно гибкое, совершенное тело, прозябала у матери в поселке под Краснодаром. Писала мне отчаянные, полусумасшедшие письма... Если, даст бог, все обойдется.... я попрошу у Дмитрия незначительную для него сумму денег и отправлю Динарку в Швейцарию. В Женеве есть клиника, в которую с горнолыжных курортов привозят мешок костей, и врачи заново делают человека. Я излазила весь Интернет и имела самую полную информацию об этой клинике. Год назад, получив за съемки клипа приличные деньги, я отправила Динарке в подарок мобильный телефон и вскоре впервые за долгое время услышала ее лишенный какой-либо энергетики тусклый голосок.

— Динарка, ты, пожалуйста, держись, — изо всех сил преодолевая острую жалость, бодро проговорила я. — Поверь мне, еще не вечер. Просто сейчас все упирается в это дерьмовое бабло. Но я найду деньги,

я тебе обещаю. Сделают тебе необходимую операцию, и будешь, как новенькая. Эти придурки, которые тебе сейчас три копейки платят на восстановление здоровья, еще в ногах валяться будут, чтобы ты снова сиганула под купол. А мы им — фиг с маком. Найдем другую работу, не такую пыльную. А то даже у слонов аллергия на опилки.

Динарка невесело поддакивала, и я понимала, что она не верит ни одному моему слову. Все правильно. Я бы на ее месте тоже не верила. Ей, с трудом сводящей концы с концами на мизерное пособие по инвалидности и нищенскую зарплату матери, лишь в сказочном сне могут присниться сто тысяч долларов. Такую сумму, по рассказам охранника Николая, Игорь Анатольевич выделил Кристине по случаю окончания магистратуры... Впрочем... если самой сесть на хлеб и воду, то за два года моя зарплата в крематории составит приблизительно столько, сколько необходимо Динарке...

Подсчитывая в уме столбиком необходимые суммы, я не заметила, как заснула.

Разбудил меня скрежет ключа в двери. Не успев слезть с раскладушки, я застыла на месте, свесив ноги и протирая кулаками заспанные глаза. В комнату вплыл вчерашний «комод на тонких ножках» с подносом. Весь ее накрахмаленный неприступный вид говорил о полном запрете на какое-либо общение. Оставив на столе поднос с завтраком, она, не удостоив меня взглядом, удалилась.

Какое-то время я тупо сидела на раскладушке, приводя в порядок мысли. Странно, что никакой паники я не ощущала, кроме какого-то очень конкретного смутного беспокойства.

Наскоро сполоснув лицо, я откинула салфетку на подносе и с лихорадочной поспешностью обследовала все, что там находилось. Никаких знаков от моего неведомого адресата не было. На сей раз на блюде лежала симпатичная булочка, посыпанная кунжутом, и гренка с сыром. Запивая свежайшую творожную запеканку молоком, я подумала, что, используя богатый опыт русских революционеров, вполне можно было написать молоком целое послание. Вспомнились кадры какого-то кино застойных времен, где Ильич из тюрьмы посылал тексты своих воззваний, написанные гусиным пером, которое он окунал в чернильницу из хлебного мякиша. Я решила проверить, каково было вождю мирового пролетариата. Слепила из булочки подобие чернильницы, налила туда молока, свернула из бумаги тугой жгут и накарябала на листе несколько слов. Убедившись, что гусиным пером дело пошло бы продуктивней, отправила в рот чернильницу и заела все это безобразие густой овсяной кашей. Все равно моему предполагаемому адресату, не изучавшему историю КПСС по художественным кинолентам,

не придет в голову поднести к огню якобы чистые листы бумаги и прочесть проступившие слова...

В окно светило разнузданное осеннее солнце. Я включила компьютер и проверила время. Получалось, что сейчас девять часов тридцать минут. Еще раз удостоверившись в отсутствии электронной почты, выключила компьютер.

И вдруг поняла причину своего беспокойства. Подошла к двери и нажала на ручку. Она поддалась, и дверь бесшумно открылась. От возбуждения в виски рванулась и заколошматила кровь, перед глазами запрыгали яркие звездчатые всполохи. Чтобы не потерять сознание, я сползла у двери на пол, вытерла о джинсы мокрые ладони, перевела дух. В приоткрытую дверь просачивался легкий ветерок.

«Так, Борисова, теперь спокуха... теперь спеши, не торопясь. Возможно, это просто провокация, а не опрометчивость «комода». С другой стороны... что со мной здесь кончать, что на улице или в коридоре...»

Я собралась с силами, осторожно выглянула за дверь. Комната моего заточения оказалась угловой. Справа был длинный коридор, а прямо напротив двери виднелась лестничная площадка.

Я прислушалась, вернулась в комнату, сдернула с вешалки в подсобном помещении белый халат, прихватила с подноса салфетку и, обмотав ею голову, проворно надела халат на себя. Прошмыгнула на лестницу, которая оказалась, видимо, запасным противопожарным выходом. Этажом ниже на лестничной площадке стоял огромный тюк с грязным бельем, тележка на колесиках с горкой чистых полотенец и простынь, а из коридора доносились два негромких женских голоса. Затаив дыхание, я преодолела еще два пролета, очутившись перед плотно закрытой дверью, изо всех сил подналегла на нее... и чуть не вылетела на улицу, так легко она поддалась. Передо мной простирался уже знакомый парк, первоначально пустой в сей утренний час. Видимо, сейчас в клинике было самое горячее время: обходы врачей, процедуры, консилиумы. Нырнув в заросли кустарника, я усиленно заработала локтями, продираясь сквозь густые упругие ветви, выбралась на дорожку и понеслась со скоростью сверхзвукового самолета. Внезапно уткнувшись в забор, поняла, что ворота совсем в другой стороне, но бежать обратно не было никаких сил. Я упала на жесткую траву и зарыдала, как ненормальная. Потом, когда слезы иссякли, перевалилась на спину и бездумно уставилась в рваное небо. Не знаю, сколько прошло времени. Наверное, много, потому что, когда солнцу удавалось ненадолго увернуться от очумелых преследований сизых туч, палило оно нещадно.

Надо было принимать какое-то решение.

Я встала, отряхнула с белого халата траву и листья, пятерней расчесала спутавшиеся волосы, затянула ту же салфетку на голове и отправилась к крыльцу клиники.

Как ни странно, за столом администратора никого не было. Я беспрепятственно поднялась наверх, подошла к знакомой двери, обитой белой кожей, и, постучав для приличия по деревянной панели, вошла в палату.

С высоких подушек кровати Дмитрия на меня взирало... совершенно незнакомое мужское лицо. Этому лицу был несвойственен возраст, а пол определялся лишь по легкой небритости. Взгляд был подобен остро отточенному карандашному грифелю. Типичный взгляд больного, перенесшего инсульт... Я ошалело обвела комнату глазами. Все было как прежде, за исключением того, что компьютер на письменном столе теперь отсутствовал. Одобрительно кивнув больному, заглянула в ванную, словно надеялась обнаружить там спрятавшегося от меня Дмитрия... Машинально проверила взглядом свое изображение в зеркале. На меня глянуло перепуганное, белое, как стенка, совершенно ненормальное лицо с накрахмаленной салфеткой, затянутой над бровями и вздыбленной по краям. Точно мне на голову приземлилась какая-то одуревшая птица. Я сдернула салфетку с головы, чужой расческой привела в порядок волосы. Внимательно оглядела полочку под зеркалом. Из комнаты послышался слабый голос больного.

— Простите?.. — склонилась я над кроватью.

— Доктор... мне бы хотелось просмотреть сегодняшние газеты, — прошелестел трудно повинующимися губами мужчина.

Слава богу, говорил он по-английски. Я поправила сползшее одеяло и через силу улыбнулась.

— Сейчас принесут. Как вы?.. В том смысле... что... на новом месте?

— На новом месте? Что вы имеете в виду? — удивленно поднял брови мужчина.

— Ну... вас ведь перевели в другую палату, не так ли?

— Вы что-то путаете, доктор, это та самая палата. После того как со мной случился удар, меня привезли именно сюда.

— Напомните, когда это произошло. Я сегодня первый день на работе после отпуска. Вхожу, так сказать, в курс дел...

— Это было ровно две недели назад. Моя массажистка Надин только сегодня вспоминала о дне моего поступления в клинику. Что-то не так, доктор? — Мужчина обеспокоенно вгляделся в мое перевернутое лицо.

— Нет, нет, все так. Скажите... а ваш утренний туалет... почему вас не побрили?

— Знаете, на подбородке вскочил прыщ, — издал короткий смешок больной, — и Руди, мой, так сказать... медбрат... посоветовал не травми-

ровать кожу. А так... все в порядке, умывание, чистка зубов... Благоухаю свежестью. Кстати, Руди не выбрил мне только подбородок, а щеки, виски, шею — как всегда.

Я наклонилась к лицу больного.

— Действительно. У вас вкусный парфюм. Пойду, распоряжусь насчет прессы для вас. Отдыхайте.

Притворив за собой дверь палаты, я в изнеможении прислонилась всем телом к стене. Ноги дрожали и отказывались слушаться, дикая слабость сковала от макушки до пяток. Зато голова работала четко.

Итак... Первое действие закончено, антракт я провела в непродолжительном заточении, а начало второго акта свидетельствует о том, что авторы взяли на вооружение театр абсурда. Только этот номер у них не пройдет. Возможно, прошел бы, если бы не мое врожденное чутье на запахи. Наверное, я могла бы работать ищейкой или экспертом в какой-нибудь крутой парфюмерной фирме. Видимо, расчет строился на моих слабеньких нервишках и неустойчивой психике. Думали, «крыша» поедет... После заточения, которое должно было обострить и без того напряженную ситуацию, требовалось не дать передышки, загрузить всю меня до предела иррациональным,.. не поддающимся логике и здравому смыслу. Не исключено, что так бы и произошло. Но запах подвел... Уже тогда, когда Дмитрий сказал мне: «Войдите», и я переступила порог его палаты, мои ноздри сразу учуяли его запах. Я знала этот запах наизусть, как лицо Дмитрия, как его привычки, просчеты и победы, его слабости. Я всегда любила смотреть, как он после бритья брызгал на ладонь этот парфюм фирмы Живанши по названию «Джентльмен» и проводил влажной ладошкой по щекам, шее, подбородку... Мои ноздри плотоядно раздувались, когда я вдыхала этот запах, а он смеялся и приговаривал: «Ты так всего меня вынюхаешь, малыш, что вместо меня скоро останется только пустой флакон с черной крышкой». Он оказался прав. Вчера я видела на полочке в ванной этот немыслимо элементарный для такого запаха флакончик, стоял он там и сегодня, на своем прежнем месте. Флакон стоял, а Дмитрия не было. И те, кто затеял играть со мной в эти дикие игры, не придали значения скромному флакону. От подставного дяденьки пахло тоже чем-то дорогим, но очень хвойным. Это был совсем другой сюжет... Мой Дмитрий предпочитал изысканную смесь запахов цивилизованного мира.

С трудом отклеившись от стены, я благополучно миновала все еще пустующий пост администратора и вышла на улицу. Завернула за угол главного корпуса и сразу чуть не воткнулась в лестницу. Рабочий в форменном комбинезоне собирался что-то красить. Скользнув по мне равнодушным

взглядом, он забрался по лестнице к окну высокого первого этажа, выудил из кармана небольшой ключ на грубой цепочке. Я насторожилась и, пройдя чуть вперед, издали наблюдала за его действиями. Парень ловко воткнул ключ в невидимую для глаз скважину на толстой решетке и потянул ее на себя. Решетка с легкостью открылась, как створка обычного окна. Он взял со ступенек лестницы баллончик с краской и проворными движениями начал распылять краску по решетке. Точно загнипнотизированная, не отдавая себе отчета в своих действиях и не сводя с него глаз, я поспешно скинула с себя белый халат, подошла ближе к лестнице и, схватившись руками за горло, страшно захрипела. Парень пошатнулся на лестнице и, обернувшись, замер. Было от чего замереть! Перед ним карячилось в судорогах страшное существо с раздутым багровым лицом, сжимающее в отчаянье шею ладонями и явно погибающее от удушья.

«Доктора, доктора...» — сипела я, выкатив глаза до боли в висках и натужно кашляя, чтобы покраснеть до состояния сваренного в кипятке рака.

Парень оказался сообразительным. Он оторопело глянул на баллон с вонючей краской, спрыгнул с лестницы, метнулся ко мне на помощь, но я плюхнулась на землю и, отсылая его рукой за угол дома, захрипела еще громче: «Доктора!!!»

Как только парень исчез за углом, я вскочила, сдернула с выступа лестницы цепочку с ключом, рванула в кусты и долго плутала по извилистым тропинкам, выложенным аккуратной галькой, прежде чем решила высунуть нос на центральные аллеи.

Стал накрапывать дождь, и редкие коляски с больными покатали к крыльцу клиники. Обнаружив небольшой деревянный навес типа примитивной беседки, я плюхнулась на лавку и какое-то время тупо разглядывала ключ от оконной решетки. Случилось так, что решение выкрасть ключ родилось во мне помимо моей воли, словно кто-то толкнул меня на этот дикий поступок. И что теперь? Какое окно я открою этим ключом? Дмитрия? Ивана? Чтобы что? Чтобы, изображая из себя силача Бамбулу, взвалить на плечи частично неподвижного Дмитрия или совсем неуправляемого Ивана? Это еще в том случае, если комната того и другого на первом этаже... Я нервно хихикнула. Теперь ищи парашют, Борисова, или доставай походную рацию и сигнал знакомому вертолетчику. Еще можно, как Джеймс Бонд, надуть из карандаша огромный матрац и плавно приземлиться из окна прямо в его резиновую мякоть. Господи, но ведь есть же в этом заведении какой-то неведомый мне тайный сообщник! Тот, кто сообщил шифр закодированной истории болезни Дмитрия и пообещал связаться с Максом.

По навесу тоскливо застучал усилившийся дождь. Прохладный порыв ветра сердито прошелся по верхушкам деревьев, растрепал причесанные

кустарники, разметал собранные в аккуратный сноп головки золотых шаров возле беседки. Я поехала и, вспомнив сытный обед под хрустящей от крахмала салфеткой, медленно поднялась на ноги.

Я всю жизнь истово боролась со своим беспросветным детством. И часто одерживала победу. Только с одним никогда не могла справиться — с чувством голода. «Жуй, Борисова, жуй», — стремительным эхом пронесся в голове до озноба мерзкий голос директрисы...

Я решительно поднялась со скамейки и уже через пять минут карабкалась по черной лестнице клиники, делая на каждом этаже передышку и вслушиваясь в неясные звуки, доносившиеся из коридоров. Дверь моего заточения была плотно прикрыта, но стоило мне потянуть ручку, как она бесшумно открылась. Грязная посуда от завтрака так и стояла на столе. Повезло! С наслаждением, близким к экстазу, я скинула кроссовки и повалилась на раскладушку. Все в этом мире относительно. Хотя я всегда знала, что народная мудрость по поводу невозможности завоевать сердце мужчины через голодный желудок в равной степени относится и ко мне. Мое сердце было закрыто для всех восприятий жизни, если желудок пустовал. Я глянула на часы. Еще чуть-чуть и наступит время обеда, а вместе с ним опять придут революционные мысли о том, что свобода лучше неволи.

Обед не заставил себя ждать. Его принес вчерашний угрюмый мужик. Видимо, понемногу я освоилась, потому что даже не удосужилась слезть с раскладушки. Притворившись, что сплю, я услышала его недовольный крик, который, видимо, относился к незапертой двери, и потом поворот ключа. От этого звука я вскочила с раскладушки и в отчаянье заметалась по комнате. Что же я наделала?! Ведь могла уже теперь, забрав из сейфа билет на самолет и документы, ехать себе в Цюрих, в аэропорт. Могла оставить в прошлом весь этот бред, этот невысказанный сумбур и путаницу.

Я села в кресло, сжала руками голову. Ноздрей коснулся приятный запах жареного мяса с луком, и я с легким стоном откинула салфетку. Так и есть. На тарелке красовался антрекот, украшенный золотистым поджаренным луком. Я накинулась на еду с яростью оголодавшего хищника. Проглотила антрекот, смела овощной салат с кусочками индейки и запила морсом.

На сытый желудок голова заработала еще интенсивней. Мою бедную черепушку буквально разламывало от наворота мыслей, воспоминаний, спонтанных решений и мгновенной отмены каждого из них. Решения приходили в голову абсурдные, если не сказать, идиотические. Например, связать свою одежду морскими узлами, добавить к этому тросу полотенца и тряпки из каморки, открыть ключом решетку и зависнуть где-то на уровне высокого первого этажа, а потом спрыгнуть на землю. То есть очутиться

там, откуда недавно добровольно вернулась. Короче, сюжеты из американских боевиков вихрились в мозгах без малейшей пользы. Эксклюзивность моей ситуации заключалась в том, что я понятия не имела, кому я мешаю, и зачем Кристинка прислала меня вместо себя. То есть я понимала, что ей никак нельзя было исчезать из поля зрения папашки, но только теперь до меня доехало, что я толком ничего не выпросила у нее. Я должна была рассказать Дмитрию о том, какие страсти кипят вокруг него и тех денег, которые свалились на него после смерти отца, а больше никаких конкретных инструкций я не получала. Или что-то вылетело из головы... Просто когда в моей жизни появилась Кристина со своим планом, я пребывала в полном раздрае и суете. Презентации, тусовки, банкеты, выматывающая все силы новая работа... Зато теперь — полный вакуум.

На третьем курсе я поскользнулась на занятиях по сценическому движению и слегла с компрессионным переломом позвонка. Лежала на спине, читала до одурения и не знала, куда себя девать. Жаловалась по телефону Максy. Тот, как всегда мудро и определенно, высказал свое мнение:

— Тебя, Борисова, ангел-хранитель вырубил на время, чтобы ты остановилась, пришла в себя от суеты и задумалась в покое.

— Ты с ума сошел, Макс, о чем мне задумываться?! Мне дипломный спектакль надо репетировать. Через три недели экзамен по мастерству, а отрывок совсем не готов. Мне сейчас не до мыслей.

— Тебе так только кажется, Жека. Мы же дальше своего носа ничего не видим. Что ты репетируешь? Какой отрывок?

— Я играю Марину Мнишек в «Борисе Годунове». Эту самодовольную польскую стерву. Как тебе?

— Вот и думай о том, что она никакая не стерва, а жертва. Несчастливая шестнадцатилетняя девчонка, отданная своим амбициозным папашей под венец с самозванцем.

— Как это? Да? А я ничего не знала... А папаша, он кто?

— Сандомирский воевода Юрий Мнишек. Короче, Борисова, думай.

Я думала. Попросила Динарку принести из библиотеки все, что было написано о Марине Мнишек. Осознала, что эта особа совсем не роскошная фурия, обольстившая сначала самозваного царевича и продолжившая в России темное дело привидения в католичество доверчивых русских подданных. Всем сердцем прочувствовала трагизм и отчаянье Марины, непонятой и отторгнутой людьми и временем. Поняла, что никакая она не историческая злодейка, а живая, теплая, не только никого не грабившая и не казнившая, а, наоборот, спасающая от гибели. Она много размышляла о своем долге и следовала внушенным ей с детства христианским добродетелям.

Такой я и предстала перед кафедрой на экзамене — трепетной, доверчивой, переполненной предчувствиями и вибрирующей от той темной силы, которая уже крутила и распорядилась Мариной, как пешкой в большой игре. Благодаря Максиму образ «гордой полячки» был мною уничтожен. Это было что-то совершенно новое в обретаемой профессии: не только бездумно выполнять указания педагога, а самой доходить до сути, отвергая общепринятые установки и борясь со штампами. Было здорово!

Теперь другое. Совсем, совсем другое. Теперь мне не надо ломать голову и вычислять, каково же быть отвергнутой и одинокой. Но и играть уже никого не надо. Все игры закончились. Да и выбора никакого нет. Час назад он был, но свою участь я решила в пользу сытного обеда. Или я ничего не выбирала, а просто мною крутит какая-то непостижимая сила свыше?! Господи, как же мне сейчас трудно, как невозможно во всем разобраться!..

Я встала, добрела до каморки и, облокотившись о крошечный умывальник, глянула на себя в зеркало. На меня смотрело измученное, бледное лицо с воспаленным взглядом и темными кругами вокруг глаз. И в лице этом было больше незнакомого, чем привычного и родного. Такой я себя, действительно, не знала...

«Я — чайка! Нет, не то... Я — актриса...» — прошептали бескровные губы и, дернувшись, спеклись снова в жесткую прямую линию. Абсолютно незнакомую мне линию моего рта.

Что ж... значит, и такое случается. Значит, бывает, что вдруг меняешься на каком-то непостижимом глубинном уровне, становишься другой, неведомой самой себе и в растерянности не знаешь, что теперь делать дальше... И лицо, глаза, губы... тоже меняют прежнее выражение. Так вот, Борисова...

Мне вдруг впервые в жизни дико, до озноба, захотелось увидеть тех, кто породил меня на свет.

Раньше кроме протеста я ничего не испытывала к этим людям. Казалось, что так будет всегда... А теперь мне вдруг стало важным узнать, какие они были, чем жили, о чем думали, и занимало ли мое появление на свет хоть какую-нибудь частичку их души...

Уже пожилая, но все еще кокетливая и красивая мама моей соседки Ларисы вечно сокрушалась, наблюдая за тем, какие фортели выкидывает ее тридцатилетнее чадо.

«Ну, все правильно! Вся в отца! И характером в него вышла, и внешностью. Моего-то — единственно, что аккуратная до ужаса. А в остальном вся в него, в отца...»

Мои мысли переметнулись к белобрысой Кристинке. Чем-то она неуловимо напоминала Игоря Анатольевича, хотя была светлокожей блондин-

кой, а его смуглая кожа и карие глаза уводили соображениями к великому индийскому народу. Его иногда так и называли за глаза — «наш-то индус». Вот только жесткость в характере Кристины была, возможно, от отца...

В то утро, когда она мистическим образом возникла в моей квартире, и час спустя я вышла проводить ее, около моего подъезда тыкался глупой мордочкой в ступеньку маленький беспородный щенок.

— Ах, ты, дурашка! — Я присела возле щенка, дотронулась до торчащей дыбом, свалывшейся шерстки. Он тут же завилял хвостом, прошелся шершавым языком по моим ладоням.

— погоди минутку. Сейчас я тебя накормлю, — пообещала я щенку и, выпрямившись, наткнулась на брезгливую гримасу на лице Кристины.

— Не вздумай тащить домой! — резко скомандовала она. — Хочешь собаку — заведи лабрадора. Чтоб гулять с ним вышла, а все прохожие от зависти лопнули! А этого дохляка — за шкуру и на помойку!

Щенка я все же забрала, а потом его взяла на дачу Ларискина мамаша. Но вот брезгливый взгляд Кристины почему-то вспоминала еще не раз...

Окинув взглядом свое повзрослевшее лицо, я вернулась в комнату и подошла к окну.

На небе в мучительных судорогах кровавого заката кончал жизнь самоубийством короткий осенний день. Нельзя сказать, чтобы этот агонизирующий закат привнес в мою душу высокие мысли о духовности природы и гармонии вечности. Наоборот, сделалось еще неуютней и тревожней.

Послышался звук мотора. Я перевела глаза на землю, и сердце мое трусливо прыгнуло в горло и на миг перекрыло дыхание.

Из подъехавшей машины, не торопясь, вылез... Игорь Анатольевич. Потоптался на месте, открыл заднюю дверь и помог выйти женщине, которую я тоже сразу узнала. Это была та женщина, которая кинулась ко мне с криком «Кристина! Девочка моя!» и от которой я спасалась бегством через окно кафе. Не торопясь и о чем-то переговариваясь, они двинулись к входу в клинику.

На раздумья у меня было всего лишь несколько секунд. Я повернула ручку на оконной раме, дернула изо всех сил, открыла створку, трясущимися руками воткнула ключ в решетку и распахнула окно. Путь на свободу открылся манящим предзакатным квадратом. Глотнув холодного воздуха, я решительно взлетела на подоконник и ... прыгнула вниз...

...Было больно от солнечного света, от ощущения мощного, распирающего блаженства и силы, которая была повсюду и частью которой была я сама. Боль эта была такой сладкой и мучительной, меня было так много,

что я никак не могла понять, где я начинаюсь и заканчиваюсь. Точно подслушав мое недоумение, кто-то ласковым дыханием ответа пронесся по мне: «Тебя уже нет, ты — первозданность. Не ищи формы, ты — частичка сути, и не спрашивай ни о чем, теперь будут ответы на все. Они придут сами...»

Пелена тумана вычленила женскую фигуру. Это была красивая, рослая женщина, закутанная в туман, как в кокон. Ее глубокие глаза нежно смотрели на меня странным, но очень знакомым взглядом. Я хотела сказать, что знаю ее откуда-то, но она опередила меня. Прошлась ласковым касанием по мне и шепнула: «Я — твоя мама. И теперь нас ничто никогда не разлучит». Я хотела заплакать, пожаловаться, каково мне было без нее в моем бесприютном детстве, но тут же поняла, что ради этого мига можно было выстрадать и не такое. А мамины глаза, как два бездонных тоннеля, изливали такую любовь и тепло, каких испытать на земле не дано никому.

«Я знаю. Все знаю, дорогая моя, бесценная девочка. Я пыталась помочь тебе, насколько это было возможным отсюда. Но есть свой предел и мера. И больше этого не дано».

Куда-то сразу ушли обиды и унижения детства, и только радость обретения бесконечности любви и счастья мощным шквалом накрывала меня, и, чтобы не утонуть и не задохнуться, я разевала рот как рыба и пыталась перевести дух. Знакомая сухая ладонь блаженным теплом распласталась на моей макушке.

— Дедушка... — шевельнулись губы, а он, почему-то невидимый, прошелестел почти беззвучно:

— Все будет хорошо, девочка. Но надо вернуться. Еще не время...

Я вздрогнула и открыла глаза.

Сразу навалилась боль в голове, в ногах, в спине, я попыталась облизать пересохшие губы и с удивлением обнаружила, что мой рот плотно перевязан чем-то, пахнущим лекарствами. Непослушными пальцами коснулась лица и обнаружила, что вся челюсть, включая рот, туго перебинтована. Я застонала, повела глазами вокруг, обнаружила высокий штатив с капельницей, тумбочку, уставленную бутылками с растворами и лекарствами, белые стены и потолок со стеклянной тарелкой — люстрой. В поле моего зрения возникло лицо ангелоподобной медсестры-«модели», и я обрадовалась этому появлению, словно она была самой близкой родственницей. Но радость длилась недолго. Медсестра, кивнув мне ободряюще, отступила, и рядом с ней появилось лицо Игоря Анатольевича. Мне сразу захотелось снова потерять сознание или уже сразу и окончательно умереть, но именно в этот момент мой ангел-хранитель сообщил, что мне суждена очень долгая и непростая жизнь. Если, конечно, всякий раз при виде опасности я не стану

выкидываться из окна. Эта поправка сильно пришлась мне не по душе, но я, в силу законопослушности, подчинилась иерархическим установкам и только замычала нечленораздельно.

— Господи, слава Всевышнему, очухалась, — пробормотал Игорь Анатольевич и робко приземлился в моих ногах. — Не напрягай себя, деточка. Ты теперь должна копить силы и отдыхать.

Я хотела сказать, что мне незачем копить силы, что я не хочу быть здесь, а снова хочу туда, где много света, где ничего не болит, и где меня ждут мама и бабушка... Но вновь только бессильно замычала, и из глаз хлынули глупые, непослушные слезы. Игорь Анатольевич растерялся, вытащил поспешно белоснежный, вкусно пахнущий платок и начал осторожно промокать мои мокрые щеки.

— Главное, жива осталась, а остальное — не беда, — приговаривал он так нежно, словно я была для него родней не бывает. — И как ты могла из окна вывалиться — ума не приложу. Правда, дождь шел, и подоконник мог быть мокрый. Ну, ну, лежи спокойненько, все позади. Теперь главное, быть умницей и выздоравливать.

Игорь Анатольевич поднял глаза на звук открываемой двери, которая находилась за моей головой, и улыбнулся:

— Вот, уступаю свое место одному молодому человеку.

Через секунду в моих ногах появилось встревоженное лицо Макса. Я изо всех сил рванулась ему навстречу, и сразу все тело отозвалось невыносимой болью, в глазах потемнело, и я снова чуть не потеряла сознание. Но Максим не был настроен на сочувствие и ласку. Присев на кровать, он обеспокоенно, но строго изучил мое лицо и тихо произнес:

— Ну что, напозволялась, Борисова? Сотрясение мозга, три дня без сознания, перелом обеих ног и трех ребер, компрессионный перелом позвоночника. Я всегда знал, что ты шальная идиотка, но не думал, что до такой степени. Меня тут уверяли, что ты из окна вывалилась нечаянно. Но это они просто не знают, что ты цепкая и ловкая как обезьяна — тебя из окна можно только выкинуть. Или самый печальный вариант — в припадке «белой горячки» ты вообразила себя космонавтом, исследующим открытый космос, и добровольно осуществила этот эксперимент.

При упоминании о космосе я горестно застонала. Перед глазами раскинулась синим шатром та неведомая Вселенная, которую я себе представляла, когда Дмитрий рассказывал о «белых карликах» и черных дырах... Всплыло его немыслимое лицо, влажные от нежности черные глаза, чувственный рот, к которому я столько раз в порыве бешеной страсти припадала губами... «Нам дарована вечность — неужто мы будем цепляться за ка-

кой-то огрызок времени», — услышала я сквозь шум в ушах его особенный, чуть глуховатый голос...

— Не дергайся! — Максим поднялся с кровати, прошел к двери и вернулся с маленьким ноутбуком. — Правая рука у тебя вполне дееспособна, ею можно писать. На левой — глубокая рана, поэтому она забинтована.

Он открыл ноутбук, из пледа, висящего на спинке кровати, соорудил некое подобие подставки и водрузил все это хозяйство мне на живот.

— Знаешь, что такое «сингулярность»? — непослушным пальцем отбарабанила я на клавиатуре.

Казалось, и без того огромные глаза Макса сейчас вывалятся из орбит, так он уставился на меня, прочтя эту строчку.

— Просто сейчас для меня это самое главное, — поспешно написала я. — И, пожалуйста, подбери с кровати свои глаза, они нам еще пригодятся. А «сингулярность» — это когда тебя с головой накрывает что-то типа цунами, и ты понимаешь, что выбора уже не существует — ты против стихии ничто. И тогда тебе даруется жизнь. В награду за то, что ты осознал во всей полноте, что такое единственность. По сути, у человека всегда есть выбор, а когда возникает сингулярность — это все. Это абсолют, предел. Когда уже, по сути, и выбирать не из чего. Горизонт событий пройден. Только ты и «черная дыра», в центре которой энергетический смысл твоей жизни — то, для чего ты и был вызван из небытия. Так вот, Дмитрий для меня — абсолютная сингулярность, и я ему об этом уже сказала... Теперь важно, чтобы ты нашел его. А так... ты за меня не бойся. Если ты здесь, значит, никакой Игорь Анатольевич не страшен. Да, еще важно выкупить в бутике свадебное платье, но тебе это поручать опасно. Помнишь, как ты прислал мне из Штатов первую посылку — джинсы и свитер, в которых запросто мог бы утонуть слон?

Палец устал, я сделала паузу и взглянула на Максима. Воспоминание о посылке не вывело его из состояния ступора. Он молчал и, не мигая, смотрел на меня так, точно я свалилась с луны. Я потрясла затекшим пальцем и написала:

— Алле, Макс, это я. Если ты онемел, то воспользуйся компьютером. Перехожу на прием.

Максим скосил глаза на мое послание и снова молча уставился на меня.

Мой палец снова забегал по клавиатуре.

— Мне всегда казалось, что я не такая уж красавица, чтобы от меня было невозможно отвести глаз. Хотя... Я ведь после возвращения в зеркало не гляделась. Или моя перебинтованная челюсть придает мне океан шарма? А что? Женщина в парандже всегда загадка. Кстати, ТАМ я видела маму. Она меня ждет. И дедушка тоже... Помнишь дедушку из моих снов?

Максим ответил не сразу. Он еще какое-то время тяжело и напряженно молчал, а потом, с усилием сглотнув, тихо спросил:

— Кто такой Дмитрий?

Теперь замолчала я. На меня вдруг навалилась стопудовая усталость. Ну почему, почему нельзя вытащить каким-то мистическим путем из своей головы всю базу данных и переслать ее Максиму в полном и не искаженном путаницей слов и доводов виде? Как я могу объяснить ему, КТО ТАКОЙ ДМИТРИЙ ЛАМБУРАНИ?! Если это абсолютно не подлежит объяснению.

Максим ждал ответа.

Дрожащим пальцем я настучала:

— Он... — «белый карлик» и... мой жених.

Мой бедный друг перевел дух и озадаченно покрутил головой.

— Если ты думаешь, что я — чокнутая, не надейся, что собираюсь опровергать это, — быстро забарабанила я по клавиатуре.

Максим усмехнулся и перевел разговор в другое русло:

— Ты упомянула Игоря Анатольевича...

— Он хочет меня убить... Но теперь — при тебе — не посмеет.

Максим резко отвернулся, подошел к окну и замер, мертвой хваткой прихватив мощными ладонями углы ни в чем не повинного подоконника. Я с тоской смотрела на его широкую спину с короткой бычачьей шеей и стриженным под «нулевку» затылком. Было просто необходимо обрести дар речи, иначе ситуация грозила зайти в тупик. Я попыталась сорвать повязку, но она была зафиксирована намертво. Вытянула из-под одеяла левую, забинтованную до плеча, руку и попыталась ее согнуть. Ноутбук с грохотом упал на пол.

Максим обернулся и отрывисто произнес:

— Оставь в покое повязку. У тебя была вывихнута челюсть. Сейчас ничего нельзя трогать.

Он поднял с пола компьютер и снова пристроил его на моих коленях.

— Тебе кто-то позвонил и сообщил, что я здесь? Кто? — написала я.

— Мне никто не звонил, — покачал головой Максим, — я получил эсэмэску. Следующего содержания: «Ваша подруга нуждается в срочной помощи. Ее принудительно держат в Лугано в клинике нервных болезней. Пока она находится на третьем этаже в комнате 21-В. Не мешкайте! Это опасно!» Мне сразу стало понятно, что речь идет о тебе. При твоем филигранном навыке к вранью, к счастью, бес попутал, и ты в ажитации не сразу решила, где же ты находишься... в Швейцарии или в Турции. Помнишь, ты пообещала перезвонить, но твоего звонка я так и не дождался. Набирал тебе многократно, но телефон был выключен. Не мне тебе рассказывать, Борисова, что я чувю

тебя за тысячи верст. Да, эсэмэска, естественно, была без обратного адреса. Одним словом, я немедленно вылетел. Здесь уже был Игорь Анатольевич... — Максим споткнулся о мой многозначительно-отчаянный взгляд и какое-то время напряженно молчал.

— Ты многого не знаешь, а написать тебе сто страниц текста я не в силах, — забегал мой бедный палец по клавиатуре.

Я откинулась на подушку и поняла, что хочу немедленно заснуть — без сновидений и мыслей.

— И правильно, Жэка, давай поспи.

Тяжелая ладонь Макса легла мне на лоб. Не открывая глаз, я изо всех сил стиснула ее пальцами и услышала его тихий голос:

— Не волнуйся, не уйду. Обещаю, что буду сидеть рядом, пока ты не отдохнешь. Могу даже рассказать сказку для засыпания. — И дурашливым голосом прогнусавил: — И вот, Женечка, шли они, шли и увидели избушку на курьих ножках. И сказали: «Повернись, разэтакая, к нам лицом, а к нашим врагам — задом. И повернулась избушка, и вошли они, Женя и Максим, в горницу, а там была раскинута скатерть-самобранка, и продолжался пир на весь мир три дня и три ночи. Они так натрескались с голодухи, что вырубались и спали без просыпу долго-долго, крепко-крепко и проснулись веселыми и счастливыми...»

Ощущая дурацкую улыбку на своем перекоsobоченном лице, я провалилась в сон, короткий, но крепкий. Как и хотела — без мыслей и сновидений. А когда проснулась и приоткрыла глаза, увидела Максима с Игорем Анатольевичем, шепотом переговаривающихся возле окна. Я напрягла слух и с замиранием сердца стала прислушиваться, о чем они говорят. Говорил в основном Игорь Анатольевич, а Максим время от времени лишь реагировал на его слова или что-то уточнял... Когда Игорь Анатольевич замолчал, я еще долго лежала оглоушенная и пыталась переварить то, что услышала. Пока это плохо удавалось. Но зато теперь я знала все...

Самолет легко оторвался от взлетной полосы и сразу вклинился в низкую сизую облачность. Я прижалась лбом к иллюминатору, но лишь через рваные просветы сумела разглядеть удаляющиеся дома, дороги, парки Цюриха. С протяжным вздохом я откинулась на спинку кресла.

Игорь Анатольевич с беспокойством обвел мое побледневшее лицо внимательным взглядом и спросил:

— Голова не кружится?

— Сейчас не кружится, а, в общем-то, все время как после хорошего фужера шампанского. Максим сказал, что скоро пройдет.

— Если не будешь забывать принимать лекарство. Не забыла переложить из чемодана в сумочку?

— Не забыла...

— Тогда доставай. Максим сказал, как только взлетим, сразу таблеточку под язык.

Я вытянула из-под ног сумку, запустила туда руку и, вытащив косметичку, вынула упаковку таблеток и маленькую атласную коробочку. Таблетку отправила в рот, а коробочку незаметно стиснула ладошкой и тихо сказала:

— Я очень виновата перед вами, Игорь Анатольевич.

— Глупости говоришь, Женя, — спокойно откликнулся мой шеф. — Как только тебе развязали рот, ты не перестаешь ставить меня в дурацкое положение своими китайскими церемониями. Раз уж на то пошло, извиняться перед тобой должен я. Кто же мог предположить, что я породил на свет такого уродца!

— Она говорила, что вы ее и не порождали. Что вы — отчим.

— Все, что она говорила, к сожалению, беспардонная, наглая ложь.

Игорь Анатольевич незаметным движением положил в рот валидол и невесело пошутил:

— Это за компанию. Чтобы тебе не одиноко было.

— Максим сказал, что сердце у вас прихватывает на нервной почве. А кардиограмма вроде бы неплохая.

— Твой Максим — классный парень. Самой высокой пробы на качество. — Игорь Анатольевич глянул на часы и добавил: — Через десять минут мы можем пожелать ему счастливого полета. Мы с тобой приземлимся в Москве, а ему еще девять часов лететь... Иметь такого друга — великое счастье, Женечка. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Еще бы! Я же его люблю до ужаса! Если бы надо было отдать за него жизнь, я бы не задумалась ни на минуточку. Не верите?

— Да нет, отчего же, очень даже верю. Дороговизну таких отношений я чувствую глубоко. Тем более, когда тебя окружают продажные прохиндеи. Знаешь, когда я случайно перехватил сообщение Кристины Николаю, у меня от дикости происходящего на какое-то время абсолютно ушла из-под ног почва. И если бы не надо было срочно вылететь в Лугано, я бы, наверное, мог сковырнуться... Мой личный доступ к электронной почте всех сотрудников организовал Арсений. Он настоял, чтобы я имел информацию обо всех кодах, и осуществил он это, так сказать, конспиративно... Так вот... Мы ехали с Николаем... Я попросил его остановиться у магазина и купить воды. Николай выбежал из машины, оставив мобильник на сиденье. Тут и пришла эсэмэска от Кристины. Я прочел, так как это сообщение

могло быть адресовано мне, так как мой мобильный был выключен, и я подумал, а вдруг девочка разыскивает меня. «Папашка полный придурок, из-за него должна лететь в Анталию. Более полную информацию отправила на Эмэйл». Я доехал до офиса, отпустил Николая пообедать и вскрыл его электронную почту...

Все, что говорил Игорь Анатольевич, мне было уже хорошо известно, но я не прерывала его, понимая психологическую необходимость снова вспомнить эти непростые для него моменты.

— То, что я прочел в послании Кристины, показалось мне кошмарным сном. Теперь, когда мое эмоциональное потрясение улеглось, я способен отдать должное ее изощренным расчетам, просится даже слово «гениальным, если бы это все было направлено на добро, а не на корысть и неумную жажду денег. Я тут же подключил все необходимые службы. Выяснилось, что из огромной суммы денег, которые лежали в Париже на ее счете, выбрана значительная часть.

— А зачем вы переводили ей такие огромные деньги? — вырвалось у меня.

— Это деньги ее матери, которые она оставила ей после смерти. Ольга умерла, когда Кристине было четырнадцать лет, и она вступила в права наследства в восемнадцать. Понятно, на то, чтобы организовать и воплотить в жизнь ее план, деньги нужны были немалые. Одному Николаю было выплачено столько, что ему и не снилось...

Дальше события разворачивались по принципу раскручивающейся пружины. Позвонила сестра Ольги из Лугано. Сама Марина — архитектор, живет с мужем итальянцем в Милане. От Милана до Лугано — рукой подать, и они отправились провести денечек в этом живописном городке. Она позвонила крайне встревоженная тем, что наткнулась случайно на Кристину, распевальщицу на улице «Подмосковные вечера», поразилась неведомо откуда прорезавшемуся почти оперному контральто, кинулась в объятия к племяннице, а та вдруг исчезла... Марина даже засомневалась в собственной адекватности, подумала, не пригрезилась ли ей эта странная встреча. Но сомнения развеял молодой человек, находившийся в компании Кристины. Он тоже был встревожен, они обменялись телефонами. Уже потом я виделся с Марио...

— Запереть меня нужно было для того, чтобы уже самой Кристине закончить все юридические дела с господином Дмитрием Ламбурани?

— Видимо, так. После того как ты наткнулась на Ивана, оставлять тебя без присмотра стало опасным. Это был ее просчет, ее ошибка, которую надо было исправлять. Но, как ты уже поняла, с этого момента и начинается полная абракадабра... Исчезли все. И Кристина, и Ламбурани, а Марио два дня ничего не помнил. Впрочем, он сам тебе все рассказал...

Я кивнула, улыбнулась слабой улыбкой Игорю Анатольевичу и закрыла глаза. Сквозь черноту зажмуренных век ярким всполохом рассыпался серебряный звездопад. Возникло лицо Дмитрия. Зазвучал его глуховатый голос.

— Когда я умру... вся информация обо мне съезжится до крошечной энергетической частицы. С дикой скоростью этот неподвластный времени код пройдет через «горизонт событий» в вечность. Туда, где сходятся все земные судьбы и ждут своего часа... Здесь, в нашей жизни, придумана самая страшная из пыток. Надежда... Когда надежды не сбываются, человек летит в бездну отчаянья, называя себя неудачником, а когда сбываются — через короткие оглушающие моменты эйфории и торжества наступает глухое разочарование. Пытка надеждой изощренней инквизиторских приспособлений, она терзает не тело, а душу... Выматывает, опустошает, уродует. Зачем я тебе все это говорю? Не знаю... Может быть, оттого, что предвижу твой протест и твое несогласие. Я бы хотел после жизни подавать чай Эйнштейну, но в этом тоже проблески ненавистной надежды. Ты сейчас сурово сведешь к переносице брови и выговоришь мне, как тогда, когда я позавидовал всегдашнему букетику цветов у памятника Сократу. Ты смешная, когда сердешься... смешная и трогательная. Помнишь тот немыслимый дом дикого сиренево-фиолетового цвета, когда тебе от его вида сделалось кисло во рту, и началось дикое сердцебиение. Видишь, даже цвет несет мощную информацию, не говоря про запахи... Да о чем это я? Я же хотел сказать совсем не то. Совсем не так...

— Ты просто устал, — прошептала я, мысленно покрывая поцелуями его смуглую кожу, которая своим непостижимым запахом несла мне такую бездну информации... О нем, о нас, о нашем упоительном прошлом, отсутствии настоящего и горьком будущем. — Конечно, ты не прав. Это от усталости, от того, что нас зачем-то разлучили... От того, что ты сам не знаешь, как тебя медленно убивали. Не надеяться нельзя, да и невозможно. Это ведь живет в нас как данность. Знаешь, кто-то сказал, что, создавая человека, Бог оставил в нем место для себя. Это означает, что даже в самом отъявленном атеисте и прохиндее живет вера в Бога. А куда же вера без надежды? Ты не имеешь права терять надежду, что мы снова будем вместе. Где бы ты сейчас ни был, верь, пожалуйста, себе, в себя и возьми нотой выше. Так надо сейчас для нас... тебя и меня....

Я повернулась к Игорю Анатольевичу и, увидев, что он задремал, достала маленькую атласную коробочку и извлекла оттуда кольцо с россыпью бриллиантов. То самое... которое во сне вручил мне Дмитрий... Поспешно, точно боясь, чтобы никто не отнял, надела его на безымянный палец и с восторгом осознала, что оно абсолютно мое...

Игорь Анатольевич открыл глаза, повернулся ко мне и тихо спросил:

— Как себя чувствуешь, Женечка?

— Как будто лечу над облаками, а внизу, как кошмарный сон, клиника в Лугано, потерянный Марио, исчезнувший Дмитрий и умирающий Иван.

Он ничего не ответил, только судорожно покрутил головой, точно высвобождаясь из плена тугого воротничка. Мне не нравилось это его новое движение, так как оно грозило развиться во что-то страшное и необратимое.

Я смотрела в окно на живописную пену белоснежных облаков и думала о том неизбежном зле, которым одержимы люди. О том, сколько энергии тратят они на зло, и каким бы прекрасным и гармоничным стал мир, если бы все эти немереные силы были брошены на созидание. Увы, Зло победоносным шагом шествует по жизни... Казалось бы, ну чего в жизни не хватает белобрысой злодейке Кристинке?! И опять же получается, что те, кто обделены, совершают зло, чтобы отвоевать, присвоить, обладать, а те, которые имеют все, одержимы разрушительной страстью и азартом... им скучно в благополучии и возможности делиться и нести людям добро...

И еще я думала о том, как многолик может быть человек, и как подчас трудно за формой разглядеть истинную суть. Получается, что создаешь для себя совсем другой образ, некий стереотип и втискиваешь человека в свое собственное восприятие.

Я не смогла разглядеть за холодноватой, сдержанной, ироничной манерой иного Игоря Анатольевича — человеческого, теплого, ранимого. Наверное, мир бизнеса надевает на всякого, кто преуспевает, непроницаемую защитную маску. Иначе с открытым забралом человек слишком уязвим. Мой шеф являл партнерам, подчиненным, всему деловому миру себя, закованного в латы, подобно средневековому рыцарю, чтобы неизбежные выпады и уколы недоброжелателей отлетали от неприступного облачения.

Совсем другим он, конечно же, был с дочерью. Таким, как сейчас со мной...

— Это была идея Кристины — вовлечь меня в ваш бизнес? — деревянным голосом заинтересовалась я у Игоря Анатольевича.

— Теперь я понимаю, что да. Хотя это было так ловко и умело организовано, что мне казалось — инициатива идет от меня. Я видел, что ее чрезвычайно воодушевила ваша похожесть, но, естественно, не придал этому никакого значения. Очень ее интересовала история с Дмитрием Ламбурани и миллионы Ламбурани-старшего. Но все это было для меня, так сказать, нормальным проявлением любопытства... Только уже теперь я понял, что не было никакой поездки студентов Сорбонны в новосибирский Академгородок.

— Думаете, к автокатастрофе, в которую попал Дмитрий, она тоже приложила руку? — с сомнением спросила я.

— Не знаю, — глухо отозвался Игорь Анатольевич. — Теперь можно заново начинать следствие, но пока не знаю. В жизни столько совпадений, что не исключаю возможности того, что это произошло без ее участия. В нашей стране человеческая жизнь обесценена настолько, что любой подонок за двести баксов может стать наемным убийцей... Я желал другой участи для Кристины, но, видимо, корни формируют развитие всего организма в целом: психику, нравственность, мировоззрение... Российские корни нуворишей уже сейчас становятся трагедией для Европы.... Неудивительно, что в Лугано нашлось немало наших соотечественников, согласных участвовать в плане Кристины. — Он обескураженно покрутил головой, его переполненные тоской глаза пытались найти успокоение за иллюминатором.

Я легонько коснулась его руки и тихо произнесла:

— Мне очень нужна ваша помощь... И вообще, и по конкретному вопросу. Не могли бы вы выдать мне зарплату за год вперед? Сейчас объясню. У меня есть подруга, которая очень больна. Она была воздушной гимнасткой, работала в московском цирке. А потом сорвалась с трапеции, получила сильную травму позвоночника и сразу стала никому не нужна. Пособия по инвалидности не хватает даже на лекарства. Я связывалась с клиникой в Женеве — они берутся поставить ее на ноги. Но это, сами понимаете, очень дорого.

Глаза Игоря Анатольевича приняли знакомое мне выражение предельной сосредоточенности и сконцентрированного внимания.

— Она способна самостоятельно передвигаться? — через небольшую паузу спросил шеф.

— Она в инвалидном кресле. Только таким образом. Живет с мамой, под Краснодаром, и, честно говоря, уже поставила крест на своей жизни.

Мой расчет оправдался на сто процентов. Сейчас Игорь Анатольевич сравнивал благополучную судьбу Кристины и то, как она этим благом распорядилась, с беспросветной участью моей Динарки. На это ушло совсем немного времени, и соответствующие выводы были сделаны.

— Надо связаться с клиникой в Женеве и узнать, обеспечивают ли они сопровождение, — отдал мне приказание шеф, и голос его, тусклый, шелестящий, приобрел всегдашние железные нотки.

Я согласно кивнула и, растопырив пальцы, полюбовалась игрой бриллиантов на солнечном свете.

— Красивое. В Лугано купила?

— Не-ет, — протяжно выдохнула я. — Это... обручальное кольцо. Как бы... обручальное.

Игорь Анатольевич молчал. Он, видимо, ждал продолжения. Несколько секунд мы еще наблюдали за искорками безумия, которые высекали из своих граней искрящиеся камни, потом я выдохнула:

— Мне... трудно говорить об этом.

— И не надо, — тут же согласился Игорь Анатольевич. — Главное, чтобы тебе было комфортно. Не надо себя насиловать ни в чем. Потому что от этого устаешь больше всего. Тебе не хочется общаться, а ты общаешься, не хочется говорить, а ты говоришь. В принципе вся наша жизнь состоит из постоянного преодоления — от этого и накапливается безумная усталость, которая переходит в стресс, в нервный срыв...

— Что могла сделать с Дмитрием Кристина? — прервала я шефа и тут же сама ответила: — Ничего у нее не получится. Возможно, внешне у нас с ней огромное сходство, но ведь он-то знает всю меня насквозь...

Игорь Анатольевич изумленно взглянул на меня, но тактично промолчал.

— Спасибо вам за понимание, — кивнула я головой. — Это действительно тот самый случай, когда слова лишь еще дальше уводят от сути... в попытке что-либо объяснить. Да сейчас это и не имеет значения. Сейчас важна та реальность, которая движет мотивировкой поступков и соображений Кристины... Марио пока еще ничего не помнит. Не помнит даже того момента, когда Дмитрий передал ему для меня это кольцо... Понятно лишь одно. Пока Дмитрий юридически не оформит Кристине все права на деньги и акции, он ей нужен живой. Беда в том, что он не знает, что отнюдь не безнадежен, что имеет все шансы стать здоровым.

Игорь Анатольевич заложил под язык очередную таблетку валидола и еле слышно произнес:

— Интерпол поднят на ноги... Они ребята серьезные.

Я тоже заглотнула очередную таблетку и, прижав к губам кольцо, провалилась в сон... На этот раз мне ничего не снилось...

После прилета из Швейцарии, где я вместо предполагаемой недели провела больше месяца, в течение трех дней я пыталась вернуть себя в московскую действительность. Наверное, только у папанинцев, которые дрейфовали на льдине, по возвращении домой было такое дикое состояние. Словно я побывала в другом измерении, где оставила какую-то часть себя, и эти отторгнутые частички истязали фантомной болью... По ночам не спалось, и лишь стоило провалиться в недолгое забытие, как перед глазами начинал вертеться весь калейдоскоп событий, сдвинутый фантазмагорией ко-

роткого сна в абсурд и неразбериху. Измятый блин подушки казался раскаленным, а я — накрепко прикованным узником.

В аэропорту нас встретил «просто Арсений» с новым охранником — Николай сидел в камере предварительного заключения, ожидая своей участи. Пока я лежала в больнице в Лугано, Игорь Анатольевич дважды летал в Москву, но сразу возвращался «выхаживать» меня, и от него я знала обо всех последних событиях.

Видимо, после всех перипетий мой товарный вид был настолько плачевным, что в глазах «просто Арсения» вместо всегдашнего обожания я прочла ненавистное мне с детства чувство жалости и сострадания. Он кинулся, чтобы освободить меня от ноши легчайшего рюкзака, а я суровым басом осадила его пыл:

— Эта поклажа испортит ваш импозантный облик, — и вздернула обратно на плечо ляжку.

«Просто Арсений» не обиделся. Он кивнул и, надо отдать ему должное, больше не возникал и не бросал на меня соблезнующие взгляды...

После возвращения несколько дней я пыталась даже не смотреть на себя в зеркало и всячески избегала любых возможностей поплакать кому-нибудь в жилетку. Лишь один раз не сдержалась...

— Голова совсем чумовая, — пожаловалась я Ариадне Артуровне, сидя напротив стола в большом кресле ее больничного кабинета. — Все кругом плывет... И даже кажется, что это совсем и не я...

— Ну да. Как в чеховской «Чайке», — усмехнулась она уголком рта. — Помните, доктор Дорн выговаривает Сорину за его пристрастие к спиртному. Мол, когда выпиваете, это уже не совсем вы, а Петр Николаевич и еще кто-то...

— Точно... — тихо подтвердила я. — Никак не могу привыкнуть к себе... какой-то совсем другой. Меня словно раздвинули, углубили, а я все мучаюсь и никак не могу покрыть это новое «я» собой тогдашней...

Мы помолчали, и я с тоской отметила, что никогда не видела эту жизнерадостную профессоршу такой беззащитной и подавленной.

— Боже мой, Боже... — глуховатым голосом проговорила она, — вот оно как обернулось. Оказалась благом та автокатастрофа, в которой погибли родители Ивасика. Мгновенье — и все... Ни мук, ни страдания, ни обреченного сына... Боже мой...

Трясущимися худыми руками она еще раз перелистала бумажки, привезенные мной из клиники в Лугано.

— Заключение ужасное. В нем нет никаких шансов. Доказать его личность, безусловно, удастся. Но для него это уже все равно... — Ариадна Артуровна подняла на меня воспаленные глаза — Раз уж так необходимо

было убрать его из Москвы, то почему нельзя было спрятать в той же Сибири, на Севере, в тундре... да где угодно.

— Вы просто не знаете Кристину, — покачала я головой. — У нее размах другой, другие масштабы. Она сочинила именно такой сценарий, и именно там, в той клинике нашлись купленные ею люди... Как выяснилось позже, в этой клинике когда-то лечилась ее мать. Тетка, живущая совсем рядом, в Милане, занималась Кристиной и возила ее к матери в клинику. Образ больницы сформировался в детстве... Они не хотели убивать Ивана. Просто получилась передозировка лекарства... да вы читали, там все написано. Со всем этим еще разбираться и разбираться...

Ариадна Артуровна с тяжелым вздохом собрала разложенные по столу бумаги и с усилием встала.

— У меня операция, Женечка, надо идти. Что-то ведь хотела спросить у тебя... Ах да, вспомнила. Ты как-то говорила о своей беременной приятельнице и, как мне показалось, ты что-то недоговаривала, потому что это явно касалось Ивана. Если не ошибаюсь, ты говорила, она — балерина...

— Бывшая... — с усилием выдавила я сиплым шепотом.

— Да, да, бывшая. И как она?

Я подошла к Ариадне Артуровне, неловко потерлась щекой о ее плечо и прошептала:

— Об этом... в следующий раз. Вам... на операцию.

Проводив Ариадну Артуровну до входа в операционное отделение, я с трудом добрела до лестничной площадки и, плюхнувшись на ступеньку, прижалась пылающим лбом к холодной стене...

Диане я позвонила на следующий день после прилета из Лугано. К телефону подошла соседка, сообщившая, что Дианочка лежит на сохранении в роддоме, ее готовят к кесареву сечению, а мне жутко повезло, потому что она, соседка по лестничной площадке, заходит только полить цветы и вытереть пыль. Тетечка оказалась разнузданно болтливой, и за пятнадцать минут я узнала о Диане очень много. И то, что она здоровьем хилая, да еще балерина. И что уму непостижимо, как она живот доносила до восьми с половиной месяцев. И то, что помощников у нее нет никаких, и родственников тоже не наблюдается. И то, что врачи опасаются за ее сердце и почки. И что все мужики — козлы и сволочи, им хоть бы хны, а плодить безотцовщину и вовсе наказание Господне... В результате я получила адрес и телефон роддома и, узнав, что операция назначена на завтра, позвонила Раулю с просьбой отвезти меня с утра к Диане.

На следующий день с букетом цветов и пакетом, набитым фруктами и соками, я поднялась на крыльцо роддома. Обернувшись, помахала Раулю, который, высадив меня, помчался на работу.

В справочном окошке виднелась туповатая, равнодушная физиономия пожилой женщины.

— Я бы хотела узнать про Диану Днепрову.

— Что именно? — неприязненно осведомилась женщина.

— Закончилась ли операция? Как ее самочувствие? И как себя чувствуют дети?

— Дети? — насторожилась женщина, и ее лицо еще больше стало смахивать на какое-то животное. — О каких детях вы говорите?

Волна раздражения и бешенства в секунду накрыла меня с головой. Чтобы сдержаться, я вонзила в ладонку ноготь и угрожающе просипела:

— Вы... где работаете, мадам?

— В смысле?

— Как называется заведение, в котором вы работаете?

— Ну, роддом, а что?

— То, что в заведении, которое называется роддом, каждый день появляются на свет дети. Или вы не в курсе? Иногда ультразвук показывает, что должен родиться не один ребенок, а двое — близнецы. О близнецах Дианы Днепровой я у вас спрашиваю.

Лицо женщины побагровело, и она злобно спросила:

— А что это вы мне угрожаете?

Я хотела ответить ей, что просто я с детства насмотрелась на таких, как она, абсолютно случайных людей на занимаемом месте, и что я ненавижу их всеми фибрами души, но опять сдержалась и, светски улыбнувшись, выложила перед женщиной тысячерублевую бумажку.

— Я здесь подожду, пока вы узнаете то, что я просила.

Купюра исчезла со скоростью звука, а вместе с ней испарилась тетка. За спиной я услышала подавленный смешок. Обернувшись, разглядела в углу затемненного холла фигуру молодого человека.

— Как это вы ее раскусили за одно мгновение?

— Глаз наметан, — буркнула я и пристроилась рядом с ним на продавленный стул времен застоя. — Здесь... как-то...

— Это точно, — тут же подхватил молодой человек. — Вроде должно быть светло и радостно, а тут ровно наоборот. Я когда жену рожать привез, у меня сердце так стиснуло, что до сих пор болит. Слава богу, все позади. Вчера родила парня. Четыре двести, рост — пятьдесят два.

— Чудно как говорите, — засмеялась я. — Обычно про новорожденных говорят «длина», а у вашего сразу прямо-таки «рост». Поздравляю. Пусть растет здоровым и умным. И еще сильным — чтобы давить гадов. Имя уже придумали?

Лицо круглолицего веснушчатого парня расплылось в блаженной улыбке.

— Ага. Митька будет. Как я. Дмитрий Дмитриевич.

— Тем более... — тихо прошелестел мой сразу сникший голос, а чуткий парень сочувственно заглянул мне в лицо:

— У вас так зовут кого-то?

— Кого-то так зовут... Когда домой забираете?

Из кармана молодого человека зазывно закурлыкал мобильник.

— Масик, я еще здесь. Жду, если вдруг чего-нибудь докупить надо. А почему ты хлюпаешь? Что-то с Митькой? — Парень импульсивно забежал по холлу.— Ну, говорила. И что? Да ты что?! Кошмар какой! Да... просто бред... Масик, возьми себя в руки, молоко пропадет! Да я все понимаю. Да, страшная трагедия. Что? Близнецы?

Молодой папаша вдруг замер на полуслове и, с ужасом уставившись на меня, прошептал:

— Погоди, масик... Я... перезвоню.

Парень вырубил телефон и неловко, с каким-то виноватым лицом подошел ко мне:

— Вы...

— Да, я все поняла. С детьми или с Дианой?

— С Дианой. Они в одной палате лежали. Успели подружиться. Детей спасли, а ее... не удалось. Вам... в смысле... от меня... все, что смогу... любая помощь. И потом... Ведь у детей есть отец. Это уже полбеды...

Я с трудом встала. Почему-то точь-в-точь горьким жестом Игоря Анатольевича вывинтила неподъемную голову из воротника теплого свитера и прошептала:

— Да нет... Митя. Тут... полная беда.

Из дверей отделения, высоко неся торжественное лицо, появилась тетка. Ее переполняла гордость за полноту своей миссии, из-за которой скудная отсутствием личных событий жизнь вдруг приобретала зловещую насыщенность. Эта нулевая готовность причинить боль тоже хорошо была мне знакома с детства...

Следом вышел немолодой доктор с усталым, помятым лицом.

Оттеснив спиной разинувшую, было, рот тетку, я поспешно сообщила доктору:

— Я в курсе. Так как для Дианы Днепровой я являлась единственным близким человеком, придется иметь дело со мной. Со мной и с моим юристом. Чтобы не говорить одно и то же дважды, сэкономьте силы.

— Так ведь... не он. Он просто дежурный врач, — взвилась тетка.

— Неважно! Отвечать придется всем. Даже вам!

— Интересно! А мне-то за что!

— За выражение лица. За то, что про вас сказано: «Бойтесь равнодушных, ибо по их молчаливому согласию на земле происходят предательства и убийства!»

Я вылетела на крыльцо, взмахнула рукой проезжающему такси, но мою вскинутую руку тут же осадили. Веснушчатый Митя с бледным от напряжения лицом шепотом попросил:

— Позвольте, я подвезу вас, куда скажете.

Очень долго мы ехали в полном молчании. Я видела, как мой спутник мучается невысказанным вопросом, и спустя какое-то время кивнула ему:

— Да, Митя?

— Я... про детишек. Про близнецов. Их что же теперь... в Дом ребенка?

— А вот это — только через мой труп. Пока еще плохо соображаю, какими юридическими путями придется оформлять их... как бы это выразиться... одним словом, их несиротство. Но мне помогут. А вам спасибо.

— За что?

— За противодействие. Знаете, если бы в каждой ситуации являл себя закон противовеса, то такой драной кошелке, как эта, ничего не оставалось бы, как, в конце концов, удавиться... И вообще, я, знаете, недавно смотрела какие-то новости про каких-то боевиков, и вдруг слух вычленил слово «зачистка». Так иногда бывает... вдруг реагируешь на слово, которое двести раз слышала. И я подумала, что если бы каждый человек в любой ситуации «зачищал» свою полянку, в которой оказался, от пошлости, грязи, уродства, естественно, по мере своих сил, но не пуская ничего на самотек, все в этом мире, возможно, складывалось бы иначе.

Мы опять долго молчали, а потом Митя спросил:

— Ленка моя сказала, что у Дианы мальчик и девочка. Как назовете? Или еще не знаете?

— Пусть будут Иван и Диана, — ответила я и шепотом добавила: — для домашнего пользования можно Тибальд и Джульетта...

Самолет из Калифорнии прибыл минута в минуту, и я с нетерпением вглядывалась в лица пассажиров, двигавшихся по узкому проходу, организованному встречающими, бездарно выстроившимися в две длинные шеренги и не дающими развернуться тем, кто вез багаж на тележках. Какой-то толстый дядька застрял в этом проходе и, агрессивно наступая на ноги «живой изгороди», орал сиплым голосом: «Узнаю Россию-матушку! С первой минуты теснят, давят, жмут, багаж протиснуть не дадут! Безобразие, блин! Международный аэропорт, борьба с терроризмом! В таком хаосе не

то, что бомбу, в упор всех перестреляют без усилий! Хренова безопасность! Угораздило жить и родиться в этом дерьме!»

— Так и вали отсюда! — яростно завизжала пожилая дама. — Чего вернулся-то!

— А вы, видно, — не задержалось за дядечкой, — все жируете на партийных совковых миллионах. Вон подбородков-то отъела, слоями лежат!

Дама вцепилась в пассажира, тот отлепился от багажа и был готов попороть даме внешность, но тут объявился бравый мент, по внешности и возрасту едва доучившийся до восьмого класса средней школы, и инцидент был, к полному удовлетворению толпы, исчерпан.

Меня вдруг ударило по мозгам дискомфортное ощущение чужеродности толпы. Было полное ощущение, что я нахожусь в аэропорту Ташкента или Баку, так как основной состав и встречающих, и прибывающих ничего общего не имел со славянской внешностью. На мой взгляд, славянское лицо в Москве и Подмосковье станет скоро большой редкостью и войдет в Красную книгу как редкостный и безнадежно утраченный экземпляр. Но сейчас я как раз искала темнокожее лицо, и оно обозначилось. Мулатка, облик которой без преувеличений со стороны Макса дышал утонченной грацией и одухотворенностью, мгновенно вычленила меня взглядом из толпы и радостно мне улыбнулась:

— Привет, Женя!

Глория на секунду коснулась моего лица глянцевой поверхностью щеки и, накрыв с головой водопадом терпких духов с примесью сандала и ванили, отстранилась и внимательным взглядом словно проверила, оказалась ли я в плену только изумительного парфюма или уже «шла на дно», порабощенная ее обаянием.

«Все про себя знает и этим пользуется», — ревниво шевельнулось во мне, но уже в следующую секунду искусственно возвращаемая неприязнь отлетела. Она воистину была сказочно хороша. И я приняла ее безоговорочно и бесповоротно.

Двумя часами позже мы сидели в кафе гостиницы «Мариотт» и пили кофе.

— Вы прекрасно говорите по-русски, Глория. Трудно было выучить? Это ведь не самый легкий язык.

— Но и не самый трудный, если хочешь доставить радость любимому человеку, — засмеялась она. — Я учила русский втихаря от Макса. Занималась с преподавателем каждый день по три часа в течение полугода и однажды утром потрясла Макса за плечо и сказала ему на его родном языке: «Вставай, бездельник, на работу опоздаешь. Тем более что чай заварен,

яичница готова, и даже свежие булочки ждут тебя на столе». Если бы вы видели, Женя, какое у него было лицо! Невероятно глупое! Он мотал головой и тер глаза, думая, что все это ему снится. — Глория запрокинула голову и заразительно расхохоталась. Я тоже невольно рассмеялась. Эта женщина могла сводить с ума и вить из мужиков веревки, это точно.

Глория промокнула салфеткой красиво очерченный, чувственный рот, полезла в сумочку и протянула мне небольшой пакетик.

— Что это?

— Это ваш мобильный телефон, Женя. Тот самый, который вы потеряли в Лугано.

Картинка мира сдвинулась, точно неумелый киномеханик передернул пленку. Я задохнулась от нехватки воздуха, вцепилась в край стола, чтобы удержать себя на поехавшем в сторону стуле.

— Дмитрий!.. Боже... Нашелся! Где он? Говорите же, Глория, прошу вас! Я знала! Это Максим, да? Он помог? Дмитрий где? Жив? Здоров? Кто с ним?

Глория взволнованно стиснула мое запястье.

— Успокойтесь, пожалуйста. Ну вот, даже губы стали белые. Девочка, дорогая, ну, тихо, тихо. Конечно, он найдется. Но пока еще... нет. Мобильник переслали из клиники в Лугано. Он оказался у медсестры. Телефон Макса она обнаружила в мобильной записной книжке...

— Нет-нет, здесь что-то не так! — протестующее затрясла я головой. — Максим слишком долго находился со мной в клинике. Почему бы ей было не отдать ему мобильник тогда?! Если уж мне она его вернуть не решалась!

Я вдруг замолчала и какое-то время напряженно вслушивалась в лихорадочные болезненные скачки сердца в плену грудной клетки. Мне вдруг захотелось, чтобы сердце прыгучим ошалелым мячиком вылетело на свободу и понеслось бы по следу моего любимого. Это был бы безошибочно верный путь, обреченный на полную победу. Сейчас оно тяготится в окопах, просится на волю, чтобы немедленно броситься на помощь и мощью своего мистического предназначения соединить две раскиданные злым умыслом жизни.

— ..И осветил путь людям, — чуть слышно пробормотала я.

— Что, Женя? — встрепенулась Глория.

Я задумчиво глянула на ее прекрасное лицо, которому сопереживание и тревога придавали еще более утонченную одухотворенность, и сказала:

— Вы... поразительно красивы, Глория. А это... Это неточная цитата. Из Горького, нашего писателя. Есть у него такой герой — Данко, который вырвал из груди сердце и осветил путь несчастным, отчаявшимся людям...

— Замечательный символ, — кивнула Глория, потом каким-то исконно деревенским жестом обхватила ладонями лицо и по-бабьи горестно всхлипнула: — Господи, Женя, вот уж ты натерпелась-то!..

— Я же плакальщица, — жестко осадил я Глорию. — Знаете, каждому свое. Это только кажется, что человек что-то сам выбирает. Ничего подобного. Все предопределено. И выбор каждого человека — тоже. Поэтому мне всегда так странно слышать, когда человек вдруг начинает кичиться тем, что он, дескать, такой мудрый — выбрал этот путь, а не другой. В-первых, надо еще по этому пути до конца протопать. Ведь такой облом может случиться, что этот самый мудрый взвояет, как безумный, когда в-конец заплутается на якобы выбранной дорожке. Вот... Ничегошеньки от тебя не зависит, все, все выше.

— Ну да, — согласно кивнула Глория, и мы надолго замолчали...

Я крутила свой мобильник и пыталась представить, какой путь он мог проделать и побывал ли в руках Дмитрия.

А Глория задумчиво разглядывала в окно суетную жизнь Тверской улицы.

— Макс прислал эсэмэску, что няне он купил билет на послезавтра, — прервала она наконец молчание. — Думаю, она вам понравится. Не совсем молодая, очень опытная и со стажем работы акушеркой. Для таких малюток, как Иван и Диана, медицинское образование няни — факт очень существенный. Если, как обещали, завтра успеют оформить все документы — мы вылетим на следующей неделе. — Глория вопросительно взглянула на меня.

— Нет, нет, я прилечу позже. Мне... сейчас никак нельзя уезжать. Знаете, Глория, я сейчас нахожусь в каком-то диком состоянии. Даже не состоянии, а, скорее, качестве. Самым близким людям, таким, как Макс, я не могу рассказать, что во мне творится. Не потому, что не хочу. Хочу, даже очень хочу, но... как бы это выразиться... не имею для этого адекватных слов, понятий, образов... Любая попытка объяснить себя заканчивается почти сразу. Конечно, любые слова приблизительны по сравнению с мыслью. Но все же не до такой степени... Я теперь все время вспоминаю слова Экзюпери о том, что самого главного глазами не увидишь... Соответственно, и словами не передашь. Макс, как никто, чувствует меня, но дело совсем не в том, чего он не догоняет и во что не врубается. Просто, наверное, так надо. Надо, чтобы я со всем своим... не знаю, как сказать... счастьем, бедой, откровением... все вместе... была в полной изоляции. Только тогда оно будет сохранным, это мое самое главное... Ведь недаром же отшельники удалялись от искушения словоблудия, соблазна сформулировать и поделиться тем, что не делится и не формулируется. Вы смотрите на меня с состраданием.

Это ничего, я привыкла. Хотя с детства не выношу жалости и сочувствия. Когда я обнаружила самое главное... вы знаете, его зовут Дмитрий, то впервые кожей ощутила вечность. Морозом по коже ощутила, что я никогда не начиналась и никогда не закончусь. Поэтому... мне все равно, как вы на меня смотрите. Важно другое. Чтобы вы не жалели Макса. Хотя... Достоевский утверждает, что жалеть — значит, любить... Не знаю... Думаю, что это игра словами, подтасовка чувства. Любовь — жесткая субстанция. И боли и страдания от нее больше, чем от ненависти и беды... только перспектива иная. Зло может длиться бесконечно, но оно все равно обречено, поэтому и конвульсии страшнее, и все средства хороши... У любви головокружительная, космическая перспектива. Я об этом много думала. Можно не верить, сомневаться, отчаиваться, но рано или поздно, безоговорочно или с усилием принимаешь эту истину. Потому что все мы, каждый... частичка этой вселенской любви....

Глория слушала меня и изредка покачивала головой, точно не соглашаясь.

— Вы так говорите, Женя, словно вам сто лет.

— Наверное, так и есть. Но это ничего, я уже давно устала... еще в детстве... Ладно. Сейчас речь не обо мне. На самом деле мне очень жаль, что малыши не останутся со мной. Но Максим, как всегда, прав. Когда его увозили в Америку приемные родители, а я цеплялась за него, рыдала, умоляла, теряла сознание, он был непреклонен. Он говорил... «любой ценой надо выбраться из этого дерьма...» Что ж... Иван и Диана еще крепко спят. А когда проснутся... перед их глазами и в их душах будет формироваться, складываться в определенные понятия и образы тот мир, в котором им предстоит жить... Почему у вас много приемных детей, Глория? Ведь не потому, что это сейчас... как бы модно, — неожиданно спросила я.

— Ну, во-первых, моему старшему — двенадцать, так что в веяния моды он никак не вписывается, — засмеялась Глория. — А потом... какая разница, как этот опыт назвать. Главное, что про это начинают думать люди, которые имеют возможность исправить жизнь хотя бы одного человека.

— Можно, я задам вам бестактный вопрос? — нерешительно начала я, но Глория сразу поддержала меня:

— Обожаю бестактные вопросы.. Валяйте, Женя!

Я улыбнулась тому, как она произнесла это слово, вряд ли усвоенное на уроках русского языка. Глория тут же перехватила мою мимолетную улыбку.

— Я неправильно выразилась? Но так любит говорить Макс. Я его спрашиваю о чем-нибудь, он отвечает: «Валяй, Глория!»

— Я так и подумала... Скажите, до Максима... у вас ведь был какой-то мужчина?

— Я была замужем пять лет. И я любила своего мужа. Но в один момент все закончилось. Мы гостили у моей подруги в Норвегии. Была зима, чудесная снежная зима. И мы катались на... по-моему, по-русски это называется снегокат. В тот день было невероятно яркое солнце, какое-то яростное... На одном из поворотов Роберт, видимо, на секунду был ослеплен этим солнцем, и нас занесло. Наш снегокат врезался в дерево. Роберт погиб сразу... от перелома основания черепа. Я потеряла сознание и очнулась уже в больнице. Мне делали операцию и после этого сообщили, что у меня никогда не может быть детей.

— Простите... право, я не должна была...

Глория легонько дотронулась до моей руки:

— Все нормально, Женя. Это же не от праздного любопытства. Помимо того, что со мной рядом Макс, теперь еще я буду воспитывать... ваших детей. Безусловно, вам хочется знать обо мне как можно больше. Я это очень понимаю и разделяю. Именно поэтому я так уговаривала вас полететь со мной и с детьми и пожить у нас какое-то время. То есть столько, сколько вы сочтете нужным. Я знаю, что сейчас вам это сделать трудно, поэтому мое приглашение остается в силе — в любой момент мы будем счастливы видеть вас у себя.

Я вдруг бросила руки на стол, уткнулась в них лицом и отчаянно зарыдала.

Глория не утешала меня. Просто время от времени на своей макушке я ощущала тепло ее мягкой ладони.

О чем я плакала? О той несомненной, целой жизни мне стоившей ошибке Всевышнего, вызвавшего меня из небытия без роду, без племени, с именем, равнодушно сброшенным чужими людьми, и душой, остро перемогающейся болезнями этого дикого мира. О том, что еще чуть-чуть — и самолет унесет от меня близняшек в другую жизнь... О том, что было бы неплохо умереть и заново родиться, но у меня нет веры в переселение душ... Или просто умереть... Или, не умирая, заново родиться... О том, о сем, о всяком...

С раннего детства Макс научил меня никогда не задавать себе вопросы типа: «За что?», «Почему?», а только «Для чего?» и «Зачем?» Уже позже я поняла, что он, видимо, с младенчества был стихийным христианином и, слыхом не слыхивая о православных премудростях, но будучи добротным скроенным природой, изначально жил этими понятиями.

— Если бы я была мужчиной, и не было бы Макса, я бы женилась на вас, — придерживая руку Глории на своей голове, глухо икнула я утроб-

ным голосом. — Я бы выучилась играть на фортепиано и каждый день будила бы вас третьей балладой Шопена.

— С вами не соскучишься, — хмыкнула Глория, но руку с моей макушки не сняла, и тягучее тепло лилось и лилось в мою измученную черепашку.

— Это точно, — подтвердила я, — а главное, мне самой никак не заскучать! Только настроюсь зевнуть, а тут опять — бабах! — и прямым попаданием в цель. Здорово! Я иногда думаю, что увлекательней моей жизни может быть только сериал «Остаться в живых».

Глория засмеялась и подсунула носовой платок, источающий запах ванили с сандалом.

— Можно, я его оставлю у себя? — спросила я, промокая мокрое лицо. — Буду держать его под подушкой и нюхать на ночь, чтобы хорошо спать и видеть красивые сны с хэппи-эндом. А когда все вынюхаю, почтовый голубь принесет вам его в клюве, и вы оживите свой запах.

— Договорились, — кивнула Глория и, посмотрев на часы, добавила: — нас ждут юристы. Хотите подняться в номер? Привести себя в порядок?

— И так сойдет, — возразила я и нацепила на зареванную физиономию темные очки. — Двух неотразимых они вряд ли переварят, кишка тонка. А так... на контрасте...

День получился суматошный. Зато все документы были готовы к отправке детей в Америку.

Вернувшись домой и сразу плюхнувшись в постель, я долго не могла заснуть. Тело привычно ныло после переломов и ушибов, привычно болело и заходило то, что именуется душой, сердце, гулко отбивая время, замирая на одном из ударов и скатываясь кубарем куда-то вниз, привычно пугало нарушением ритма.

Понимая, что усталость не даст забыться сном, я взяла с тумбочки трубку и позвонила Игорю Анатольевичу.

— Не спите? Это Женя. Ничего нового?

— Не сплю. Как раз о тебе думал.

— На ночь нельзя думать о грустном...

— Женя!

— Да?

— Ты так торопишься отправить детей к Максиму, перевезти Динару в женевскую клинику, точно за тобой кто-то гонится. Мне это не нравится. Что происходит?

— Ничего. Просто долги надо отдавать вовремя. Никогда не знаешь, что будет, когда наступит завтра...

— Ты говоришь так, словно тебе сто лет.

— Это я уже слышала сегодня.

— Ну, вот видишь...

— Ага. Вижу.

— Позволишь все же сказать, о чем я думал?

«Валяйте!» — ответила бы Глория — это ее Макс научил... Я же просто сказала:

— Слушаю, Игорь Анатольевич.

— Тебе следовало бы вернуться в театр, Женя. Актриса должна играть. Я полагаю, нельзя предавать мечту... Ты молчишь? Почему?

— Я не молчу. Может быть... Потом...

— Ну, хорошо. Ложись спать, Женечка, и дай Бог выспаться как следует. Бог дал мне больше.

По извилистой, прихваченной морозом, звенящей тропе вышел из лесной чащи мой легконогий дедушка Николай.

— Я ждала... а ты все не шел и не шел, — горестно и укоризненно прошептала я осипшим голосом. — Знаешь ведь, каково мне, и все не идешь...

— И каково же тебе, милая? — улыбаясь, отозвался отче Николае.

— Сам знаешь, каково. Я ведь... даже не знаю, жив ли он. Скажи, жив?

Я впилась глазами в невозмутимое лицо деда, а он извлек из сумки свою всегдашнюю трапезу и молча разложил ее на неведомо откуда взявшейся салфетке.

— Отвечать не хочешь... Тогда скажи, а в чем вообще смысл, дедушка? — Я перехватила его сухую, тонкую, как у подростка, руку, прижала к пылающей щеке и замерла в ожидании ответа. — Зачем люди так страдают?

— Смысл в самой жизни, — улыбнулся старик, не отнимая руки. — А страдание... только через трагедию формируется судьба... И любовь, девочка, это вообще опасный подвиг. Очень трудный и болезненный поворот души. Я знаю, чем ты живешь, милая... Но твоей душе не нужны подсказки...

— Еще как нужны! — хрипло выкрикнула я. — Ведь подсказал же ты мне: «скомкать — не значит выбросить».

— И что с того? — улыбнулся он и налил из высокой бутылки воду в жестяную кружку. — Все равно вышло по-твоему. Не дождалась подмоги — через окно сиганула на волю. Одно, я думаю, ты поняла и переиначила в сознании — родиться тебе не было ошибкой. Все у тебя будет, девочка. Все, ради чего стоило родиться, страдать, расти над собой, ждать... Многие дела делаются во славу темной силы, а у твоих дел впереди свет.

Дедушка привлек меня к себе, своей сухой доброй ладонью, как всегда, напоил меня и стал таять в подступающем пробуждении.

Ощущая каждой клеткой животворящую влагу, я смутно осознала, что по телу разливается не только всегдашняя благодать... мне стало радостно от того, что только что я все же получила тот ответ, которого страстно молила... Только он был совсем не прост, этот ответ. Как хитроумный мозаичный узор, раскиданный по пространству большему, чем может охватить взгляд, он дастся не сразу. Впрочем, мне никогда ничего и не давалось сразу. То, что другим валилось прямо в подставленные пригоршни — мною обреталось только в борьбе. Я не сетовала, не жаловалась — просто делала выводы и, возможно, закалялась... Как он сказал? Любовь — трудный и очень болезненный поворот души... При венчании на головы молодых возлагаются именно мученические венцы. В этом что-то есть... Перестать жить для себя и начать жить для другого. Принять в свою жизнь другого человека, впустить чужую боль, чужие проблемы, чужие нервы, перемолоть в себе, сделать своими. Как у нас с Дмитрием. Я просто временно растерялась в этой сбивающей с толку жизни, но я соберусь... я уже собралась. Вот сейчас переварю сказанное дедушкой, открою глаза, гляну, не жмурясь, в яркие глаза наступающего дня и пойду ему навстречу.

«Смысл в самой жизни». Да, воистину так. Жизнь — непрерывное, беспрестанное движение, и если стоишь на месте, совсем непонятно, куда идти и зачем. Понимание рождается только в движении, только в трудном восхождении... Собыешь в кровь ноги, ослепнешь от пыли и немилосердного солнца, устанешь переваливать во рту пересохший от жажды язык, начнешь мучительно вспоминать, чем там питался Иоанн Креститель в пустыне, чтобы не отдать концы от голода, завалишься в короткую тень со стоном и вдруг... поймашь на потрескавшемся лице блаженную улыбку...

Не открывая глаз, я отозвалась на звонок мобильного.

— Привет, Жэка! Ждешь?

— Привет, Макс. Жду.

— Я тебе уже говорил, что у тебя нервы ни к черту?

— А еще короче?

— Я стер из твоего мобильного одно сообщение с телефоном и адресом.

— Потому что по этому адресу есть окна на высоких этажах?

— Догадливая ты моя!

— Это адрес Стивена Хокинга?

— Возьми с полки пирожок!

— И тебе желаю не подавиться!

— Как ты думаешь, Хокинг сам добирается до звезд, или они звездопадом валяются в его руки?

— В его мозги, Макс.

— Пусть так. Можно, расскажу одну буддийскую притчу?

— Если она в тему.

— Значит, так. Некий царь подходит к человеку и говорит: «Я готов подарить тебе все, о чем ты только можешь мечтать: вечную молодость, вечную жизнь, царство, любовь, богатство — все тебе дам. Чтобы получить эти бесценные дары, тебе нужно приложить лишь совсем небольшое усилие: я тебе дам вот эту чашу с водой, и тебе нужно будет пронести ее из одного села в другое по этой дороге. Правда, есть несколько дополнительных условий. Первое — за твоей спиной будет идти воин с обнаженным мечом. Второе — если хоть капля воды упадет на землю, воин сразу снесет тебе голову с плеч. Третье — чаша будет полна до краев. И последнее условие — твой путь будет проходить через деревню, в которой в это время будут играть свадьбу. И вот через эту пьяную, танцующую деревню, в которой все будут стараться вовлечь тебя в общий хоровод, надо суметь пронести чашу, не расплескав ее».

— Угу.

— Сформулируй.

— Не такая уж я идиотка, Макс. Чаша сначала наполняется и дается даром, а потом уж надо постараться ее не расплескать.

— Просто отличница! Главное просекла. Награда выдается не в конце пути, а изначально.

— Что я должна делать?

— Проводи Глорию с детьми.

— Мог бы и не говорить. И что? О главном потом?

— Я люблю тебя, Борисова, черт бы тебя подрал! Пока!

Я наконец-то открыла глаза, подошла к окну, как и обещала, мужественно заглянула в лицо грядущему дню.

Он показался мне вполне благосклонным, этот разгорающийся, еще чуть розоватый со сна новый день. Он словно посулил мне удачу в ответ на приветствие.

Я повертела в руках мобильник. Значит, Дмитрий ввел в мою записную книжку координаты Хокинга, значит, там, где «белые карлики», «черные дыры», «горизонт событий» живут, как самая нормальная, повседневная реальность, и никто не возражает против «голой сингулярности», найду я своего Дмитрия. Макс боится за меня, знает, что я рвану на край света тотчас, а уж если это совсем не край, а цивилизованная Европа, почему бы и не...

Кивнув с благодарностью занимающемуся дню, я включила компьютер и вошла в Интернет... А час спустя позвонила Максиму.

— Ну что? Перерыла весь Интернет? — поинтересовался мой друг без тени иронии.

— Зачем тебе надо было притормозить меня?

— Я, как-никак, отвечаю за тебя...

— Я понимаю, Макс. Ты уже, конечно, в курсе. Я знала... Когда Дмитрий рассказывал мне о Хокинге, я знала, что он не сможет не оказаться там, где виртуально живет всю жизнь. Мне кажется, это только для средств массовой информации — то, что частная космическая программа Хокинга предполагает пребывание в открытом космосе всего пятнадцать минут. И то, что запуск запланирован аж через полтора года — тоже не факт. Я знала... И Дмитрий... он тоже знал. Ты сейчас начнешь убеждать меня не делать глупостей, говорить о том, что Дмитрий все еще в лапах людей, жаждущих его денег, что до сих пор не могут разыскать Кристину... Да, все так. Но это не имеет ни малейшего отношения... к той чаше, которую я должна пронести, не расплескав ни капли. Это — другая реальность. Дмитрий с самого начала предложил мне другой путь, другую... туманность. Знаешь, оказывается, для восприятия туманность — это облака газа, а на самом деле — это гигантские острова звезд... Посметь играть в небо — тяжкий, наказуемый грех, если только ты не обречен на это. Если только тебе другого не дано, и ты рожден для этого. Хокинг рожден, рожден Дмитрий... Не для паучьей, липкой, продажной жизни, не для авантюры белобрысой Кристинки, которая сама в Сорбонне, засмотревшись в телескоп, увидела там вместо созвездий мерцающие отблески драгоценных камней и быстренько перевела их в купюры...

Макс напряженно молчал. И в его молчании он был красноречив, как никогда...

Он... мой взрослый, умный друг, знавший меня, как облупленную... сейчас отпускал меня. И ему было тяжело. Так тяжело, как, наверное, тогда, в детстве, когда, уезжая в Штаты, он отрывал обвившие мертвой хваткой его шею мои отчаянные руки.

Он молчал о том, как спустя много лет покажет Дианке и Ивасику густо засеянное звездами ночное небо и найдет те единственные слова, которыми только он сможет рассказывать обо мне... И они, возможно, тоже заболели небом и не в качестве любознательных космических туристов, а вооруженные знаниями и любовью, взмоют ввысь....

Я шепнула Максу «пока», сварила кофе, обжигаясь, сделала несколько больших глотков и набрала номер Марио.

— Ну, у тебя и интуиция! — восторженно выдохнул он в трубку вместо приветствия. — Я только положил руку на телефон, чтобы позвонить тебе. Теперь так. Как это у русских принято спрашивать? Ты стоишь или сидишь?

— Я... вишу или висю... одним словом... зависаю. Привет, Марио!

— Привет! Слушай! Как доверенное юридическое лицо господина Дмитрия Ламбурани сообщаю, что получил от него распоряжение на перевод тебе такой суммы, что можешь вскоре навестить меня на личном самолете. Каково? — Марио довольно рассмеялся. — Я теперь все помню. А то, что не помню, мне объяснил Дмитрий. Даже то, каким хитрым образом ты теперь Евгения Борисова. У меня на руках все твои документы, точней, юридически заверенные копии твоих документов. И все это хозяйство датировано числом, когда ты еще пребывала в коме. Объяснить, как все вышло? Тебя ведь несколько дней здесь не было. И где парила в те дни твоя душа — одному Богу известно.

— Не надо... — слабым голосом попросила я Марио. — Мне сейчас важно только одно. Он дал мне шанс... Знаешь, что такое мостик Эйнштейна-Розена?

— Не-ет...

— Это в астрономии так называется... А на самом деле это та возможность, которая дана материи пройти через пространственно-временной туннель, связанный с «черной дырой».

Марио помолчал и спросил осевшим, растерянным голосом:

— А... материя эта... ты, что ли?

— Мы с Дмитрием, — уточнила я и засмеялась от нелепости абсурда, фантастическим образом вплетенного в самую жесткую реальность.

— У самого входа в горловину нас начнет крутить, но точно направив корабль, мы сможем замедлить его ход. Мы пройдем горизонт событий... и нас понесет к сингулярности.

— Сингулярности?

— Да. К тому, чем все начинается и чем заканчивается. К абсолютной единственности...

— Погоди. Ты что? Уж не собралась ли ты на эти деньги купить себе туристический вояж в космос? Или я сошел с ума?

— Послушай, Марио, ты ведь живешь в Лугано, потому что весной там так поют соловьи, что можно свихнуться — сам говорил. Каждый стремится к тому, от чего можно свихнуться. Одни сознательно, другие — подсознательно. Я тоже хочу свихнуться. И еще. Знаешь, как здорово, когда на свете есть душа, которая всегда с тобой, в тебе... Когда никакие слова на фиг не нужны, и все поступки, все общение осуществляет какой-то искусный невидимый дирижер. Ощущаешь себя в мощном многоголосом оркестре занюханной флейтой-пикколо, и вдруг взмах палочкой — и озноб от собственного самодостаточного голоса, голоса-соло. Понимаешь, что

только той, второй душе внутри тебя, ты обязана даром музыкального слуха, даром уловить в звуковых волнах космоса эту единственную дирижерскую палочку. И победоносно заявить о себе своим соло. И еще... так здорово и страшно от осознания, что без той, второй души в моем теле, не знаешь пути. Пути и смысла. А я никак не могу... без смысла и пути.

Я замолчала, а Марио подождал, подышал тяжело в трубку и тихо сказал:

— Ну и чего тогда реветь! Собирай рюкзак, и вперед!

Так я и сделала. Собрала рюкзак, предусмотрительно запихнув туда маленькое платьице от Живанши для знакомства со Стивеном Хокингом. И, прикорнув на несколько дней на краю небосвода, терпеливо дождалась билета и визы...

Я увидела его сразу.

Увидела не глазами, а тем узнаванием, которое вошло в меня, когда мы с ним еще жили в Эдеме, и нас звали Адам и Ева. Когда гордость от того, что я сотворена из его ребра, была самым сильным ощущением. Потому что тогда я еще не знала, что это и называется любовью к моему единственному, первому и последнему мужчине.

Не было ни костылей, ни инвалидной коляски.

И он бежал мне навстречу на сильных, крепких ногах по летному полю Хитроу, куда наш самолет сел, расположившись прямо в самом центре, далеко от здания аэропорта.

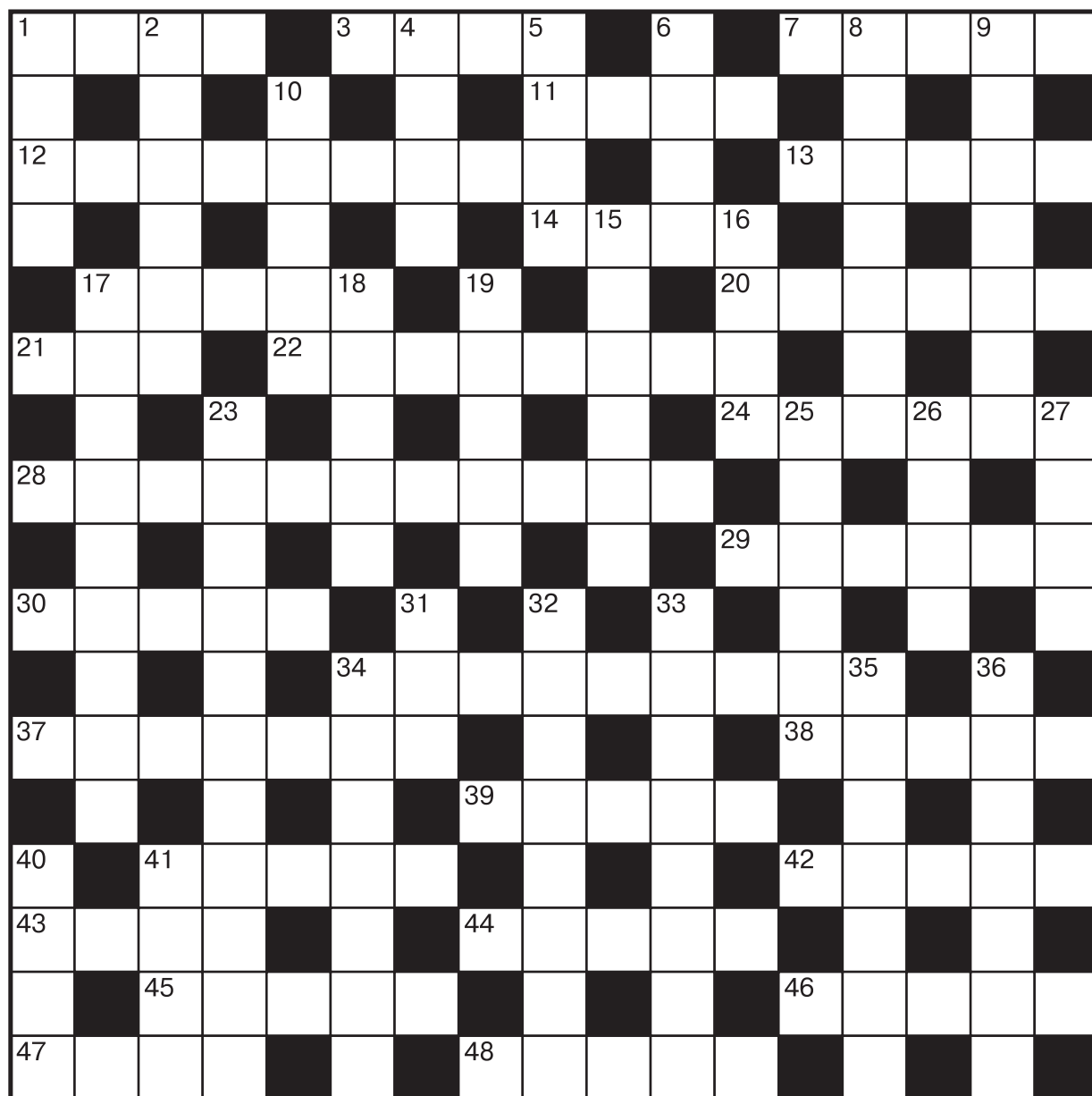
В назидание потомкам и неверующим — чтобы весь мир узнал, как бежит Адам навстречу своей Еве...

Его длинные черные волосы трепал и запрокидывал на лицо взбесившийся от восторга ветер. А он точным, сильным броском прекрасной гордой головы отметал их назад, и его глаза сияли двумя синими сапфирами.

Он бежал, осуществляя самый прекрасный и мудрый замысел, извечный и окончательный приговор любящего сердца...

Уже потом, в зале ожидания, сквозь пелену дурацких слез, искажающих картинку мира, можно было разглядеть и его костыли, и коляску. Но только потому, что он еще и не догадывался о том, что абсолютно и безоговорочно здоров. И что жить нам с ним еще двести лет, и уж если умирать, то только в один день... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Купальник для шейпинга». **3.** Дип под чипсы. **7.** Повод искать ветра в море. **11.** Ткань игрушечных медведей. **12.** Как прежде на Руси называли коробочку для украшений? **13.** Где случился конфуз из рассказа «Аристократка» Михаила Зощенко? **14.** С кем летала лягушка-путешествен-

ница? **17.** Урезанный гольф. **20.** Агрессивное основание. **21.** Сборная певцов. **22.** Кто из гимнасток с мировым именем первой получил оценку «10,0» на международных соревнованиях? **24.** Куда сослали Михаила Лермонтова за стихотворение «На смерть поэта»? **28.** Кем работала до замужества в детском саду бу-

дущая принцесса Диана? **29.** У кого из родственников курицы самый роскошный хвост? **30.** Кого хотели снимать вместо Светланы Светличной в фильме «Бриллиантовая рука»? **34.** Гостиница из «Пародии на плохой детектив» Владимира Высоцкого. **37.** Какой гонорар получила Элизабет Тейлор за съемки в фильме «Клеопатра»? **38.** Какой литературный кружок писатель Леонид Андреев посещал вместе с Максимом Горьким? **39.** Штат с Мексиканским заливом. **41.** Усилия за медали. **42.** «Людское море». **43.** Аура кошмара. **44.** Кем служил старинный сеунч? **45.** «Тарзанка для Тарзана». **46.** Что в клеточки кроссворда вписывают? **47.** Графский мушкетер. **48.** Хитон фантома.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Утяжелитель жима. **2.** Изгоняющий хвори. **4.** Адрес фрамуги. **5.** Яблочный, но не пирог. **6.** В какой саге Тимоти Шаламе

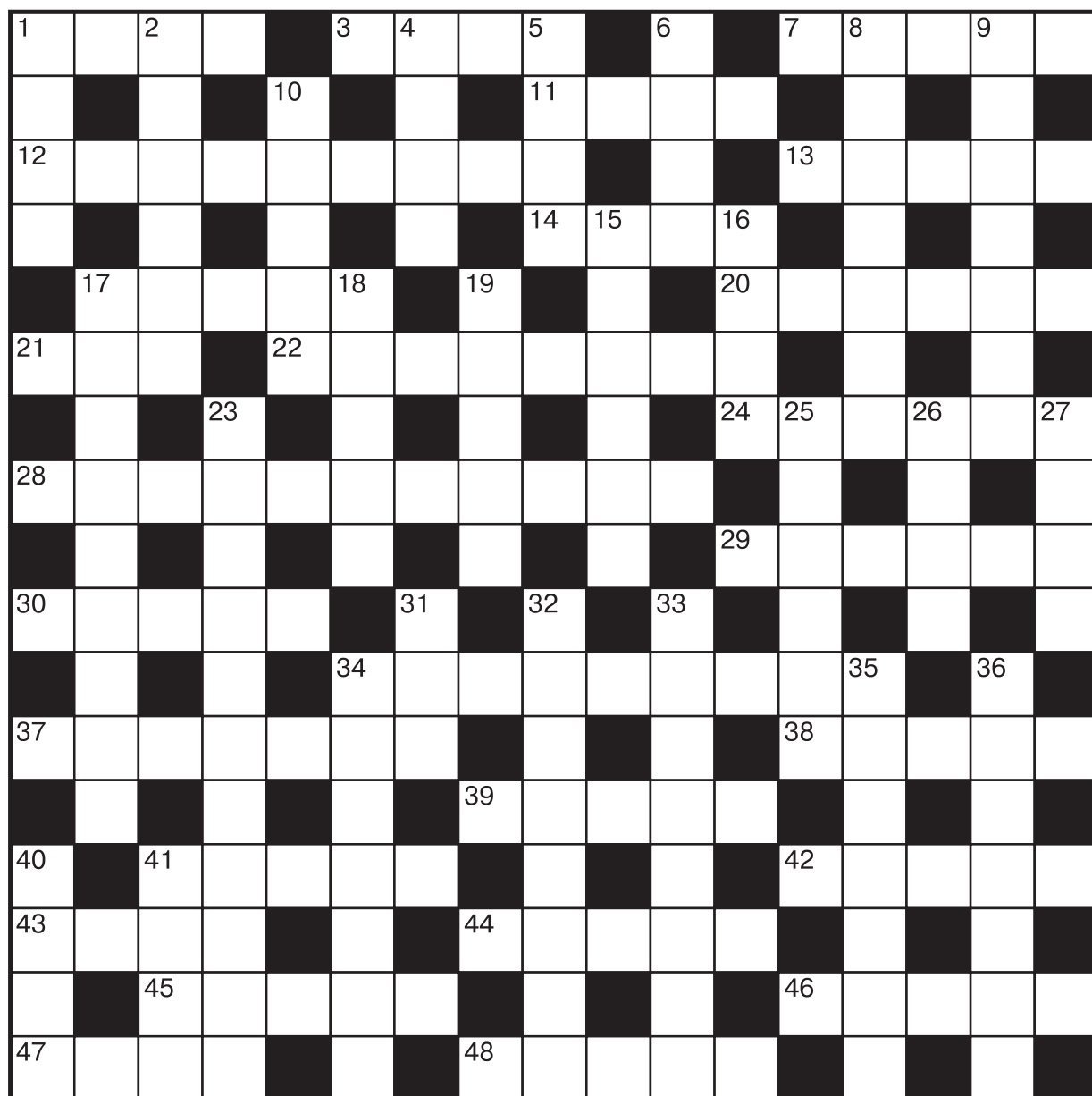
сыграл члена дома Атрейдесов? **8.** «Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» (чеховский Константин). **9.** Рабочая «пятиминутка». **10.** Речной старт. **15.** У кого помело вместо языка? **16.** Какое слово роднит Пандору с телевизором? **17.** Время «худого месяца». **18.** Что часто бросают в казино? **19.** Судовая смена. **23.** О каком конце больше всего разговоров? **25.** Плод на гавайскую пиццу. **26.** В какой юбке шотландец щеголяет? **27.** Что помогает профессиональным фотографам отражать свет? **31.** «Видеоряд» к храпу. **32.** Кто из наших звезд сыграл ту самую «собаку на сене» из классической экранизации пьесы Лопе де Веги? **33.** Почта с конными нарочными «во времена оны». **34.** Колоратурный голос. **35.** Мощь света. **36.** Зарядка для планшета. **40.** Семен в друзьях майора Василия Булочкина из фильма «Небесный тихоход». **41.** Шкварки до стадии жарки.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Хурма. **9.** Повар. **10.** Колорит. **11.** Каренин. **12.** Карлсон. **13.** Навка. **14.** Богомол. **15.** Миндаль. **18.** Фокус. **19.** Гафт. **21.** Маркс. **23.** Ария. **25.** Алексеев. **26.** Гидра. **27.** Квас. **29.** Ацтек. **32.** Санитар. **34.** Просо. **36.** Касса. **37.** Аксакал. **38.** Опера. **39.** Болид. **40.** Ключник. **41.** Свеча. **42.** Барак.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лопухин. **2.** Закладная. **4.** Уран. **5.** Миелофон. **6.** Дон. **7.** Бокал. **8.** Нитка. **10.** Кинопублицистика. **11.** Коллективизация. **13.** Нож. **16.** Макет. **17.** Читиво. **20.** Марка. **21.** Мидас. **22.** Склеп. **24.** Ермак. **28.** Саранча. **30.** Крапива. **31.** Встреча. **33.** Работа. **35.** Шкала.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какая певица вызвала пылкие чувства в сердце великого Ханса Андерсена? **3.** «Мировой океан» в шумерских мифах. **7.** В каком индийском штате в целях экономии существует свадебная традиция «похищение жениха»? **11.** Какая богиня встала на сторону

Зевса в его сражении с титанами и гигантами? **12.** Народная кукла в роли оберега. **13.** «Приталенные» лыжи. **14.** Похищение невесты из отчего дома. **17.** Воспитатель Диониса. **20.** Калмыцкая «библия». **21.** Канат для швартовки судна. **22.** Боксер, предпочитающий интенсивную так-

тику боя. **24.** Борзая собака из Киргизии. **28.** Какой еретик приписывает Иисусу сразу все высшие небесные ипостаси? **29.** Вытрезвляющий коктейль. **30.** У кого из героев лермонтовского «Маскарада» не только злобная улыбка, но и стеклярусные глаза? **34.** Армянский чечевичный суп. **37.** Подпитка туманности ветром пульсара. **38.** Парламент хорватской сборки. **39.** Какой из своих колоний Португалия лишилась только в 1999 году? **41.** «Наждак для лица». **42.** Звезда из Центавра. **43.** «Культовый бык» египтян. **44.** Выступ под плитой карниза. **45.** Спасатель с лицом Джастина Тимберлейка из драмы «Колесо чудес». **46.** Монгольская флейта. **47.** Торжественный обед у древних греков. **48.** Осенний праздник гагаузов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Китайская редька. **2.** Вышивальный шов. **4.** Чей «светлый образ» маячит за Геллой из «Мастера и Маргариты»? **5.** Двупа-

лый ленивец. **6.** Громовержец в финских мифах. **8.** Святой покровитель Петра Великого. **9.** «Вино Гиппократата» из античных времен. **10.** Первый царь из пирровой династии. **15.** Суспензия на русский лад. **16.** Игристое вино из Германии. **17.** Целебный ил. **18.** «Пароход и человек» в стихотворении Владимира Маяковского. **19.** Чья экспедиция первой в мире достигла Северного полюса на лыжах? **23.** Разрыв кровеносного сосуда. **25.** Алкогольный эксцесс. **26.** Манифест бога у индусов. **27.** Кто скрывается за агентом Зеро во вселенной Marvel? **31.** Корейская монета. **32.** Порода скакунов, выведенных индейцами Северной Америки. **33.** Украинское ожерелье из бус. **34.** Бумага для раскатки теста. **35.** Гриб, похожий по вкусу на говяжью тушенку. **36.** Северный город, попавший в песню Владимира Высоцкого о золотых приисках. **40.** Верхняя часть бильярдного кия. **41.** Самый южный лосось.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Аксис. **9.** Квест. **10.** Келейст. **11.** Везалий. **12.** Аркарий. **13.** Лития. **14.** Арбелос. **15.** Сквадер. **18.** Крисп. **19.** Пипа. **21.** Зуппе. **23.** Апас. **25.** Авидитет. **26.** Идиом. **27.** Улам. **29.** Стенд. **32.** Лазарев. **34.** Навой. **36.** Сарра. **37.** Тегасты. **38.** Футор. **39.** Дайто. **40.** Лагранж. **41.** Кинуй. **42.** Симос.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дварака. **2.** Аспарагус. **4.** Крей. **5.** Ибаррури. **6.** Бей. **7.** Мелис. **8.** Асдик. **10.** Киберсквотерство. **11.** Видеоподкастинг. **13.** Лот. **16.** Бисти. **17.** Налта. **20.** Багуа. **21.** Завал. **22.** Идунн. **24.** Жорес. **28.** Мадаури. **30.** Данувий. **31.** Бородун. **33.** Вазари. **35.** Кебая.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №12-2024**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

24011

СМЕНА

« Сергей Есенин называл себя «последним поэтом деревни». Он никогда не терял кровной связи с родным краем, с любимой Константиновкой. Любовь эту он считал главной темой своих произведений и до конца своей жизни не изменял воспоминаниям о той земле, которая его вырастила. Он прожил недолгую, но бурную жизнь, в которой было все: и любовь, и ненависть, и поиски своего места в жизни и в поэзии, поиски смысла своего существования. Но все это закончилось трагично: в декабре 1925 года в гостинице «Англетер» Сергея Есенина нашли мертвым с петлей на шее. О причинах смерти до сих пор существует множество загадок и домыслов, однако официальная версия гласит — это было самоубийство. «Умер великий национальный поэт» — написал в некрологе Алексей Толстой. И это действительно так. Ведь его поэзия, грустная, щемящая, озорная, и сегодня не теряет своей пленительности, продолжая трогать людские сердца... »

Владимир Братченко «Просто поэт. Но непростой»

« Так уж распорядилась судьба, что княгиня Ольга Романова не была красавицей, и царица Мария Федоровна очень сокрушалась по этому поводу. Но саму княжну это не волновало, так как в круг ее интересов входило совсем другое: живопись и изготовление входящих в моду фотографий. Она даже не подозревала, что через много лет это увлечение даст ей возможность выжить в трудные годы... »

Александр Ралот «Ольга — дочь Александра III»

« Судьба Артемия Петровича Волынского привлекала не только его современников, но и потомков. Взошедшая на престол Екатерина II, ознакомившись с его делом, даже оставила своим детям завещание: «Советую и поставляю читать дело Волынского от начала до конца, дабы они видели и остерегали себя от такого незаконного примера». »

Виктор Елисеев «Дело Волынского»

« Актерская судьба Георгия Миллера сложилась, с одной стороны, удачно — множество ролей, узнавание и любовь зрителей, но с другой стороны — ему хотелось сыграть кого-то великого, настоящего, а не очередную Бабу ягу или чудище морское. Он даже сочинил «эпитафию» своей карьере: «напоследок сыграть Суворова и тогда уж спокойно уйти!» »

Евгения Гордиенко «Сказочная Баба яга»

Детектив Георгия Ланского **«Синий лед»**

№11 ноябрь 2024